HX821
.K45

The University of Chicago Library

Khleb i volia.

ХЛѢБ и ВОЛЯ

ИЗДАНІЕ
ФЕДЕРАЦІИ
СОЮЗОВ РУССКИХ
РАБОЧИХ
СОЕД.-ШТАТОВ И КАНАДЫ

Publication of the Federation of Unions of Russian workers in the U.S. and Canada

Цьна 15 сент.

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

АВГУСТ 1919

СОДЕРЖАНІЕ

М. А. БАКУНИН. — Антитеологизм - - 1
Проф. Л. БЮХНЕР. — Сила и Матерія - 6
М. ШТИРНЕР. — Единственный и его собственность - - - - - - - - - 12
ИВТО. — Азбука Синдикализма - - - 15
НОВОМІРСКІЙ. — О самодержавіи народа 20
З. НАХТ. — Исторія Рабчаго Движенія в Испаніи - - - - - - - - - 25
П. КРОПОТКИН. — Исторія Великой Французской Революціи - - - - - - 28
П. КРОПОТКИН. — Революціонное правительство - - - - - - - - - 32
НОВОМІРСКІЙ — Двѣ Диктатуры - - 38
П. КРОПОТКИН — Идеалы и дѣйствительность в русской литературѣ - - - 42
СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ - - 47

HX821
K45

ОТ РЕДАКЦІИ

Посвящается всѣм неимущим современнаго общества, чтобы они могли сравнивать и размышлять.

Приступая к изданію ежемѣсячнаго приложенія к еженедѣльному органу Федераціи ХЛѢБ и ВОЛЯ, мы ставим своей цѣлью широкое распространеніе теоріи и философіи идей безвластія.

Поэтому-то, в научно-литературном ежемѣсячникѣ ХЛѢБ и ВОЛЯ, мы будем помѣщать статьи из трудов теоретиков всѣх теченій великаго движенія к свободѣ человѣчества, как-то:синдикальнаго, коммунистическаго и индивидуалистическаго, и всѣх тѣх школ каждаго теченія, какія имѣют обоснованную платформу, нерасходящуюся, в общем, с принципами безвластія.

Одновременно с этим, мы будем помѣщать выдержки из исторіи рабочаго движенія, дабы, изучая ошибки прошлых поколѣній борцов за свободу, современное поколѣніе могло избѣжать повторенія их и тѣм самым ускорить приход эры полной свободы.

Называя ежемѣсячное приложеніе ХЛѢБ и ВОЛЯ также литературным, мы имѣем ввиду дать в нем мѣсто для статей об искусствѣ и литературѣ, стремящихся утончить эстетическій вкус рабочих и развить потребность в красивом и изящном. Время от времени мы будем помѣщать разсказы, краткія повѣсти и стихи, являющіеся классическими образцами литературной красоты и изящества.

Мы надѣемся, что товарищи, сочувствующіе великому дѣлу развитія масс и распространенію идей безвластія придут нам всячески на помощь.

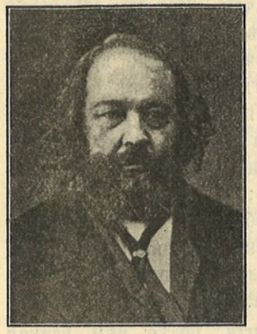
Мы обращаемся к тѣм, кому дорого это дѣло, с просьбой присылать нам имѣющіяся рѣдкія книги, брошюры и т. д., которыя могут помочь успѣшному веденію нашей общей работы.

С товарищеским привѣтом,

РЕДАКЦІОННАЯ КОЛЛЕГІЯ.

Антитеологизм

М. А. БАКУНИНА



Мы убѣждены, что в мірѣ не произошло ни одного крупнаго политическаго и соціальнаго измѣненія, которое бы не было сопровождаемо и часто предупреждаемо аналогичным движеніем в философских и религіозных идеях, управляющих сознаніем индивидов и общества.

Всѣ религіи со своими богами были всегда ничѣм иным, как созданіем вѣрующей и легковѣрной фантазіи человѣка еще не достигшаго уровня чистаго разсужденія и свободной, основанной на наукѣ, мысли. Поэтому религіозное небо было лишь миражем, в котором воспламенный вѣрой человѣк, находил свое собственное изображеніе, но увеличенное, опрокинутое и так сказать **обожествленное.**

Исторія религій, исторія возвышенія и упадка слѣдовавших друг за другом богов, является ничѣм иным, как исторіей развитія ума и коллективнаго сознанія людей. По мѣрѣ того, как они открывали в себѣ-ли, или внѣ себя, какую-нибудь силу, способность или качество, они приписывали его своим богам, увеличив его, расширив, сверх всякой мѣры, актом своей религіозной фантазіи, подобно тому, как это дѣлают дѣти. Таким образом, благодаря великодушію и скромности людей, небо обогатилось добычей, отнятой у земли, и по естественной послѣдовательности обстоятельств, чѣм небо становилось богаче, тѣм бѣднѣе становилось человѣчество. Как только божество было признано, оно, естественно, было провозглашено господином, источником, распредѣлителем всѣх вещей: реальный мір стал существовать как его отблеск и человѣк, его безсознательный творец, колѣнопреклонился перед своим твореніем и об'явил себя рабом, созданіем божества.

Христіанство является религіей по преимуществу, именно потому, что оно представляет, проявляет в себѣ природу и сущность всякой религіи, каковы: систематическое, абсолютное обираніе, уничтоженіе и порабощеніе человѣчества в пользу божества, — высшій принцип не только всякой религіи, но и всякой метафизики, как деистической, так и пантеистической. Так как Бог — истина, справедливость и безконечная жизнь, то человѣк — ложь, неправедность и смерть. Так как Бог господин, то человѣк — раб. Неспособный сам отыскать путь справедливости и истины, он должен получить их, как откровеніе свыше, посредством посланников и избранников божьей милости. Кто говорит об откровеніи, говорит о свыше вдохновленных пророках и священниках, а раз эти послѣдніе призваны за представителей божества на землѣ, за учителей и вождей человѣчества на пути к вѣчной жизни, то они тѣм самым получают право руководить, повелѣвать и управлять человѣчеством в его земном существованіи. Всѣ люди обязаны в них слѣпо вѣрить и безпрекословно им повиноваться; будучи рабами Бога, люди должны быть также рабами церкви и государства, поскольку это послѣднее благословлено церковью. Из всѣх существующих или существовавших религій, одно христіанство в совершенствѣ это поняло, а из всѣх христіанских сект, только римскій католицизм провозгласил и осуществил этот принцип с полной послѣдовательностью. Вот почему христіанство является религіей абсолютной, послѣдней религіей; вот почему апостольская римская церковь является единой послѣдовательной, законной и божественной.

Поэтому, как это ни противно всѣм полуфилософам, всѣм так называемым, религіозным мыслителям, — **существованіе Бога логически связано с самоотреченіем человѣческаго разума и человѣческой свободы и необходимо приводит не только к теоретическому но и к практическому рабству.**

И, если только мы не хотим рабства, мы не можем и не должны дѣлать никаких уступок теологіи, ибо, имѣя дѣло с этим мистическим и строго послѣдовательным алфавитом, всякій, начав с A, фатально дойдет до Z; всякій, желающій обожать Бога, должен будет отказаться от свободы и достоинства человѣка.

Бог существует, значит человѣк — раб.

Человѣк разумен, справедлив, свободен, — значит Бога нѣт.

Мы смѣло утверждаем, что никто не может выйти из этого круга; и в таком случаѣ пусть выбирают.

Да и исторія нам показывает, что священники всѣх религій, за исключеніем лишь рели-

гій преслѣдуемых, всегда были в союзѣ с тиранніей. И даже преслѣдуемые священники, хотя и они сражались и проклинали притѣсняющія их власти, тѣм не менѣе подчиняли своих послѣдователей принудительной дисциплинѣ, и тѣм самым приготовляли элементы новой тираніи. Духовное рабство какого угодно характера, будет всегда имѣть своим естественным послѣдствіе рабство политическое и соціальное. — В настоящее время Христіанство под всѣми своими формами, а также вышедшая из него доктринерная и деистическая метафизика, которая в сущности ничто другое, как замаскированная теологія, является без всякаго сомнѣнія самым громадным препятствіем для освобожденія общества. Поэтому то всѣ правительства, всѣ государственые люди Европы, которые сами не являются ни теологами, ни деистами, которые в глубинѣ своих сердец не вѣрят ни в Бога, ни в Діавола, со страстью, с остервененіем покровительствуют метафизикѣ и религіи, какой бы то ни было религіи, лишь бы она по примѣру всѣх других, проповѣдывала смиреніе, подчиненіе и терпѣніе.

Остервененіе, с которым всѣ правительства защищают религію показывает, насколько для нас необходимо бороться с нею и уничтожить ее.

Нужно ли вам, господа, напоминать, как деморализующе и гибельно дѣйствуют на народ религіозныя вліянія? Они убивают в нем разум, это главное орудіе человѣческаго освобожденія, и, наполняя умы божественными нелѣпостями, доводят народ до отупѣнія, главнаго основанія всякаго рабства. Они убивают в людях энергію к труду, являщуюся для человѣка спасеніем и величайшей славой. Вѣдь только в трудѣ человѣк становится творцом, создает свой мір, создает основанія и условія своего человѣческаго существованія и завоевывает, как свободу, так и человѣчность. Религія убивает в людях производительную мощь, внѣдряя в них презрѣніе к земной жизни в виду небеснаго блаженства, и уча их, что труд — это послѣдствіе проклятія или заслуженное наказаніе, а бездѣйствіе — божеская привилегія. — Религія убивает в людях справедливость, эту строгую хранительницу братства, это необходимое условіе мира, наклоняя всегда вѣсы в сторону болѣе сильных, на которых по преимуществу изливается божественная благодать, заботливость и благословеніе. Наконец, она убивает в них человѣчность, замѣняя ее в их сердцах божественною жестокостью.

Всѣ религіи основаны на крови, ибо всѣ, как извѣстно, существенно опираются на идею жертвоприношенія, т. е. постояннаго закланія человѣчества ради ненасытной мстительности божества. В этом кровавом таинствѣ, человѣк всегда является жертвой, а священник, тоже человѣк, но человѣк возвышенный благодатью, — божественным палачом. Это нам об'ясняет, почему священники всѣх религій, и даже самые лучшіе, самые человѣчные, самые кроткіе из них имѣют почти всегда в глубинѣ сердца, и если не в сердцѣ, то по крайней мѣрѣ, в умѣ и в воображеніи — а извѣстно какое вліяніе имѣют эти послѣдніе на сердце, — нѣчто жестокое и кровожадное; и вот, когда повсюду возбуждался вопрос об уничтоженіи смертной казни, то всѣ священники, римско-католическіе, московско-православные, протестантскіе— всѣ единогласно высказались за ея сохраненіе.

Христіанская религія, болѣе чѣм всякая другая, была основана на крови и исторически окрещена в крови. Посчитайте милліоны жертв, которых эта религія любви, прощенія заклала ради удовлетворенія жестокой мести своего Бога. Вспомните, пытки, которыя она выдумала и примѣнила. И развѣ нынѣ она сдѣлалась болѣе кроткой? Нѣт, но, поколебленная равнодушіем и скептицизмом, она лишь сдѣлалась безсильной, или лучше сказать, гораздо менѣе сильной, ибо к несчастью, она не лишена еще, даже в настоящее время, способности вредить. И посмотрите на страны, в которых, гальванизированная реакціонными страстями, она с виду словно воскресает; не является ли ея первым словом — мщеніе и кровь, ея вторым словом отреченіе от человѣческаго разума, а ея заключеніем — рабство? Покуда христіанство и христіанскіе священники, покуда какая бы то ни было божеская религія будет продолжать имѣть хотя бы малѣйшее вліяніе на народныя массы, до тѣх пор не восторжествуют на землѣ разум, свобода, человѣчность и справедливость. Ибо покуда народныя массы останутся погруженными в религіозныя суевѣрія, до тѣх пор они будут послушным орудіем в руках всѣх земных деспотизмов, соединившихся против освобожденія человѣчества.

Вот почему нам чрезвычайно важно освободить массы от религіозных суевѣрій, и не только из за любви к ним, но также и из за любви к самим себѣ, ради спасенія нашей свободы и безопасности. Но эта цѣль может быть достигнута лишь двумя путями: распространеніем раціональной науки и пропагандой соціализма.

Мы подразумѣваем под раціональной наукой ту, которая освободилась от всѣх призраков метафизики и религіи, и в то же время отличается от чисто экспериментальных и критических наук. Она отличается от них, во первых тѣм, что не ограничиваает свои изысканія тѣм или другим опредѣленным предметом, но старается охватить весь доступный познанію мір; до того же, что лежит за границами познанія, ей нѣт никакого дѣла. Во вторых, она отличается от эксперментальных наук тѣм, что не пользуется, как эти послѣднія, исключительно аналитическим методом, но позволяет себѣ прибѣгать и к синтезу, пользуясь довольно часто аналогіей и дедукціей, хотя она придает своим синтетическим выводам чисто гипотетическое значеніе, до тѣх пор, пока они не подтверждены самым строгим экспериментальным или критическим анализом.

Гипотезы раціональной науки отличаются от гипотез метафизики в том отношеніи, что эта послѣдняя, выводя свои гипотезы как логическія слѣдствія из абсолютной системы, претендует заставить природу им подчиняться. Напротив того, гипотезы раціональной науки вытекают не из трансцендентной системы, а из синтеза, являющагося ничѣм иным, как резюме или общим выводом из множества доказанных на опытѣ фактов. Поэтому эти гипотезы никогда не могут имѣть всенепремѣннаго, обязательнаго характера; напротив того, онѣ предлагаются в таком видѣ, чтобы их можно было отбросить сейчас же, как только онѣ являются опровергнутыми новыми опытами.

Раціональная философія или всемірная наука не ведет себя ни аристократически, ни начальнически, как то дѣлала покойная госпожа метафизика. Эта послѣдняя, организуясь всегда сверху вниз, путем дедукціи и синтеза, на словах признавала, правда, автономію и свободу отдѣльных наук, но на дѣлѣ страшно их стѣсняла. Доходило до того, что она заставляла их признать законы и даже факты, которых нельзя найти в природѣ. С другой стороны, она препятствовала им заниматься опытными изслѣдованіями, результаты которых свели бы к небытію ея спекуляціи. — Как видите, метафизика дѣйствовала по методу централизованных Государств.

Напротив того, раціональная философія является чисто демократической наукой. Она организуется свободно снизу вверх, и опыт признает своим единственым основаніем. Ничто, не анализированное и не подтвержденное опытом или самой строгой критикой, не может быть ею воспринято. Поэтому, Бог, Безконечное, Абсолют, — всѣ эти столь любимые об'екты метафизики, совершенно устраняются из раціональной науки. Она с равнодушіем отворачивается от них, она смотрит на них, как на призраки или миражи. Но и призраки и миражи играют существенную роль в развитіи человѣческаго ума. Человѣк обыкновенно достигает познанія простой истины лишь послѣ того, как он создал и пересоздал всѣ возможныя иллюзіи. А так как картина развитія человѣческаго ума является реальным предметом науки, — то естественная философія удѣляет мѣсто и разсмотрѣнію заблужденій. Она занимается ими лишь с точки зрѣнія истории и старается в то же время показать нам как физіологическія, так и историческія причины зарожденія, развитія и упадка религіозных и метафизических идей, а также их временную и относительную необходимость для развитія человѣческаго духа. Таким образом, она отдает им всю справедливость, которой они достойны; потом отворачивается от них навсегда.

Ея предмет это реальный, доступный познанію мір. По мысли раціональнаго философа, в мірѣ существует лишь одно существо и одна наука. Поэтому он стремится соединить и соподчинить всѣ отдѣльныя науки в единую систему. Это соподчиненіе всѣх позитивных наук в единую систему человѣческаго знанія образует **Позитивную философію** или всемірную науку. Наслѣдница и в то же время совершенная разрушительница религіи и метафизики, эта философія, уже издавна предчувствуемая и подготовляемая лучшими умами, была в первый раз обнародована в видѣ цѣлостной системы, великим французским мыслителем, Огюстом Контом, который умѣлой и смѣлой рукой начертал ея первый план.

Координація наук, устанавливаемая позитивной философіей, не является простой постановкой в ряд; нѣт, это своего рода органическое сцѣпленіе, начинающееся с самой абстрактной науки, с той, которая занимается фактами самаго простого рода, а именно: с математики, и постепенно восходящее к наукам сравнительно болѣе конкретным, занимающимся болѣе сложными фактами. От чистой математики переходишь к механикѣ, к астрономіи, потом к физикѣ, к химіи, геологіи и біологіи (т. е. к сравнительной классификаціи, анатоміи и физіологіи растеній и животных). Наконец достигаешь соціологіи, которая обнимает собой всю человѣческую исторію, как развитіе человѣческаго Существа, коллективнаго и индивидуальнаго в политической, экономической соціальной, религіозной, артистической и научной жизни. Между всѣми этими, слѣдующими одна за другой науками, начиная с математики и кончая соціологіей, нѣт ни одного разрыва непрерывности. Единое Существо,

единая наука и в сущности единый метод, который лишь усложняется по мѣрѣ того, как факты становятся болѣе сложными. Каждая послѣдующаая наука широко и всецѣло опирается на предыдущей наукѣ, и представляется, насколько позволяет это усмотрѣть современное состояніе наших реальных познаній, ея необходимым развитіем.

Любопытно отмѣтить, что порядок наук, установленный Огюстом Контом, почти такой же. как порядок наук в Энциклопедіи Гегеля. Этот величайшій метафизик настоящих и прошлых времен, счастливо и достославно довел развитіе спекулятивной философіи до ея кульминаціоннаго пункта, так что подвигаемая своей собственной діалектикой, она необходимо должна была прійти послѣ этого к самоуничтоженію. Но между Огюстом Контом и Гегелем есть громадное различіе. Этот послѣдній, в качествѣ истиннаго метафизика, спиритуализировал матерію и природу, выводя их из логики, т. е. из духа. Напротив, того, Огюст Конт матеріализировал дух, основывая его единственно на матеріи. — В этом его безмѣрная заслуга и слава.

Психологія, эта столь важная наука, служившая базой для метафизики, и разсматриваемая спекулятивной философіей, как мір почти абсолютный, свободный и независимый от всякаго матеріальнаго вліянія, в системѣ Огюста Конта, основывается единственно на физіологіи и является ничѣм иным как дальнѣйшим развитіем этой послѣдней. Таким образом то, что называется умом, воображеніем, чувством, ощущеніем и волей является в наших глазах лишь различными способностями, функціями или проявленіями человѣческаго тѣла.

Разсматриваемые с этой точки зрѣнія человѣчество, его развитіе и исторія представляются нам в совершенно новом свѣтѣ, болѣе естественно, болѣе широко, болѣе человѣчно, болѣе плодотворно в поученіях для будущаго. Раньше мы разсматривали этот мір как проявленіе теологической, метафизической и юридико-политической идеи; в настоящее время мы должны возобновить его изученіе, взяв за исходную точку природу, а за путеводную нить нашу собственную философію.

На этой новой дорогѣ научнаго развитія уже предчувствуется появленіе новой науки, соціологіи, — т. е. науку об общих законах. управляющих развитіем человѣческаго общества. Соціологія будет послѣдней ступенью и увѣнчаніем позитивной философіи. Исторія и статистика доказывают нам, что соціальное тѣло, подобно всякому другому естественному тѣлу, повинуется в своих эволюціях и трансмутаціях общим законам, которые; как кажется, столь фатальны, как и законы физическаго міра. Выясненіе этих законов из массы прошедших и настоящих исторических фактов, вот задача соціологіи. Помимо громаднаго интереса, пред ставляемаго ею для ума, она обѣщает в будущем и большую практическую пользу. Подобно тому, как мы не можем властвовать над природой и видоизмѣнять ее согласно нашим прогрессивным нуждам, иначе как лишь благодаря пріобрѣтенному нами знанію ея законов, также точно мы будем в состояніи осуществить в соціальной средѣ свободу и благоденствіе, лишь опираясь на постоянные, естественные законы, управляющіе этой средой. Раз мы признали несуществованіе бездны, которая в воображеніи теологов и метафизиков раздѣляет дух и природу, мы должны разсматривать человѣческое общество, как тѣло, правда, гораздо болѣе сложное, чѣм другія, но столь-же естественное и повинующееся тѣм же законам, с прибавленіем законов, исключительно ему свойственных. Раз это признано, становится ясным, что знаніе и строгое изслѣдованіе этих законов необходимы, дабы предпринимаемыя нами соціальныя переустройства были живучи.

Но с другой стороны мы знаем, что соціологія еще новорожденная наука, что она еще в поисках за своими основаніями. Если мы будем судить об этой наукѣ, самой трудной из всѣх, по примѣру других, то мы должны будем признать, что потребуется нѣсколько, и по крайней мѣрѣ, одно столѣтіе, чтобы она могла окончательно утвердиться и сдѣлаться наукой серьезной и болѣе или менѣе полной и самодовлѣющей. И так, какже поступать? Надо ли чтобы страдающее человѣчество ожидало избавленія от давящих его несчастій впродолженіе столѣтія или болѣе, до тѣх пор, пока окончательно установившаяся позитивная соціологія не об'явит ему, что она наконец может дать ему указанія и инструкціи для раціональнаго переустройства соціальной жизни?

Нѣт, тысячу раз нѣт! Во первых, чтобы ждать еще нѣсколько столѣтій, надо бы имѣть терпѣніе... повинуясь старой привычкѣ, мы чуть было не сказали: терпѣніе нѣмцев, но были остановлены вспоминаніем, что в настоящее время другіе народы даже превзошли нѣмцев в проявленіи этой добродѣтели. Во вторых если мы даже предположим у себя возможность и терпѣніе ожидать, то чѣм бы явилось общество, представляющее собой лишь примѣненіе на практикѣ науки, хотя бы самой полной и совершенной в мірѣ?—Ничтожеством. Представьте себѣ мір, не заключающій в себѣ ничего, кромѣ того, что человѣческій ум до сих пор замѣтил, узнал и понял, — не являлся ли этот мір дрянным домишкой, по сравненію с тѣм, который существует?

Мы полны уваженія к наукѣ; мы смотрим на нее, как на одно из самых драгоцѣнных сокровищ, как на одну из лучших слав человѣчества. Наукой человѣк отличается от животнаго своего меньшаго брата в настоящем, своего предка в прошедшем, и становится способным быть свободным. Тѣм не менѣе необходимо признать, что у науки есть границы, и напомнить ей, что она только часть. Все—это жизнь; безконечная жизнь міров или дабы не потеряться в безконечном и не опредѣленном: жизнь нашей солнечной системы, или хотя бы нашего земного шара; наконец, все болѣе и болѣе ограничиваясь, скажем: человѣческій мір, — движеніе, развитіе, жизнь человѣческаго общества на землѣ. Все это несравненно шире, глубже и богаче науки и никогда не будет ею исчерпано.

Жизнь, взятая в этом всеоб'емлющем смыслѣ, не является примѣненіем той или другой человѣческой или божеской теоріи. Мы охотно сказали бы, что жизнь это творчество, если бы не боялись дать двусмысленности. Сравнивая народы, творящіе собственную исторію с художниками, мы спросили бы: развѣ ждали великіе поэты для созданія своих великих произведеній, чтобы наука раскрыла законы поэтическаго творчества? Не создали ли Эсхиль и Софокл свои великолѣпныя трагедіи много рань ше, чѣм Аристотель построил на основаніи их твореній свою первую эстетику? Теоріями ли вдохновлялся Шекспир? А Бетховен? Не расширил ли он созданіем своих симфоній, самыя основанія контрапункта? и чѣм бы было произведеніе искусства, созданное по правилам самой лучшей эстетики в мірѣ? Повторяем еще раз,—ничтожеством. Но народы, творящіе свою исторію, по всей вѣроятности не бѣднѣе инстинктом, не слабѣе творческой мощью, не зависимѣе от гг. ученых чѣм художники!

Если мы колеблемся употребить ли слово: твореніе, то только потому, что боимся, что ему припишут смысл, который мы никак не можем допустить. Кто говорит о твореніи, говорит, как будто, и о творцѣ, а мы отвергаем существованіе единаго творца по отношенію к человѣческому міру так же точно, как и по отношенію к физическому, составляющему на наш взгляд, с первым один нераздѣльный мір. Даже говоря о народах, творящих свою собственную исторію, мы сознаем, что употребляем метафизическое выраженіе, не собственное сравненіе. Каждый народ является коллективным существом, обладающим, как физіолого-психологическими, так и политико-соціальными особенностями, которыя индивидуализируют его, отдѣляя от всѣх других народов. Но это не единое и нераздѣльное существо, в реальном смыслѣ слова. Как ни развито его коллективое сознаніе, как ни концентрирована в минуту великаго національнаго кризиса народная страсть или воля, как ни направлена она вся к одной цѣли, никогда эта концентрація не сравняется с концентраціей сил в реальном индивидѣ. Одним словом, ни один народ, как бы он ни чувствовал себя единым, не может сказать: я хочу! но должен сказать: мы хотим! И если вы услышите что говорят от имени всего народа: он хочет! будьте увѣрены, что за этим словом скрывается какой-нибудь узурпатор: человѣк или партія.

Итак, мы не подразумѣваем здѣсь под словом твореніе, ни теологическое или метафизическое твореніе, ни художественное, научное или какое-либо другое твореніе, за которым скрывается творящій индивид. Мы подразумѣваем под этим словом просто безконечно-сложный комплекс безчисленнаго множества очень различных причин, больших или малых, из которых часть извѣстна, но громадное большинство остается неизвѣстным, и которыя, скомбинировавшись между собой в опредѣленный момент, скомбинировавшись, понятно, не без причины, но без преднамѣренія, без предначертаннаго плана, создали данный факт.

Но, скажут, в таком случаѣ, исторія и судьбы человѣческаго общества должны представлять собой хаос и быть игрушкой случая? Напротив, лишь когда исторія свободна от всякаго божескаго и человѣческаго произвола, тогда она являет нашим глазам все свое подавляющее величіе, всю закономѣрность своего необходимаго развитія, подобно органической природѣ, чьим непосредственным продолженіем она является. Природа, несмотря на неисчерпаемое богатство и разнообразіе составляющих ее существ, нисколько не представляет собой хаоса, а напротив великолѣпно организованный мір, гдѣ каждая часть сохраняет, так сказать, необходимое логическое соотношеніе со всѣми остальными. Но скажут, значит был устроитель? Нисколько: устроитель, хотя и Бог, мог бы лишь испортить своим личным произволом естественное устройство и логическое развитіе вещей. И мы видим, что во всѣх религіях главное свойство божества это быть превыше, то есть против всякой логики и всегда имѣть совсѣм особенную логику: а именно, логику естественной невозмож-

ности или нелѣпости *). Ибо, что такое логика, если не естественный ход и развитіе вещей, т. е. естественный путь, посредством котораго множество опредѣляющих причин производят факт? Итак, мы можем высказать слѣдующую простую и в то же время рѣшительную аксіому: **Все, что естественно—логично, и все что логично—существует и должно осуществиться в реальном мірѣ: в природѣ, в узком смыслѣ, и в ея дальнѣйшем развитіи—в естественной исторіи человѣческаго общества.**

Итак, вопрос в том, что логично в природѣ и в исторіи? Это не так легко опредѣлить, как можно думать при первом взглядѣ. Ибо, чтобы знать это в совершенствѣ так, чтобы никогда не ошибаться, надо бы обладать познаніем всѣх причин, вліяній, дѣйствій и противодѣйствій, опредѣляющих природу какой-либо вещи или факта, не исключая ни одной причины, хотя бы самой отдаленной или слабой. А какая философія или наука может похвалиться что она в состояніи обнять и исчерпать все это своим анализом? Чтобы претендовать на это, надо быть очень бѣдным умом или очень мало сознавать безконечное богатство дѣйствительнаго міра.

Надо ли из-за этого сомнѣваться в наукѣ? Надо ли отбрасывать ее потому что она дает нам лишь то, что может дать? Это было бы новым безумiем и много болѣе зловредным, чѣм первое. Если вы потеряете науку, то за неимѣніем знаній, вы возвратитесь к состоянію ваших предков горилл, и вам придется положить нѣсколько тысяч лѣт на повтореніе всего пути, которым шло человѣчество, освѣщенное фантасмагорическими сіяніями религіи и метафизики, пока не достигло, правда, несовершенной, но зато очень достовѣрной истины, которой мы в настоящее время обладаем.

(Продолженіе слѣдует.)

*) Сказать, что Бог не против логики, это значит утверждать, что он совершенно тождествен с логикой, что он сам ничто иное как логика, т. е. естественный ход развитія реальных вещей. Другими словами, это значит сказать, что Бога нѣт. Существованіе Бога может имѣть значеніе, лишь как отрицаніе естественных законов. Отсюда вытекает слѣдующая неоспоримая дилемма: Бог существует, значит нѣт естественных законов и мір представляет собой хаос; мір не есть хаос, он обладает внутренним устройством, — значит Бога нѣт.

Сила и Матерія

Профессора Д-ра ЛЮДВИГА БЮХНЕРА

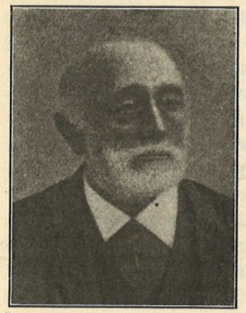
„Вселенную, представляющую собою одно и то же для всѣх, не создал не кто-либо из богов, не кто-либо из людей. Она была **всегда** и будет вѣчно живым огнем, загорающимся и гаснущим в опредѣленной мѣрѣ; она — игра, в которую Зевс играет сам с собой".

Гераклит Эфесскій.

„Для кого время подобно вѣчности, а вѣчность — времени, тот избавлен от всяких споров".

I. Беме.

Tres physici, duo athei.



„Сила не является богом, толкающим матерію, она не представляет собою сущности вещей, отдѣленной от матеріальной основы. Она составляет неотдѣлимое от матеріи свойство, вѣчно присущее ей". — „Сила, несвязанная с матеріей, свободно носящаяся над матеріею, является совершенно безсодержательным представленіем. Свойства, характеризующія азот, углерод, водород и кислород, сѣру и фосфор, вѣчно присущи этим веществам". **(Молешотт).**

„При основательном разборѣ мы без долгих колебаній можем понять, что нѣт ни сил, ни матеріи. И силы, и матерія представляют собою абстракціи, воспринятые с различных точек зрѣнія. **В отдѣльности** одна от другой **онѣ не существуют**". — „Матерію нельзя представлять себѣ в видѣ телѣги, а силу — в видѣ лошадей, которых можно то впрячь в телѣгу, то выпрячь из нея. Частичка желѣза остается неизмѣнною одной и той же вещью, независимо от того, носится ли она в метеоритѣ в міровом пространствѣ или мчится по рельсам в колесѣ паровоза или течет по кровеносным сосудам в вискѣ поэта... Ея свойства вѣчны, они не отчуждаемы". **(Дюбуа-Реймон).**

„Ничто в мірѣ не дает нам права предполагать существованіе сил без тѣл, из которых онѣ исходят и на которыя онѣ дѣйствуют".

(Котта).

„Мы не знаем ни одного вещества, которое не обладало бы силами, и точно также мы не знаем сил, которыя не были бы связаны с веществами". **(Геккель).**

„Представленіе о том, что матерія пассивна, и что сила дѣйствует на нее извнѣ, так ошибочно, что оно было бы даже невозможно, если бы человѣческій дух не затуманивали мистическіе образы фантазіи. Матерія и сила, матерія и дух представляют не отдѣльныя друг от друга существа, а различныя состоянія одной и той же вещи". **(Т. Виньоли).**

„Тѣло и силу можно отдѣлять друг от друга только мысленно. В дѣйствительности же, они представляют одно цѣлое". **(А. Майер).**

„Мы должны строго держаться того положенія, что матерія и сила нераздѣльно связаны и притом связаны так, что самостоятельно существовать без матеріи сила не может".

(С. Корнеліус).

„Оказывается, что всѣ попытки допустить существованіе сил без матеріи и наоборот, представляют лишь односторонніе абстракціи (отвлеченія), происхожденіе которых об'ясняется тѣм, что в нашей рѣчи для силы и матеріи существуют различныя выраженія, и что поэтому люди думали, будто и в природѣ их можно найти в видѣ двух различных вещей". **(Вейс).**

„Мысленно мы можем в любом предметѣ изолировать каждую отдѣльную силу, но мы никогда не сможем отдѣлить от этого предмета что-нибудь, что мы могли бы назвать веществом без силы". **(Нэгели).**

„Ясно, как божій день, что нельзя отдѣлять друг от друга понятіе силы и матеріи. Допущеніе существованія чистой матеріи так же ошибочно, как мысль о существованіи чистой силы. И то и другое представляет отвлеченіе от дѣйствительности. Вѣдь мы воспринимаем матерію только при посредствѣ ея сил, а не саму по себѣ". **(Гельмгольтц).**

„Сила это — динамическая сторона матеріи, а матерія — это статическая сторона силы".

(Льюис).

„В природѣ сила и матерія представляют один и тот же принцип и только в рѣчи можно отдѣлять одну от другой". **(А. Герцен).**

„Первым и послѣдним словом науки будет всегда нераздѣльная связь или торжество силы и матеріи". **(А. Лефевр).**

Этими изрѣченіями извѣстных ученых мы начинаем главу, в которой хотим познакомить читателя с одной из наиболѣе простых и в то же время наиболѣе важных истин современнаго естествознанія. Эта истина менѣе всего извѣстна и признана в настоящее время, но она лежит в основѣ всѣх наших дальнѣйших изслѣдованій.

Нѣт силы без матеріи, нѣт матеріи без силы. Матерія также немыслима без силы, как и сила без матеріи. Взятыя отдѣльно одно от другого оба эти понятія превращаются в пустыя отвлеченія, служащія лишь для нагляднаго представленія двух сторон или способов проявленія одной и той же сущности вещей (природа которой, в сущности, нам неизвѣстна). Слѣдовательно, сила и матерія представляют, собственно говоря, одно и то же, но с различных точек зрѣнія. В **чувственном** мірѣ мы не знаем ни одной частицы вещества, которая бы не была одарена силами. При ближайшем разсмотрѣніи мы должны даже придти к тому выводу, что вещество, как таковое, совсѣм не могло оказать какое-нибудь дѣйствіе на наши органы воспріятія или чувства; оно может дѣлать это лишь при посредствѣ связанных с ним или дѣйствующих в нем сил. Так, напримѣр, кусок свинца, который мы держим в рукѣ, давит на нашу руку только вслѣдствіе наличности силы притяженія земли, благодаря которой у нас создается ощущеніе тяжести. Но мы не можем составить себѣ какого-нибудь чисто **идейнаго** представленія о матеріи без силы. В каком бы видѣ мы не представляли себѣ какое либо основное вещество, все же между малѣйшими частицами его должна была бы всегда царить какая-нибудь система взаимнаго притяженія и отталкиванія, которая служила бы причиной дальнѣйших измѣненій, т. е., всегда должно имѣться на лицо опредѣленное, регулируемое силами отношеніе между частицами(отношеніе, надѣляющее получающіяся новыя соединенія или образованія новыми свойствами. „Подобно тому, как вода стекает с наших рук, точно так же представленіе матеріи расплывается в тот самый момент, когда вы пытаетесь отдѣлить его от представленія движенія или силы, от представленія формы" (А. Лаугель) *).

Понятіе силы без вещества так же безсодержательно, как и понятіе вещества без силы. Только суевѣріе или невѣжество прошлых столѣтій могло считать допустимым существованіе в природѣ независимых от матеріи сил. Современная наука совершенно отказалась от такого воззрѣнія. Ничто не может нам указать на дѣйствительное существованіе силы, кромѣ

*) Поэтому-то в настоящее время, (а отчасти даже уже в 17 и 18 столѣтіях) на **химію**, являющуюся наукой, изучающей **вещества**, все больше и больше смотрят, как на отдѣл общей **физики**, трактующей о **силах**. По всей вѣроятности, разница между физической и химической силой заключается лишь в том, что первая затрагивает, главным образом, так наз., **атом** или малѣйшую частичку основного вещества, между тѣм, как послѣдняя присуща **молекулѣ**, составленной из нѣсколько одинаковых или разнородных атомов. Другими словами, химію можно называть **механикой атомов**, а физику—**механикой молекул.**

тѣх свойств, измѣненій или движеній, которыя мы чувственно воспринимаем от матеріи и которыя мы по сходству или различію характера их проявленія снабжаем названіями различных „сил“. Познать эти силы каким-нибудь иным путем невозможно. Представьте себѣ электричество, магнетизм, тяжесть, теплоту, химическое сродство и т. п. без тѣх тѣл, на которых мы наблюдали проявленія этих сил или без тѣх матеріальных частиц, взаимоотношенія которых являются причиной этих явленій. И что же тогда останется у нас? Ничего, кромѣ пустого понятія, кромѣ слова, служащаго нам лишь для нагляднаго представленія опредѣленнаго класса или рода проявленій матеріи. Мы не можем составить себѣ понятіе о том, что представляют собою или могли бы представлять собою силы сами по себѣ; мы не можем составить себѣ понятіе о силѣ без матеріи. Точно также мы не можем составить себѣ понятіе о матеріи или матеріях без силы. Строго говоря, мы не можем уже больше в настоящее время говорить о свѣтѣ. Мы можем говорить только о свѣтящейся, находящейся в волнообразном движеніи матеріи или тѣлѣ; мы не можем говорить о теплотѣ, а только о крайне колебательном вращающемся или поступательном движеніи мельчайших частиц матеріи; мы не можем говорить о **тяжести**, а только о тѣлѣ, оказывающем под вліяніем притяженія масс механическое давленіе на другія тѣла. Мы не можем говорить об электричествѣ; мы можем говорить лишь о веществѣ, находящемся в электрическом состояніи или электрическом возбужденіи, и т. д., и т. д.

Прежнее ученіе о, так называемых „невѣсомых“, т. е., о самостоятельных силах, которыя ученые представляли себѣ в видѣ невѣсомых веществ, теперь совершенно оставлено. Всѣ эти „невѣсомыя“ (каковы свѣт, теплота, электричество, магнетизм) представляют не что иное, как измѣненія во взаимоотношеніях малѣйших матеріальных частиц; эти измѣненія передаются от одного тѣла к другому, от матеріи к матеріи, подобно тому, как передается зараза. **Теплота,** эта основная сила природы, имѣющаяся постоянно и всегда на лицо во всѣх явленіях природы, превращающаяся во всѣ другія силы природы и добываемая из всѣх прочих сил,—теплота, говорю я, не представляет собою как это думали прежде, невѣсомаго вещества, переходящаго от одного тѣла на другое, а является молекулярным или атомным движеніем малѣйших частиц или молекул тѣла, при чем эти частицы болѣе или менѣе удаляются друг от друга, между тѣм, как под вліяніем холода онѣ сближаются. Теплота и холод отличаются друг от друга лишь тѣм, что в сравнительно холодном тѣлѣ движеніе частиц совершается менѣе энергично, чѣм в сравнительно теплом тѣлѣ. Поэтому-то теплоту и называют расширеніем, а холод—сжатіем матеріи. „Мы не знаем, как говорит Грове, ничего, кромѣ опредѣленных измѣненій вещества, которое обозначается общим именем теплоты; теплота, как вещь нам неизвѣстна“. Точно так-же и свѣт, который, по новѣйшим воззрѣніям, отождествляется с теплотою, с тою лишь разницей, что у них различно число колебаній эѳира, а слѣдовательно, и число вызванных этим колебаній молекул матеріи,—представляет собою невѣсомое вещество, как это думали прежде, а невыразимо быстрое колебательное или волнообразное движеніе вещества или атомов свѣтового эѳира, заполняющаго пространства и проникающаго во всѣ тѣла. Движеніе этого свѣтогого эѳира проявляется, в зависимости от тѣх или других условій то в видѣ свѣта, то в видѣ теплоты, то в видѣ электричества или магнетизма, то в видѣ химическаго сродства и так далѣе. Точно также, звук, похожій по характеру своего передвиженія на свѣт, является не особой слуховой матерієй, попадающей в наше ухо по воздуху, а лишь самим движущимся воздухом, передающим нашему органу слуха сообщенное ему движеніе.

Сила электричества, открывающая перед нами самыя блестящія перспективы, не покоится, как это думали раньше, на существованіи особой электрической жидкости, перетекающей из одного тѣла в другое. Изслѣдованія новѣйшаго времени показывают нам, что электрическія дѣйствія представляют собою только измѣненія состояній нашей обычной матеріи или вещества. Грове говорит, что если мы присмотримся ко всѣм извѣстным нам разновидностям, электрических явленій, то увидим, что при всѣх них происходит измѣненіе в малѣйших частицах заряженных электричеством субстанцій. Если вы, напримѣр, разрядите лейденскую банку с помощью платиновой проволоки, то вы увидите, что проволока при этом уменьшалась в своих размѣрах, так как ея мельчайшія частицы претерпѣли измѣненіе. Если вы станете продолжать разряжать банку, то проволока, в концѣ концов, закрутится или примет очень неправильную форму. Свинцовая проволока образует даже цѣлые узлы, прижимающіеся друг к другу, подобно тому как придавливаются друг к другу нанизанныя на веревку тѣла из мягкаго вещества. Кромѣ того, если вы будете пропускать электричество долгое время через металлическія проволоки, то постепенно мѣняется их внутреннее строеніе, и онѣ становятся то болѣе твердыми, то болѣе ломкими. Точно так-же и магнетизм измѣняет упругость желѣза или стали, и сгибающійся под своим собственным вѣсом стержень выпрямляется, если его намагнитить. Грове указывает, что и под дѣйствіем всѣх других сил тѣла тоже мѣняются. Так, напримѣр, чисто механическія причины, в родѣ колебанія, создаваемаго в воздухѣ звуком, могут вызывать химическія разложенія в субстанціях, связанных одна с другою очень слабым сродством.

В еще большей степени это относится к свѣтовым колебаніям, которыя создают самыя поразительныя химическія дѣйствія и иногда вызывают разложеніе химических соединеній, а иногда соединенія элементов. Примѣром первого может служить разложеніе углекислоты воздуха в растеніи под вліяніем солнечнаго свѣта. Примѣром второго может служить соединеніе хлора с водородом в соляную кислоту, которое тоже происходит под дѣйствіем солнечных лучей и сопровождается взрывом. Эти случаи показывают нам также, каким образом, так называемыя, скрытыя или потенціальныя силы, к разряду которых относится химическое сродство, всеобщее тяготѣніе и сцѣпленіе или молекулярная сила могут каждую минуту превращаться в живую или кинетическую силу, или в свою очередь, создаваться из нея. Таким образом, мы можем и эти силы разсматривать только, как состояніе или движеніе малѣйших матеріальных частиц. И сущность дѣла не мѣняется от того, проявляется-ли это состояніе лишь в возможном или дѣйствительном движеніи. Точно так-же для нас безразлично в данном случаѣ, происходит ли тут только дѣйствіе силы или собственное движеніе носителя силы. И по всей вѣроятности, недалек тот день, когда мы будем в состояніи выводить всѣ силы без исключенія не только из способности к движенію, но и из самаго движенія.

Поэтому-то названные нами в началѣ главы ученые и писатели характеризуют силу, то как свойство вещества, то как дѣеспособность его. Если мы захотим выразиться точнѣе, то мы опредѣлим силу, как движеніе матеріи или малѣйших матеріальных частиц, или как способность к движенію. Еще точнѣе будет, если мы скажем, что сила представляет собою служащее для обозначенія выраженія причины **возможнаго или дѣйствительнаго движенія.** Но как бы мы ни опредѣляли понятіе силы, сущность дѣла от этого не мѣняется. Сила не может существовать без матеріи точно так-же, как зрѣніе не может существовать без зрительнаго аппарата, а мышленіе — без мыслительнаго аппарата.

„Сила находится **не внѣ,** веществ, **не внѣ** тѣл, а лишь **в них самих;** и мысль, будто химическое сродство (сила) существует также и внѣ тѣх тѣл, которым оно присуще или которыя она надѣляет способностью к тому или иному дѣйствію, эта мысль так чудовищна, так непонятна, что было-бы оскорбленіем для здраваго человѣческаго разсудка, особенно долго останавливаться на ней“ **(А. Майер).**

Какой-же общій философскій вывод можем мы сдѣлать из этого простого познанія?

Мы можем сдѣлать из этого тот вывод, что предположеніе, будто какая-то самостоятельная, существующая сама по себѣ творческая сила создала природу и мір из самой себя или из ничего, находится в непримиримом противорѣчіи с первым и простѣйшим основным положеніем нашего естествознанія, построеннаго на логикѣ и опытѣ.

Ни сила не могла создать матеріи, ни матерія силы, так как мы знаем, что независимо одна от другой, онѣ существовать не могут, и логически немыслимы. А то, что не может быть отдѣлено, не может никогда существовать в отдѣльности. Из дальнѣйших глав, трактующих о сохраненіи или безсмертіи вещества и силы, мы увидим, что мір не мог возникнуть из ничего. Ничто—это порицаніе всякаго существованія вообще. „Из ничего никогда не может создаться что либо, и никогда что-либо не может превратиться в ничто“. Мір или вещество с его свойствами, состояніями или движеніями, которыя мы называем силами, должен был существовать вѣчно и должен будет существовать всегда. Другими словами, мір не может быть создан.

Если-же вы, тѣм не менѣе, захотите допустить возможность сотворенія міра, то вы должны, прежде всего, доказать, каким образом может возникнуть „что-либо“ из „ничего“. Затѣм вы должны были-бы доказать, как можно себѣ представить, что творческая сила, являющаяся виновницей міра, существовала до его творенія, не создавая ничего и, вообще, не проявляя себя ни в каком отношеніи. Представленіе о бездѣятельной творческой силѣ без реальнаго бытія внѣ ея, равносильно представленію о силѣ, существующей без матеріи. Если же вы не вѣрите извѣстным миѳам о сотвореніи міра и представите себѣ, что в началѣ существовал хаос или неупорядоченная масса, в которую творческая сила внесла в опредѣленный момент порядок и разум, то тогда вы откажетесь от понятія сотворенія и вернетесь к представ-

ленію о вѣчности міра. Ниже мы постараемся доказать, что представленіе о вѣчности міра исключает и, по меньшей мѣрѣ, дѣлает излишним понятіе творческаго или упорядочивающаго принципа. К тому-же, оставаясь при понятіи творческаго принципа, вы отказываетесь от основного положенія о нераздѣльности силы и матеріи. Таким образом, если вы захотите себѣ представить какую-то творческую силу, какую-то міровую душу, какое-то неизвѣстное X (и этому X вы можете дать какое угодно имя), как причину міра, то примѣняя к этому X понятіе времени вы должны будете сказать, что оно не могло существовать ни до, ни послѣ сотворенія міра. **До** сотворенія міра оно не могло существовать по указанным уже выше причинам. **Послѣ** сотворенія оно не могло существовать, так как опять-таки покой и бездѣятельность не соединимы с понятіем такой силы и должны уничтожить это понятіе. Творческая сила, не проявляющая себя или не обнаруживающая никаких признаков своего существованія, не может существовать или не может быть принята в соображеніе в нашем мышленіи. „О непроявляющемся и несуществующем мы должны судить одинаковым образом“. Если вы захотите представить себѣ, что творческая сила послѣ сотворенія міра погрузилась в вѣчный самодовольный покой или предалась внутреннему самосозерцанію, то это будет философское фантастическое представленіе без всякаго реальнаго основанія.

Таким образом, остается только третья возможность. Вы можете себѣ представить, что творческая сила возникла внезапно и без всякаго опредѣленнаго побужденія из ничего, что она создала мір (из чего?) и затѣм погрузилась в самое себя, т. е., отдала себя, в нѣкотором смыслѣ, міру, или растворилась во вселенной. Это представленіе также излишне, как и безсмысленно. Его уже издавна придерживались многіе философы, и не-философы, которым казалось, что таким путем можно примирить факт наличности раз навсегда установленнаго и неизмѣннаго мірового порядка со старой и, как кажется, неискоренимой вѣрой в сверхестественный или внѣміровой творческій принцип. Этой идеи придерживается также большая часть религіозных систем, с тою лишь разницей, что религіозно-настроенные умы представляют себѣ міровой дух все еще существующим и послѣ творческаго акта; этот міровой дух, по их мнѣнію, находится теперь в покоѣ, но он, на манер человѣческаго самодержца, может в любой момент уничтожить или отмѣнить данные законы; он находит удовольствіе в том, чтобы время от времени вмѣшаться в ход событій, упорядочить их, помогать людям или наказывать и судить их. Тѣх людей, которые рѣшают міровую загадку при посредствѣ вѣры, это представленіе может, конечно, удовлетворить. Для тѣх же, которые кладут в основу своего мышленія разум и логику, такое представленіе не менѣе недопустимо, чѣм остальныя вышеприведенныя. Безсмысленным кажется уже одно примѣненіе конечнаго понятія времени к творческой силѣ, а еще болѣе безсмысленным—представленіе о ея возникновеніи из ничего. Творческая сила, саздавшая самое себя или выходящая из ничего, являющаяся, слѣдовательно, „причиной самой себя“, ничѣм не отличается от барона Мюнхгаузена, который вытащил себя из болота за свой собственный чуб. Если ж для того, чтобы ообойти эту трудность, назовем творческую силу вѣчной, то мы этим самым скажем только, что мір вѣчен; а как мы уже выше говорили, мір не нуждается ни в каком творческом принципѣ. Тщетныя попытки философов отыскать первопричину міра представляют собою, так сказать, „отступленіе в безконечное и равносильно с подыманіем на безконечную лѣстницу“; при этом вопрос о причинѣ дѣлает совершенно невозможным достиженіе конечной цѣли. Во всяком случаѣ, существованіе міра со всѣми его совершенствами и недостатками, с его смѣняющими друг друга процессами прогресса и регресса, было весгда болѣе понятно человѣческому разуму, чѣм безпричинное возникновеніе творческой силы (которую люди при этом считают совершенной) из безпричиннаго „ничто“.

Да уже самый признак совершенства исключает возможность творчества. Вѣдь совершенное существо тѣм самым довольствуется самим собою и не чувствует никакого стремленія к измѣненію своего состоянія. Если бы такое существо занялось сотвореніем міра, то мы должны были бы его отнести к разряду несовершенных существ. К тому же, требованія богословов, чтобы мы представляли себѣ, что Бог или творец міра существует рядом с своим созданіем и внѣ его, предоставляя этому созданію самостоятельность,—это требованіе безсмысленно. У нас должно возникнуть тогда представленіе о каком-то дуалистическом чудовищѣ, составленном из смѣси Бога и міра.

Итак, представленіе о какой-нибудь творческой силѣ, похожей на человѣка, наталкивается на непреодолимыя трудности. Кромѣ того, как мы уже говорили, сила невозможна без матеріи, а матерія невозможна без силы. К тому же, как мы еще ниже увидим, и сила, и матерія безсмертны, т. е., неискоренимы. Слѣдовательно, не может быть сомнѣнія в том, что мір, как таковой, не создан, не призван к жизни какою-то стоящею внѣ его волею, но что он вѣчен. То, что не имѣет ни начала, ни конца во времени или в пространствѣ, не может имѣть начала или конца в бытіи. То, что не может быть уничтожено, не может быть и создано. Другими словами: мір, как таковой, безпричинен, безначален и безконечен.

При современном состояніи наших знаній нераздѣльность понятій силы и матеріи кажется нам вполнѣ простой и само собою понятной вещью. Но так дѣло обстояло не всегда. Человѣческому разуму удалось разобраться в этой простой истинѣ лишь послѣ того, как он прошел через цѣлый ряд различных фаз познанія или заблужденія. Дѣло в том, что человѣческій ум очень часто создает себѣ самое простое и естественное понятіе о вещи очень поздно. А вѣдь простота, как извѣстно, составляет признак истины. По мнѣнію англійскаго ученаго, Бенса Джонса, идеи о силѣ и матеріи прошли через три различныя стадіи развитія, и мы переживаем в настоящій момент третью стадію. На первой стадіи развитія познанія люди представляли себѣ силу и матерію, как двѣ совершенно различныя и существующія совершенно отдѣльно друг от друга вещи; силы природы или их проявленія, об'яснявшіяся дѣятельностью особых сверх-естественных существ (богов), получали спеціальныя названія. Таким образом, земля, небо, воздух, вода, рѣки, вѣтры, свѣт, огонь, солнце, мрак, день, ночь и т. д., снабжались каждый своим спеціальным духом или богом. Так, напримѣр, у греков **Зевс** был богом грома и молніи, **Аполлон** — богом дня, **Артемида** — богиней ночи; **Уран** представлял небо, **Гея** — землю, **Поссейдон** — море, **Гефест** — огонь, **Эол** — вѣтры, **Венера** — силу притяженія и т. д. Подобных же воззрѣній придерживались и старые индусы, китайцы, египтяне, персы и т. д. Греческіе философы не представляют собою в отношеніи своих воззрѣній на силу и матерію исключеній из общаго правила. Правда, нѣкоторые из них (так называемые, матеріалисты и космофизики) придерживались воззрѣній, подходящих очень близко к нашим современным воззрѣніям. Но большинство строго различало силу и матерію и придерживалось того взгляда, что матерія, неспособная к самостоятельному движенію, приводится в движеніе извнѣ. Это воззрѣніе оставалось в силѣ со времен классической древности вплоть до эпохи Декарта и Ньютона. Это об'ясняется, в значительной степени, громадным вліяніем, которым пользовалась среди ученых философія Аристотеля.

На второй степени развитія нашего познанія люди представляли себѣ силу и матерію не совсѣм отдѣльными друг от друга. Сила представляется им теперь, как нѣчто связанное с вѣсомой матеріей, но все же по существу совершенно различное от нея, как какое-то невѣсомое вещество. Из этого представленія вытекала, напримѣр, совершенно забытая в наше время эманаціонная или эмиссіонная теорія свѣта, согласно которой свѣт состоит из безконечно малых невѣсомых матеріальных частичек, отталкиваемых от свѣтящагося вещества с неимовѣрною быстротою. Из этого же представленія вытекало ученіе о тепловой матеріи, об электрической и магнитной жидкостях. Продуктом этого представленія надо считать также знаменитый флогистон, т. е. огневую матерію, которую считали причиной горѣнія и которая была устранена из химіи лишь в концѣ XVIII столѣтія послѣ открытія кислорода. Таким же продуктом этого представленія надо считать так называемую „душу янтаря“, которую уже древне-греческій философ, Ѳалес, разсматривал, как виновницу проявляемой янтарем силы притяженія.

И лишь на третьей ступени развитія, в новые вѣка, люди поняли, что нѣт невѣсомых матерій. Тогда было открыто единство, неизмѣнность и неразрушимость одареннаго силою атома. На этой ступени развитія образовалось понятіе единства и нераздѣльности силы и матеріи. На этой ступени развитія люди поняли, что подобно тому, как, напримѣр, не существует силы тяжести или притяженія без вещества, точно так же нѣт вещества без притяженія или силы тяжести и что всѣ извѣстныя нам силы чли дѣйствія сил являются лишь результатами опредѣленных движеній или состояній мельчайших частичек существующей матеріи. Повсюду, гдѣ имѣется матерія, там непремѣнно имѣется и сила в состояніи движенія, напряженія или сопротивленія, и наоборот.

Впрочем, как этого и слѣдовало ожидать, всѣ эти фазы развитія достигались не одновременно различными науками; во всѣх них замѣчаются разнообразнѣйшіе переходы. Труднѣе всего было устранить дуалистическое, т. е. двойственное представленіе о силѣ и матеріи, в области ученія о жизни: вслѣдствіе сложности отношеній органическаго обмѣна веществ, вслѣдствіе их меньшей ясности, наука о жизни не могла так легко дойти до правильных взглядов в этой области. Так, напримѣр, знаменитый врач Парацельз (живший приблизительно в

1550 г. послѣ Р. Х.) еще не осмѣливался смотрѣть на тѣлесныя функціи питанія, пищеваренія, выдѣленія и т. д., как на такія вещи, каковыми онѣ, в дѣйствительности, являются, т. е. как на дѣйствія опредѣленных органов тѣла. Он смотрѣл на всѣ эти функціи, как на результат дѣйствія опредѣленных жизненных духов. Подобным же образом впослѣдствіи „Архей“, или „дух желудка“, ван-Гельмонта, „нервный дух“ Борелли, „жизненная субстанція“ Гофмана, „раздражимость“ Галлера, “Anima Animata” Шталя или болѣе общія названія: „нервная сила“, „жизненная сила“, и т. д. исполняли в наукѣ о жизни ту же роль, какую „невѣсомыя“ исполняли в неорганической природѣ. Тут сила тоже представляет очень тонкую и испаряющуюся субстанцію или невѣсомый элементарный принцип, временное соединеніе котораго с тѣлом расторгается смертью. К сожалѣнію, эта отжившая „жизненная сила“, о которой мы подробнѣе будем говорить ниже, все еще ютится в головах нѣкоторых ученых, обладающих недостаточно живым умом. Пока дѣло обстоит так, до тѣх пор мы не можем говорить, что наука о жизни уже окончательно пережила вторую из вышеописанных ступеней развитія познанія, между тѣм как физика и химія давно уже поднялись на третью и послѣднюю ступень развитія.

Правда, и в настоящее время еще мы не знаем, да и вряд-ли мы когда-нибудь узнаем, что такое сила **сама по себѣ**, или что такое вещество **само по себѣ**. Но нам и не надо этого знать, так как отдѣлять их друг от друга можно только мысленно, а не в дѣйствительности и так как оба эти слова, подобно словам „дух“ и „матерія“, обозначают лишь различныя стороны или способы проявленія одной и той же сущности вещей, одного и того же основного начала их, природа котораго нам неизвѣстна.*).

*) Болѣе подробно о взаимоотношеніи силы и матеріи я касаюсь в своей книгѣ „Природа и дух“. Точно так же болѣе подробныя данныя об исторіи ученія о силѣ и матеріи можно найти в моем сочиненіи „Свѣт и Жизнь“.

Единственный и его собственность

МАКСА ШТИРНЕРА.

В основаніи своего дѣла я положил Ничто.

И что только не должно быть моим дѣлом! Прежде всего, доброе дѣло, Божье дѣло, дѣло человѣчества, истины, свободы, гуманности, справедливости; дальше, дѣло моего народа, моего государя, моего отечества; наконец, даже дѣло духа и тысячи других. Только мое дѣло никогда не должно быть моим.—„Долой этих эгоистов, думающих лишь о себѣ!“

Посмотрим на тѣх, кто думает о своем дѣлѣ, —на тѣх, для кого мы работаем и должны беззавѣтно отдавать себя.

Вы можете много сказать о Богѣ, вы тысячелѣтіями „проникали в глубины Божества“ и так смотрѣли в сердца, что сумѣете повѣдать нам, как сам Бог выполняет „дѣло божье“, служить которому мы призваны. И вы даже не скрываете дѣяній Господа. И что такое его дѣло? Превратил ли он, как это требуется от нас, чужое дѣло в свое, — дѣло истины, любви? Вас возмущает это недоразумѣніе, и вы говорите нам, что дѣло божье, во всяком случаѣ, — дѣло истины и любви, но что оно не может быть чужим ему, потому что, вѣдь, Бог и есть истина и любовь; вас возмущает одно предположеніе, что Бог мог бы уподобиться нам, жалким червям, еслибы он заботился о чужом. „Должен ли Бог взяться за дѣло истины, еслибы он сам не был истиной?“ Он заботится только о своем, но он все во всем, — его дѣло все. За то мы, мы не все во всем, и наше дѣло так мало и пошло; и потому мы должны служить „высшему дѣлу“. — Ну, хорошо,—это ясно, Бог озабочен лишь своим, он занят лишь собой, думает лишь о себѣ и лишь себя имѣет в виду; горе тому, что не понравится Богу! Он не служит никому Высшему и удовлетворяет только себя. Его дѣло одно,—чисто эгоистическое.

Но как с человѣчеством, дѣло котораго должно быть нашим? Есть-ли дѣло его и дѣло другого? Служит ли человѣчество Высшему? Нѣт, человѣчество смотрит лишь на себя одного, человѣчество хочет служить лишь себѣ одному; человѣчество—само свое дѣло. И для того, что бы человѣчество развивалось, оно заставляет страдать народы и индивидуумы, и когда сдѣлано все, что нужно ему, оно из благодарности обращает их в удобреніе исторіи. Развѣ дѣло человѣчества не чисто-эгоистическое дѣло?

Мнѣ не зачѣм каждому, кто хочет подсунуть нам свое дѣло, доказывать, что он думает только о себѣ, а не о нас, только о своем благѣ, а не о нашем. Посмотрите на все остальное. Развѣ истина, свобода, гуманность, справедливость требуют от вас чего-нибудь, кромѣ одушевленія в службѣ им?

И вы довольны, когда вас хвалят за ревностное исполненіе долга. Смотрите на народ, защищаемый преданными патріотами. Патріоты гибнут в кровавых битвах, в борьбѣ с голодом и нуждою; и что спрашивает народ? От удобренія трупами он остановится „цвѣтущим народом“! Индивидуум пал „за великое дѣло народа“, а тот шлет ему в догонку нѣсколько слов благодарности и получает выгоды. Это я называю доходным эгоизмом.

Теперь смотрите на султана, который так любовно заботится о „своих“. Развѣ он не воплощенное безкорыстіе, развѣ он не жертвует ежечасно собой ради своих? Да, конечно, ради „своих“. Попоробуй и хоть раз покажи себя своим, а не его: за то что ты уклонишься от его эгоизма,—ты попадешь в тюрьму. Султан утвердил свое дѣло на самом себѣ: для себя он все во всем; для себя он единственный, он не терпит никого, кто отважился быть не „Его“.

И вы не хотите на этих блестящих примѣрах научиться, что быть эгоистом лучше всего? Для меня они были уроком, и я хочу, вмѣсто того, чтобы безсмысленно продолжать служить великим эгоистам, стать самому эгоистом.

Бог и человѣчество основали свое дѣло не на чем другом, как на самих себѣ. И Я также утверждаю Мое дѣло на Мнѣ; Я так же хорош, как и Бог. Я также все Мое, Я также Единственный.

И если, как вы утверждаете, Бог и человѣчество имѣют в себѣ так много, чтобы быть все во всем, то и Я чувствую в Себѣ так же много. Я не буду жаловаться на свою „пустоту“. Я—Ничто не в смыслѣ пустоты, Я—творческое Ничто, — Ничто, из котораго Я дѣлаю все, как создатель.

Прочь со всѣм, что не все Мое! Вы думаете, что Мое дѣло должно быть, по крайней мѣрѣ, „хорошим“? Что такое хорошій и дурной! Я сам, вѣдь, Мое дѣло, а Я ни хорош, ни дурен. Ни то, ни другое не имѣет для Меня смысла.

Божеское—есть дѣло Бога, человѣческое есть дѣло „Человѣка“. Мое дѣло ни божеское, ни человѣческое. Оно ни истинное, ни хорошее, ни справедливое, ни свободное и т. п.— Оно Мое, и оно не общее, а единственное, как единственен и Я.

Нѣт ничего внѣ Меня!

Отдѣл первый.

ЧЕЛОВѢК.

Человѣк — это высшая сущность для человѣка, говорит Фейербах.

Человѣк лишь только найден, говорит Бруно Бауэр.

Изслѣдуем глубже эту высшую сущность и эту новую находку.

I.

Жизнь человѣческая.

С того момента, как человѣк появляется на свѣт, он старается найти и разгадать себя в той путаницѣ, гдѣ он неразрывно сплетен с другими.

Все, с чѣм сталкивается ребенок, противится этим попыткам и охраняет свое существованіе.

И так как каждый знает только самого себя, так как каждый вѣчно вступает в конфликт с другим, —борьба за главенство неизбѣжна.

Побѣда или **пораженіе**,—между ними, как маятник, качается исход борьбы. Побѣдитель станет господином, побѣжденный подданным: первый пользуется „правами власти“, второй почтительно и преданно выполняет „обязанности подданнаго“.

Но они остаются **врагами** и вѣчно, находясь на чеку, поджидают слабости другого; дѣти—своих отцов, отцы—своих дѣтей (напр., их страха). Палка побѣждает человѣка, или человѣк — палку.

В дѣтствѣ освобожденіе происходит так: мы всѣми силами стремимся к сущности вещей или даже за прдѣлы их; поэтому мы всегда замѣчаем слабыя стороны (извѣстно, что дѣти имѣют вѣрный инстинкт); поэтому мы часто ломаем вещи, сбиваем штукатурку в углах и искушаемся во всем. И когда мы зашли далеко в глубь вещей,—мы хорошо знаем себя; когда, напримѣр, мы пришли к тому, что розга слаба против нашего упорства, мы больше не боимся ея,—мы выросли из нея.

За розгой стоит нѣчто болѣе могущественное: наше упорство, наш упрямый дух. Мы спокойно уходим за предѣлы того, что было нам страшно или ужасно,—гнетущей власти розги, строгаго лица родителей, и др. И за всѣм мы находим нашу атараксію, — это значит непоколебимость, безбоязненность, нашу силу сопротивленія и непримиримости. Мы не бѣжим от того, что раньше внушало нам страх и почтеніе, — мы мужественно остаемся пред ним. За всѣм находим мы наше мужество, нашу силу; за безпрекословным приказаніем начальства

или родителей всетаки стоит наше желаніе или нашъ перехитряющій умъ! И чѣмъ болѣе чувствуемъ мы самихъ себя, тѣмъ незначительнѣй кажется намъ когда-то непреодолимое. И что такое наша хитрость, умъ, мужество, упорство? Что—какъ не духъ?

Долгое время мы остаемся въ сторонѣ отъ борьбы, которая позднѣе такъ захватываетъ насъ, —отъ борьбы съ разсудкомъ. В золотомъ дѣтствѣ намъ не приходится обращаться къ разсудку. Мы не заботимся о немъ, не касаемся его, мы не разсудочны. **Убѣжденіемъ** насъ не возьмешь, и мы глухи къ основательнымъ доводамъ и доказательствамъ; за то мы почти не можемъ противиться ласкамъ.

Тяжкая борьба жизни съ разсудкомъ приходитъ значительно позже, наступаетъ новая фаза: въ дѣтствѣ мы спѣшимъ, не ломая головы надъ многимъ.

Духъ это **первая** находка себя, первое ниспроверженіе божества — таинственности, призрака, „высшей силы“! Нашему свѣжему чувству юности, этому чувствованію себя, ничто больше не импонируетъ: міръ награждается дурной славой, ибо мы выше его, мы—**духъ.**

И только теперь видимъ мы, что до сихъ поръ на міръ мы смотрѣли не духомъ, а лишь пристально вперялись въ него.

В **мощи природы** мы находимъ наши первыя силы. Родители импонируютъ намъ, какъ силы природы. Позже, отецъ и мать покинуты, — всѣ силы природы рухнули. Мы ихъ превозмогли. Для разумныхъ, „для людей духа“ нѣтъ другой семьи, кромѣ силъ природы: здѣсь отреченіе отъ родителей, братьевъ, сестеръ и т. п. И если они „рождаются снова“, какъ **духовныя, разумныя силы,** они уже совершенно не тѣ, что были раньше.

И не только родные,—всѣ **люди вообще** побѣждаются молодыми: они—не препятствіе, они не принимаются въ расчетъ, потому, что, вѣдь, Богу нужно подчиняться больше, чѣмъ человѣку.

Вслѣдствіе этой точки зрѣнія все „земное“ уходитъ далеко назадъ, потому что точка зрѣнія— „небесная“.

И вотъ все измѣняется: юноша становится **разумнымъ,** в то время какъ мальчикъ, еще не чувствовавшій в себѣ духа, росъ в безсознательныхъ воспріятіяхъ. Юноша не стремится схватить вещь в руки, напримѣръ, запомнить историческую **дату;** онъ ищетъ **мысль,** скрытую в вещи, такъ, напримѣръ, **духа** в исторіи; мальчикъ, напротивъ, понимаетъ **послѣдовательность,** но не идеи, не духъ, и поэтому онъ складываетъ все одно на другое, никогда не изслѣдуя апріорно или теоретически, т. е. никогда не ища идеи.

Когда в дѣтствѣ оказываешь сопротивленіе **міровымъ законамъ,** вмѣшивается голосъ духа, разума, совѣсти. „Это безсмысленно, не по христіански, не патріотично“, вопіетъ наша совѣсть, и мы бѣжимъ в ужасѣ. Ни власть мстящихъ Эвменидъ, ни гнѣвъ Посейдона, ни гнѣвъ Бога, поскольку онъ видитъ скрываемое, ни розги отца не страшатъ насъ,—насъ страшитъ **совѣсть.**

Мы зависимъ „лишь отъ нашей мысли“ и такъ же слѣдуемъ заповѣдямъ ея, какъ раньше родительскимъ, человѣческимъ. Наши дѣйствія подчиняются нашей мысли (идеи, представленія, вѣра), какъ в дѣтствѣ приказаніямъ родителей.

И всетаки мы думали в дѣтствѣ. Только мысль наша не была безплотна, абстрактна, абсолютна, она не была **исключительно мыслью,** небомъ для себя, чистымъ міромъ мысли, **логической** мысли.

Наоборотъ, это были лишь мысли, возникавшія у насъ по поводу какой-нибудь **вещи:** мы думали о **вещи** такъ или иначе. Мы думали, слѣдовательно: міръ, видимый нами, созданъ Богомъ; но мы не думали (не „проникали“) о самыхъ „глубинахъ Божества“. Правда, мы думали: вотъ —истина, в вещи, но мы не думали о самой правдѣ или истинѣ и не связывали в одно цѣлое „Богъ—это истина“. „Глубин Божества, являющагося Истиной“, мы не касались. На такихъ чисто логическихъ или теологическихъ вопросахъ, какъ „что такое истина“, Пилатъ не останавливается, хотя онъ в отдѣльныхъ случаяхъ никогда не затруднится найти, „что такое истина в вещи“, т. е. истинна ли **вещь.**

Каждая мысль, связанная с вещью, еще не **только мысль,** не абсолютная мысль.

Гнаться за **чистой мыслью** или придерживаться ея—это свойство юности; всѣ яркія воплощенія міра мысли, какъ Истина, Свобода, Человѣчность, Человѣкъ и т. д., осѣняютъ и оживляютъ юношескую душу.

А когда духъ признанъ основой, находятъ разницу между духомъ сильнымъ и слабымъ; стараются стать сильнымъ духомъ: духъ хочетъ развиться, основать свое царство, царство не отъ міра сего, только что побѣжденнаго. Онъ стремится стать все во всемъ; ибо хотя Я—духъ, но Я—не **законченный** духъ; Я долженъ найти этотъ совершенный духъ.

Итакъ Я, только что нашедшій себя, какъ духъ, снова теряю Себя, ибо Я преклоняюсь и поучаюсь у совершеннаго духа, не моего собственнаго, потусторонняго.

Все зависитъ отъ духа, но будетъ ли каждый духъ „правильнымъ“? Правильный, истинный духъ —это идеалъ духа, — это „святой духъ“, это не твой, не мой духъ, это какой-то идеальный, потусторонній, это—„Богъ“. „Богъ—это духъ“.

И этотъ потусторонній „отецъ небесный“ даетъ его всѣмъ, кто его проситъ *).

Мужчина отличается отъ юноши тѣмъ, что онъ воспринимаетъ міръ, какъ онъ есть; онъ не мечтаетъ, не переоцѣнивает, т. е. не старается сообразовать міръ со своими идеалами; в мужчинѣ укрѣпляется взглядъ, что міръ нужно постигать согласно **интересамъ,** а не **идеалам.**

До тѣхъ поръ пока чувствуешь Себя лишь **духомъ** и прилагаешь всѣ старанія, чтобы быть имъ (юношѣ легко отдать свою жизнь, тѣлесное, за ничто, за какое-либо вздорное оскорбленіе чести),—имѣешь лишь мысли, идеи, которыя предполагаешь осуществить при первой возможности; итакъ, тогда имѣешь лишь идеалы,— незаконченныя идеи или мысли.

Лишь когда человѣкъ возмужалъ, онъ можетъ имѣть **личные** или **эгоистическіе** интересы, т. е. интересы не одного духа, а всеобщаго удовлетворенія, корыстные интересы. Сравнимъ мужчину с юношей: не покажется ли намъ первый болѣе жестким, менѣе великодушнымъ и безкорыстнымъ. Будетъ ли онъ поэтому хуже? Вы говорите — нѣтъ, онъ сталъ лишь опредѣленнѣй. Или, какъ вы еще называете, „практичнѣй“, Вся суть в томъ, что онъ больше дѣлаетъ **себя** центральной точкой, чѣмъ юноша, „мечтающій“ о чем-то другомъ, — о Богѣ, отечествѣ и т. п.

Здѣсь мужчина обрѣлъ себя во второй раз. Юноша нашелъ себя, какъ **духа,** и снова потерялъ себя во всеобщемъ духѣ, совершенномъ, святомъ духѣ, в человѣкѣ, человѣчествѣ, короче в идеалѣ; мужчина находитъ себя в **тѣлесномъ** духѣ. Мальчикъ имѣлъ не духовные, т. е. лишенные мысли и идеи, интересы; юноша — **духовные;** наконецъ, мужчина — реальные, личные, эгоистическіе.

*) Евангеліе отъ Луки, гл. XI, 13.

Дитя чувствуетъ скуку, если не имѣетъ **предмета,** которымъ оно могло бы заняться: потому что **собой** занять себя оно не можетъ; с другой стороны, юноша уходитъ отъ предмета, потому что онъ извлекаетъ изъ него **мысли:** онъ занятъ своими мыслями, своими грезами; онъ занятъ духовно, или — „его духъ занятъ“.

Все не духовное онъ называетъ презрительнымъ именемъ „внѣшности“. Если онъ и хватается за мельчайшія формы внѣшности (напримѣръ, буйная юношеская жизнь и т. п. формы), то только потому, что открываетъ в нихъ **духъ,** т. е. видитъ в нихъ **символы.**. И точно также такъ же, какъ Я чувствую Себя внѣ вещей, когда Я духъ, Я долженъ чувствовать Себя внѣ мысли, какъ **творецъ** и **обладатель.** Во время господства духа, мысли, рождавшіяся в головѣ, переростали ее; Меня охватывала и колебала страшная сила лихорадочной фантазіи. Мысли, какъ таковыя, пріобрѣли формы, стали призраками, какъ — Богъ, государь, папа, отечество и т. д. Когда Я разрушаю ихъ реальность, — Я говорю: только Я реаленъ. Вотъ, Я беру міръ такимъ, каковъ онъ есть для Меня, **Моимъ,** какъ Мою собственность, Я все образую с Собой.

И если, какъ духъ, Я с глубокимъ презрѣніемъ оттолкнулъ міръ, то, какъ творецъ, Я отталкиваю бренные идеи и духъ. Они больше не имѣютъ власти надо Мной, какъ „земля“ не имѣетъ власти надъ духомъ.

Дитя чувствовало себя реально среди вещей этого міра, до тѣхъ поръ, пока ему не удалось выйти за предѣлы ихъ; юноша идеалистически воодушевлялся мыслями, до тѣхъ поръ, пока из него не выработался мужчина, эгоистическій, смотрящій на вещи и мысли сообразно своимъ желаніямъ и выше всего ставящій свой личный интересъ. Наконецъ, — старикъ? Если Я буду имъ, то у насъ еще найдется время поговорить об этомъ.

Азбука Синдикализма

ИВТО

Глава I.

СИНДИКАЛИЗМ.

Его происхожденіе.

Что такое синдикатъ?

Синдикатъ, это современная форма организаціи, усвоенная рабочими, стремящимися согласовать свои дѣйствія и об'единиться для борьбы со своими эксплуататорами за улучшеніе своего матеріальнаго и моральнаго положенія.

Бросимъ бѣглый взглядъ на экономическія причины, которыя побуждаютъ и принуждаютъ рабочихъ к об'единенію.

Установлено, что система наемнаго труда, это современная форма рабства.

Промышленность в очень сильной степени развилась в продолженіе послѣдняго вѣка. Техническое развитіе настолько прогрессировало, благодаря пару и электричеству; инструменты производства настолько умножились в числѣ

и в такой степени были усовершенствованны, что они вызвали колоссальный переворот в мірѣ труда. В то же время в нѣдрах капитализма образовались новые огромные организмы. Мелкій хозяйчик прежних времен совершенно почти исчез и уступил свое мѣсто всемогущим анонимным компаніям, из которых каждая властвует над тысячами людей обоего пола и всѣх возрастов.

Эксплуатація приняла такія формы, что в результатѣ получилось слѣдующее: чѣм больше капиталисты и акціонеры набивали свои карманы, тѣм больше страдали при этом рабочіе, производители. Положеніе рабочаго стало невыносимым.

Нѣкогда хозяин дорожил своим рабом, доставлявшим ему все необходимое, а также и предметы роскоши. Взамѣн он давал рабу продукты, необходимыя для возстановленія его сил и для поддержанія его здоровья. Одним словом, он слѣдил за тѣм, чтобы его раб был в состояніи работать и чтобы ему не пришлось покупать другого раба. В позднѣйшія времена феодал дорожил своим крѣпостным, обрабатывавшим его землю и умножавшим его богатства. Угнетая его, он в то же время охранял его в критическіе моменты жизни и дорожил им, так как крѣпостной составлял часть его имущества.

Теперь же хозяин заботится только о своих машинах. Что же касается эксплуатируемых людей-машин, то их участь его очень мало безпокоит.

Такое положеніе создалось с тѣх пор, как революція сдѣлала рабочаго свободным человѣком! Свободным в выборѣ между работой на хозяина или голодной смертью. Свободным в своем исповѣданіи тѣх или иных идей... при условіи, что эксплуататоры ничего не будут имѣть против этих идей! Он может теперь самостоятельно прокормить свою жену и дѣтей... если его заработная плата дает ему эту возможность!

Страны с наиболѣе богатым производством в то же время являются центрами самой ужасающей нищеты. Во Франціи, напримѣр, в угольной промышленности Сѣвера и Па-де-Калэ, заработная плата настолько же низка и умственное развитіе рабочих настолько же жалко, насколько тяжела их работа: там, гдѣ эксплуататоры обогащаются больше всего, там эксплуатируемые порабощены в большей степени чѣм вездѣ, и там они находятся в особенно жалком положеніи...

Можно было бы перечислить сколько-угодно других мѣстностей, напоминающих ад, гдѣ женщины и дѣти эксплуатируются самым безстыдным образом.

Французская революція, уничтожившая привиллегіи дворянства и духовенства, нисколько не улучшила, однако, участи тѣх, которые производят всѣ общественныя богатства. Напротив, она создала законы, воспретившіе рабочим организоваться для защиты своих интересов.

Таким образом не было создано никаких препятствій для произвольной эксплуатаціи рабочих, и все, наоборот, благопріятствовало об'единенію эксплуататоров. Но вскорѣ среди рабочих обнаружились первые слабые признаки стремленія к организаціи и сопротивленію. Они поняли, что на организованную силу тѣх, кто наживается на их трудѣ, необходимо отвѣтить организаціей сил эксплуатируемых.

Таким путем обществам акціонеров, представлявшим собою синдикаты хозяйских интересов и стремившихся к тому, чтобы заставить рабочих производить возможно больше за возможно меньшую плату--были противопоставлены общества сопротивленія хозяевам, рабочіе синдикаты, поставившіе себѣ цѣлью добиться лучшей платы за меньшее количество труда.

Различные политическіе режимы, разныя правительства смѣняли друг друга в теченіе времени, протекшаго с Французской Революціи, но ни одно из них не сдѣлало больше предшествовавшаго для благосостоянія и свободы рабочих городов, полей и моря. Это равнодушіе правительств к участи народа можно об'яснить только невѣжеством и бездѣятельностью послѣдняго.

Между тѣм, — под вліяніем идей и соціальных требованій и еще болѣе под давленіем нищеты, увеличивавшейся вмѣстѣ с прогрессом техники и с „перепроизводством“ — во Франціи происходили политическія революціи, народные бунты в предмѣстьях больших городов.

С теченіем времени во Франціи создались, наконец, рабочіе синдикаты, несмотря на законы, воспрещавшіе подобныя организаціи. К концу 19-го столѣтія они так разрослись, что законодатели, не осмѣливаясь болѣе пытаться разрушить их, вынуждены были признать их существованіе законным.

Но в самом же началѣ синдикальнаго движенія в синдикатах обнаружились нѣкоторые факторы, поведшіе к расколу. Мутуалисты, сторонники экономических реформ, с одной стороны, и политиканы, с другой, оспаривали друг у друга право на руководство синдикатами. Мутуалисты стремились сдѣлать синдикаты орудіем соціальнаго мира. Политиканы хотѣли заставить их служить своим выборным интересам. Как тот, так и другой путь привел бы к гибели синдикалистскаго принципа, если бы не нашлись люди, спасшіе пролетріат от этих опасностей, которыя, однако, окончательно еще и до сих пор не исчезли.

В теченіе послѣдних лѣт синдикальная организація окрѣпла. Борьба на экономической почвѣ ведется непрерывно. Требованія рабочих становились все опредѣленнѣе, и понемногу они осуществлялись почти исключительно путем непосредственнаго дѣйствія.

Синдикированный рабочій знает теперь, что в принципѣ улучшеніе только в том случаѣ дѣйствительно, если эксплуататоры не возложат прямой убыток, полученный ими от побѣды эксплуатируемых, на плечи рабочих-потребителей.

Повышеніе заработной платы не имѣет никакой цѣны, если в то же время не сокращается рабочій день.

Вопрос о заработной платѣ имѣет сравнительно второстепенное значеніе, потому что пропорціонально с увеличеніем заработной платы увеличиваются цѣны на пищевые продукты, на одежду и квартиру. Случается также, что цѣны повышаются на все, кромѣ цѣн на труд: в таком случаѣ синдикат необходим для того, чтобы добиться повышенія заработной платы.

Наоборот, сокращеніе рабочаго дня имѣет большое дѣйствительное значеніе, так как оно дает рабочему больше свободы, а слѣдовательно — больше счастья.

Что же касается законов в пользу рабочих, о которых так много говорят — в особенности в періоды выборов, — то они представляют собою только средство для ослѣпленія рабочих, если народ, стремясь к их достиженію, разсчитывает при этом только на свои „конституціонныя права“. Законы в пользу рабочих дѣйствительны только тогда, когда они санкціонируют уже добытыя завоеванія, которыя уже стали фактами и с которыми рабочіе уже успѣли свыкнуться.

Так оправдывается знаменитое основное положеніе Интернаціонала:

„Освобожденіе рабочих должно быть дѣлом самих рабочих“.

Глава II.

ОРГАНИЗОВАННЫЙ РАБОЧІЙ

ВЫГОДЫ ОРГАНИЗАЦІИ С ОБЩЕЙ И ЧАСТНОЙ ТОЧЕК ЗРѢНІЯ.

ХОЗЯЕВА ПОДАЮТ ПРИМѢР.

Организація безусловно необходима.

В природѣ мы видим как животныя путем об'единенія между собой и согласованія своих дѣйствій улучшают свое положеніе, борются совмѣстно против враждебных сил природы и избѣгают таким образом катастроф.

В человѣческом обществѣ во всѣ времена и во всѣх мѣстах земного шара индивиды образовывали ассоціаціи, временныя или постоянныя, с цѣлью завоеванія лучших условій существованія или с цѣлью сохраненія тѣх улучшеній, которыя уже были ими достигнуты.

Хозяева организуются. — Почему?

Никто не отрицает того, что в современном обществѣ люди дѣлятся на два различных и враждебных класса; соглашеніе между этими классами ненормально.

Индивиды, принадлежащіе к классу бѣдных, угнетенных, управляемых, производителей, эксплуатируемых, заинтересованы в том, чтобы об'единиться против класса богатых, угнетателей, правителей, паразитов, эксплуататоров, грабителей, об'единенных между собою и поддерживающих друг друга.

Наши хозяева, наши эксплуататоры образуют синдикаты против своих рабочих. Между тѣм они имѣют в руках всѣ козыри, для того, чтобы выиграть партію.

Располагая деньгами, они имѣют к своим услугам прессу, всегда готовую, подобно проституткѣ, продать себя в распоряженіе того, кто даст больше. На их сторонѣ закон, сотворенный **ими** и **для них** же. Они имѣют также на своей сторонѣ правительство, охраняющее их с помощью полиціи, арміи и суда. И кромѣ того у их ног находятся всегда рабочіе, несчастные, несознательные, трусливые, невѣжественные, наконец — желтые (штрейкбрехеры)... И несмотря на все это, они еще считают необходимым об'единяться против нас!

Нѣкоторая часть рабочих не хочет вступать в организаціи. — Почему?

Представим себѣ прежде всего рабочаго, приходящаго в ужас пред синдикатом, находящаго в нем всѣ виды порока, и желающаго, поэтому, оставаться изолированным. Представим себѣ даже, что этот рабочій не ошибается в своей критикѣ синдикальной организаціи и посмотрим, как он будет дѣйствовать в качествѣ отдѣльной личности.

Так как синдикат не имѣет в его глазах никакой цѣнности, то он ни с кѣм не посовѣтуется, когда он захочет пред'явить какое-нибудь требованіе хозяину. Опираясь на одно только свое человѣческое достоинство, он отправляется в контору хозяина мастерской или директора фабрики и приблизительно в слѣдующих выраженіях излагает свое требованіе:

„Господин директор, не считаясь с интересами тѣх, кто работает рядом со мною, имѣя в виду только свои личные интересы, я пришел к вам, для того, чтобы познакомить вас со своим плачевным положеніем и сказать, что я не могу прожить на жалкую плату, получаемую мною за длинный день тяжелаго труда.

„В теченіе долгаго ряда лѣт я работаю у вас. Вы знаете, что я всегда тщательно выполняю всѣ ваши правила и что я всячески стараюсь экономно обходиться с сырым матеріалом; вы знаете, как добросовѣстно я дѣлаю свою работу, и что я стараюсь всегда выполнить ее возможно лучше; вы знаете также, что я всегда пунктуально являюсь на работу и во время ея ни одной минуты не отвлекаюсь в сторону своих личных забот. Вы сами все это признавали, когда указывали новопоступавшим на меня, как на образцоваго рабочаго... Теперь же моя жена больна, а дѣти мои ходят босыми. Я поступил к вам на работу, будучи холостым, и вы мнѣ назначили плату, которая была для меня достаточной, потому что я имѣл скромныя потребности. С тѣх пор я, естественно, обзавелся семьей и, отказывая себѣ в самом необходимом, я смог воспитать своих дѣтей, которыя ходят в школу и современем, без сомнѣнія, будут такими же добросовѣстными работниками, как их отец. Теперь я больше не могу жить на свою заработную плату. Болѣзнь моей жены заставила меня влѣзть в долги, и только нѣкоторое увеличеніе моей заработной платы может вывести меня из создавшагося положенія.

„Я прошу вас, поэтому, увеличить на 10 сантимов в час мою плату. Я вам не обѣщаю работать лучше или напряженнѣе, так как я давал все, что рабочій дать в состояніи“.

Хозяин с привѣтливым выраженіем лица выслушивает рабочаго до конца. Ему не так легко удается найти подходящій отвѣт. Он думает. Послѣ краткаго молчанія он, наконец, говорит:

„Друг мой, ваша просьба меня поразила. Я признаю ваши достоинства, я знаю, что вы прекрасный работник, я очень доволен вашим поведеніем и цѣню вашу преданность. Я знаю, что вы не принадлежите к числу тѣх людей, которые подпадают под вліяніе болтунов публичных собраній. Вы не из числа тѣх, которые клевещут на хозяев, не признают тяжких жертв, приносимых ими, не вѣрят в их заботы о рабочих и позволяют разным проходимцам увлечь себя на пагубный путь стачек, ведущій к самым ужасным несчастьям и иногда к преступленіям. Поэтому я говорю с вами, как друг, и отвѣчаю вам вполнѣ откровенно. — При нынѣшнем положеніи моих дѣл я лишен возможности дать вам прибавку.

„От всей души я сочувствую несчастью, случившемуся с вами; но если ваша жена больна, то я пошлю к вам моего врача, который будет лѣчить ее безплатно; вам придется платить только за лѣкарства... Вы видите, что я отношусь к вам как хорошій хозяин, так как и вы хорошій работник.

„Если бы не послѣднее обстоятельство, то я мог бы отвѣтить вам так, как я уже неоднократно отвѣчал другим, менѣе симпатичным рабочим, приходившим ко мнѣ с тѣм же требованіем. Так, напримѣр, тот, мѣсто котораго на моей фабрикѣ вы заняли одинадцать лѣт тому назад, разсказал мнѣ о своем положеніи, которое очень походило на ваше нынѣшнее. Он начал с того, что заявил, что он хорошій работник, и это так и было в дѣйствительности, и что он заслужил повышеніе заработной платы. На это я ему отвѣтил, что единственным судьей в этом вопросѣ являюсь я сам. Впрочем, возбужденный тон, которым он говорил со мною, мнѣ вообще не понравился; не так слѣдует рабочему говорить со своим хозяином, — не правда ли? И я разсчитал его, сказав ему на прощанье слѣдующее: „Я нанял на работу вас и не нанимал при этом ни вашей жены, ни ваших маленьких дѣтей“. И, указав ему на дверь, я прибавил: „Раз вы имѣете большія потребности, чѣм ваши товарищи по мастерской, то вот вам бог, а вот и порог. Перешагните через него и больше не возвращайтесь. В кассѣ вы получите слѣдуемую вам за недѣлю вперед плату“.

„Я знал, между прочим, что он пытался основать здѣсь синдикат, и вы понимаете, что я не мог быть мягкосердечным по отношенію к нему.

„Что же касается вас, то вы, конечно, совершенно иной человѣк, и хочу помочь вам. Я уже сказал, что не могу дать вам прибавки, несмотря на то, что вы, несомнѣнно, прекрасный работник. Однако, если вы согласитесь служить моим планам, я назначу вас мастером, и вы будете получать извѣстный процент с того излишка в производствѣ, котораго вам удастся добиться от ваших нынѣшних товарищей. Само собою разумѣется, что вам не придется опасаться при этом каких бы то ни было непріятностей со стороны рабочих, которые будут находиться под вашим надзором. Если вы будете преданы мнѣ, я буду вам очень признателен и закрою глаза на все остальное, при том условіи, если вам удастся добиться увеличенія производительности и если вы освободите меня от небрежных и непокорных рабочих. Принимаете мое предложеніе?... Подумайте об этом и приходите с отвѣтом“.

Так отвѣчает обыкновенно хозяин **отдѣльному** рабочему, приходящему к нему с просьбой об улучшеніи своего положенія. В таких случаях рабочему предстоит или разсчет, сопряженный с угрозою безработицы и нищеты, или принятіе хозяйскаго предложенія. Ему остается выбрать между сохраненіем своего достоинства и безработицей или превращеніем в труса, предающаго своих товарищей!...

Можно было бы в подтвержденіе привести сколько угодно подобных фактов, которые встрѣчаются в изобиліи на каждом шагу.

——o——

Совершенно другая картина получается в том случаѣ, если требованія рабочих пред'являются от их имени делегатом синдиката. От имени синдиката делегат говорит с хозяином, как равный с равным. Хозяин в таком случаѣ может не вступать в дискуссію, если не захочет, но он знает, что его ожидает. Предположим самое худшее, что хозяин предпочел стачку, но стачка всегда наносит очень сильный вред его интересам и его авторитету, даже в том случаѣ, если она не кончается побѣдою рабочих. В случаѣ же успѣха, результатом побѣды пользуются не отдѣльные рабочіе и работницы, но всѣ, даже тѣ из них, которые трусливо оставили ряды борющихся. Но даже в том случаѣ, если стачка окончилась неудачей, рабочіе всетаки закалились в борьбѣ, увидѣли на практикѣ значеніе об'единенія, узнали причины своей слабости и познакомились ближе с тѣм средством, которое одно только в состояніи вывести их из их ужаснаго положенія, т. е. со стачкой.

Всѣ эти доводы говорят, кажется, достаточно убѣдительно в пользу синдикальной организаціи. Для того, чтобы вырвать у хозяев матеріальныя и моральныя уступки, рабочій синдикат является лучшим орудіем.

Организованные рабочіе, это люди, уразумѣвшіе, что сила их в единеніи и что, оставаясь изолированными, они совершенно безсильны. Они знают, что коллективная дѣятельность приносит всегда самые плодотворные результаты, в то время, как индивидуальныя попытки рабочаго, стоящаго внѣ организаціи, заранѣе осуждены на неудачу.

——o——

Синдикат не стѣсняет личности входящаго в его состав рабочаго.

Нѣкоторые молодые люди, претендующіе на то, что они будто бы являются послѣдователями нѣкоторых оригинальных идей, заявляют, что организація уничтожает индивируальное начало в человѣкѣ, превращает послѣдняго в „номер“, вселяет в него стадные инстинкты...

Если такіе синдикаты существуют в дѣйствительности, то их нужно преобразовать, вмѣсто того, чтобы заниматься одной только критикой. Выбрасывая дурное, слѣдует развивать хорошія начала, лежащія в основѣ синдиката.

Индивид имѣет возможность в синдикатѣ развить хорошія стороны своей личности. Если он стремится к идеалу, искренно предан ему и обладает темпераментом пропагандиста, он всегда имѣет возможность вести пропаганду своих идей в синдикатѣ, гдѣ почва очень благопріятна для этого. В самом дѣлѣ, вѣдь всѣ рабочіе, входящіе в синдикат, принадлежат к тѣм, которые стремятся к улучшенію условій своего существованія. Всѣ соціальныя идеи будут их интересовать, если только онѣ будут излагаться в доступной для них пониманія формѣ.

Плохим аргументом против вступленія в синдикаты являются также заявленія слѣдующаго рода: „Синдикат не слѣдует тѣм принципам, которые положены в его основу; он занимается в дѣйствительности или политикой, или взаимопомощью; люди, руководящіе синдикатом, не отличаются ни честностью, ни преданностью рабочему дѣлу“.

Несомнѣнно, что синдикат не должен заниматься политикой, но лучшим средством, для того, чтоы помѣшать ему вступить на этот путь, является вхожденіе в синдикат и противодѣйствіе изнутри всякому его уклоненію с правильнаго пути. Политика внутри синдиката, это опасная болѣзнь, разрушающая профессіональную организацію и препятствующая об'единенію рабочих для борьбы с эксплуататорами.

Синдикат об'единяет эксплуатируемых, независимо от их политических взглядов, или от их религіозных и философских убѣжденій. Он об'единяет рабочих одного и того же ремесла, на основѣ их матеріальных интересов, на почвѣ экономической борьбы,—как в цѣлях достиженія немедленных результатов, так и в цѣлях полнаго экономическаго освобожденія. Надо, поэтому, быть на мѣстах, внутри синдикатов, для того, чтобы не дать политиканам свести синдикат с прямого пути и направить его дѣятельность в сторону удовлетворенія их личных интересов.

——o——

Другіе рабочіе отказываются вступать в синдикат на том основаніи, что они не хотят,

по их словам, платить взносы, идущіе на оказаніе помощи членам синдиката, в то время, как для этой цѣли существуют спеціальныя общества.

Эти, дѣйствительно, отчасти правы в своей критикѣ; но это еще не оправдывает их уклоненія от вступленія в синдикат. Уклоняться не значит вести борьбу. В прежнія времена, вслѣдствіе репрессій правительства Имперіи, синдикаты или общества защиты профессіональных интересов дѣйствовали под именем Обществ взаимопомощи; теперь же, наоборот, нѣкоторыя общества взаимопомощи называют себя профессіональными синдикатами. С этим злом слѣдует бороться изо всѣх сил, оставаясь внутри синдиката.

Приходится, в крайнем случаѣ, допускать, чтобы синдикат имѣл кассу сопротивленія для стачек и для поддержки безработных членов, если это может привлечь в организацію нѣкоторых эгоистов, пока еще не уразумѣвших, что синдикат должен быть исключительно организаціей защиты и освобожденія. Но при этом не слѣдует упускать из виду того, что дѣятельность синдикатов, располагающих большими фондами для поддержки своих безработных членов, сводится лишь к этой поддержкѣ больных и безработных. Вмѣсто того, чтобы употребить эти деньги на сокращеніе длиннаго рабочаго дня, являющагося главной причиной болѣзней, эти фонды только способствуют укрѣпленію зла.

Что же касается касс сопротивленія на случай стачки, то мы очень хорошо знаем, что как бы богаты онѣ ни были, онѣ никогда не смогут сравняться с хозяйскими классами сопротивленія. Знаменитая стачка англійских машинистов служит тому доказательством: **27 милліонов франков ушло во время этой стачки на поддержку стачечников, и забастовка всетаки была проиграна.**

Во Франціи, как раз тѣ синдикаты, которые обладают наиболѣе полными кассами, менѣе всего активны; комитеты этих синдикатов боятся дѣятельности своих членов и всячески парализуют ее. Можно в общем сказать, что деньги, если онѣ и не развращают окончательно их владѣльцев, — во всяком случаѣ превращают их в трусов, боящихся всяких активных выступленій.

В період борьбы такого рода синдикаты требуют, что бы забастовщики во что бы то ни стало добивались передачи конфликта на обсужденіе третейскаго суда; требуют индивидуальнаго голосованія, убивающаго энтузіазм и замедляющаго рѣшительныя и энергичныя выступленія; ищут всѣми способами примиренія, для того, чтобы сохранить кассовую наличность. И только тогда, когда все это кончается ничѣм, эти синдикаты рѣшаются на об'явленіе стачки. Но хозяин за это время обыкновенно уже успѣвает запастись штрейкбрехерами и извѣстить своих коллег, поддерживающих его в борьбѣ с рабочими.

Вот какова дѣятельность синдикатов, обладающих большими фондами; дѣятельностью такого сорта синдикатов часто не могут нахвалиться представители капитала и власти.

В виду этого наиболѣе энергичные боевые элементы, не удовлетворяющіеся такого сорта дѣятельностью, должны сдѣлать все возможное, для того, чтобы оказать сопротивленіе этой опасной синдикальной тактикѣ; и, поэтому, они должны входить в синдикаты и ни в коем случаѣ не выходить из их состава.

Развѣ это не является лучшим средством, для того, чтобы найти и разоблачить всѣ нечестные, неискренніе и неспособные элементы, забравшіеся в синдикальное движеніе? Иначе, какое же значеніе имѣет критика, если критики сами не стараются улучшить положеніе вещей? Вмѣсто того, чтобы оставаться равнодушными и бездѣятельными, станем лучше силой, изнутри толкающей синдикат на революціонное дѣйствіе.

О Самодержавіи Народа

НОВОМІРСКАГО

Самодержавіе народа несомѣнно одно из наиболѣе распространенных и одновременно одно из наиболѣе неясных понятій. Что такое самодержавіе народа? Самым простым и ясным был бы отвѣт, что при народном самодержавіи **сам народ держит в своих руках всю** власть. Это значит, что само общество должно быть носителем всѣх политических функцій: само должно быть законодателем, судьей и исполнителем. Отнимите какую-нибудь функцію у народа, и вы уничтожили полноту власти, уничтожили самодержавіе народа, супернитет его. Но может-ли сам и весь народ быть своим законодателем, судьей и исполнителем? Есть только одна эпоха,

которая дает нам нѣкоторое представленіе о таком самодержавіи: это эпоха первобытнаго коммунизма. Никакая видимая воля не навязывала народу ни законов, ни судебных, приговоров, никаких рѣшеній. Никто внѣ народа не обладал даже частицей власти. Но был ли поэтому народ самодержавным в настоящем смыслѣ слова? Никто не навязывал народу законов—это правда, но это потому, что тогда не было законов вообще. Не было независимых от народа ни судей, ни чиновников вообще. Первобытная община была не демократіей, а анархіей *). Первобытная эпоха—единственное время, когда от имени народа выступал сам народ, а не какая нибудь частица его—бюрократія, духовенство, дворянство, какой нибудь класс или даже народное большинство. Но народ сам не является личностью, а есть союз личностей. Стало быть, если народ абсолютно свободен, это значит, что абсолютно свободна человѣческая личность. Если народ дѣйствительно, а не на словах самодержавен, то самодержавна человѣческая личность. Поэтому послѣдовательная, нелицемѣрная демократія (по смыслу, а не по этимологіи) есть анархія... Вот источник того страннаго недоразумѣнія, что многіе крайніе противники современной демократіи называли себя демократами, республиканцами. Всѣ они понимали демократію, как политическій строй, при котором народ абсолютно свободен и самодержавен и при котором, стало быть, абсолютно свободна и самодержавна человѣческая личность. Для них демократія, республика сливалась с анархіей.**) Понятно, что ни один демократ, даже самый послѣдовательный, именно соціал-демократ, не примет такого опредѣленія самодержавія народа и демократіи.

Он скажет, что демократія есть господство не всѣх, а большинства. Он прибавит, что иное толкованіе даже невозможно: большинство — естественный представитель всего цѣлаго. Нужно отдать ему справедливость: новѣйшія теоріи демократіи всегда стояли на этой точкѣ зрѣнія. Но тут нам хочется поставить соціал-демократу серьезный вопрос: почему теорія господства большинства получила такое широкое распространеніе в новое время, а не в средніе вѣка? Почему тогда, если я не ошибаюсь, не было и разговоров о естественном господствѣ большинства? Напримѣр, польскій сейм принимал рѣшенія не иначе, как единогласно, генеральные штаты голосовали по сословіям. Общим явленіем был принцип, что каждый должен повиноваться лишь тѣм мѣрам (как плата налогов), в выработкѣ которых он сам участвовал. В политической жизни господствовал несомѣнно принцип федераціи: личности, цехи, гильдіи, города—все об'единилось снизу вверх на основѣ свободнаго договора. Почему же современная демократія считает естественным такое безсмысленное, ничѣм не оправдываемое подчиненіе меньшинства? Почему меньшинство должно жертвовать своими интересами для большинства? Вѣдь подчиненіе тому, с чѣм мы не согласны, есть именно жертва, а развѣ жертва может быть когда-либо обязательной? Если жертва обязательна для спасенія общества, то почему же именно меньшинство своими жертвами почему-то спасает общество? Развѣ с таким же правом нельзя этого любезно предложить большинству? На эти вопросы никакой демократ (даже „соціальный“) не может дать никакого удовлетворительнаго отвѣта. Единственная теорія, которая берется об'яснить и оправдать новую демократію, развита и прекрасно изложена **Ж. Ж.** Руссо в его „Общественном договорѣ“. Он исходит из фантастическаго предположенія, что общество произошло из договора между людьми, которые рѣшили положить конец царящим междоусобіям. Но когда он доходит до теоріи большинства, он попадает в крайне затруднительное положеніе. Оказывается, что даже нелѣпый вымысел о каком-то доисторическом договорѣ не дает никакого ключа к вопросу о большинствѣ и меньшинствѣ. В самом дѣлѣ, общество создано для „всеобщаго благополучія“, и потому все должно рѣшаться „всеобщей волей“. Как же подчинить меньшинство большинству? Ж. Ж. Руссо идет на хитрость. Он утверждает, что во всяком политическом вопросѣ в демократіи каждый человѣк не подает своего мнѣнія по данному дѣлу, а утверждает только, каково в данном случаѣ мнѣніе народа, какова всеобщая воля. Когда, напримѣр, разсматривается вопрос о введеніи налога и гражданин отвергает его или принимает, то он высказывает не свое личное отношеніе к нему, а предполагаемое им отношеніе всеобщей воли. Если в результатѣ голосованій оказалось, что большинство за, а меньшинств против, то, по мнѣнію Руссо, это не значит, что меньшинство против самого проэкта. Нѣт! это якобы

---

*) Эта мысль нуждается в маленькой оговоркѣ. Если, на мой взгляд политическая организація первобытно-родовой общины была близка к анархической, то это не значит, что личная свобода была тогда дѣйствительно — так велика, как это предполагает такая политическая форма. В тогдашнюю эпоху политическій строй не был источником угнетенія. Но его с лихвой замѣняла природа, которая дѣлала первобытнаго человѣка почти абсолютным рабом окружающих природных условій.

**) Так, между прочим, понимают многіе максималисты свою „трудовую республику“.

только показывает, что меньшинство разошлось с большинством в опредѣленіи всеобщей воли. Естественно предположить, что большинство ближе к знанію того, что хочет всеобщая воля.

Понятно, что в наше время, когда демократія из области фантазій перешла в область реальной жизни, ни один здравомыслящій человѣк не станет поддерживать этой дѣтской нелѣпости. Мы знаем, что и рѣчи нѣт никогда ни о какой миѳологической всеобщей волѣ. Но если даже допустить, что таков философскій характер голосованій независимо от сознанія голосующих, даже это метафизическое предположеніе не избавляет Руссо из не ловкаго положенія. Мы спрашиваем, почему большинство может скорѣе знать эту таинственную „всеобщую волю“? Развѣ не ясно, что каждый будет считать всеобщей волей именно свою личную волю? Тогда мы возвращаемся к нашему старому вопросу ни с чѣм.

На этот вопрос есть однакож очень простой отвѣт. Современная демократія не основана на той или иной теоріи, а наоборот, всѣ старыя и новыя толкованія народовластія созданы для об'ясненія и оправданія ея. Демократія возникла в виду исторической необходимости, а не для осуществленія фантазій Руссо. В этом ключ рѣшенія загадки.

Демократическія теоріи выросли на почвѣ критики феодальнаго абсолютизма. При крѣпостнически-абсолютистском режимѣ общество видимо распадается на два лагеря: С одной стороны громадное большинство населенія работающих, торгующих, занимающихся науками и искусствами и политически безправных; с другой—жалкая кучка изжившихся паразитов, распоряжающихся политической властью. Эта нелѣпость бросалась в глаза и давала себя прекрасно чувствовать на горбах не привиллегированных членов большинства. Какой вывод должны были дѣлать они? Их было два. Угнетенные могли поставить себѣ цѣлью совершенное устраненіе привиллегированнаго меньшинства—дворянства и духовенства—и самим об'единиться в свободный союз на подобіе средних вѣков, включив на этот раз не только города, но и деревни. Это означало тогда упраздненіе государства, уничтоженіе всякой власти. Эта цѣль была тогда недостижима, потому что она была выгодна только сравнительно небольшой группѣ городских пролетаріев. Вся остальная масса „третьяго сословія“ состояла из крупной, средней и мелкой буржуазіи. Как ни сталкивались эти слои, всѣ они сходились в одном—на необходимости сохраненія частной собственности. Вожди третьяго сословія, самые радикальные вожди,—представители крестьянства и городского мѣщанства назначили смертную казнь за пропаганду даже не уничтоженія, а опредѣленнаго ограниченія частной собственности *). А для охраны частной собственности так же необходима государственная власть, как и для феодальной. Народ эпохи Французской Революціи стоял поэтому не за упраздненіе, а за преобразованіе государства. Вопрос состоял только в том, кому предоставить право назначать государственную власть. Из этой потребности и вытекает вся новѣйшая демократія.

Дворянство и духовенство могли командовать самолично. Они составляли небольшую кучку богатых, которые легко могли столковываться и так или иначе проявлять свое вліяніе на верховную власть. Многочисленное третье сословіе могло использовать свое верховенство только косвенно — называя своих уполномоченных. Отсюда представительная система. Далѣе. Так как среднее сословіе составляло подавляющее большинство, то для оправданія его претензій всего проще было бы выставить требованіе назначенія представителей большинством. Этим привиллегированное меньшинство сводилось к нулю. Сводились к нулю и требованія тогдашняго революціоннаго меньшинства городских рабочих, сельских пролетаріев. Современная демократія выросла как оплот против феодальной реакціи и против рабочей революціи. Этот мелко-буржуазный характер современной демократіи в настоящее время должен быть ясен даже слѣпому. Самый бѣглый взгляд на демократію должен убѣдить нас в этом. Демократія держится только там, гдѣ сильна мелкая буржуазія. Демократія невозможна, гдѣ преобладающее вліяніе принадлежит крупному и среднему землевладѣнію. Демократія изуродована, вырождается или существует только на бумагѣ там, гдѣ преобладаніе получает крупный капитал, организованный в трэсты. К первому разряду принадлежат обѣ европейскія демократическія республики—Швейцарія и Франція. Это единственныя государства, гдѣ еще господствуют радикалы; онѣ же страны с самым многолюдным мелкобуржуазным населеніем в городах и селах. В обѣих же странах крупная буржуазія явно враждебна демократіи и ждет не дождется возможности низвергнуть демократическій режим. В таких странах, как Германія и Австрія, истинная демократія даже не имѣла еще своего крещенія; реакціонная сила прошлаго—юнкера об'единились с новѣйшими реакціонерами—крупными капиталистами, чтобы закрыть доступ истинной демократіи. Этим, между прочим, об'ясняются успѣхи соціал-демократіи в самых реакціонных странах. В странах с болѣе либеральным строем жизни безсиліе демократіи в разрѣшеніи соціальнаго вопроса становится так ясно, что трудно увлечь народ демократическими приманками. Во всяком случаѣ дѣйствительность скоро разрушает эти политическія иллюзіи. Иное дѣло в таких полуконституціонных странах, как Германія, Австрія, и в такой совершенно лишенной конституціи странѣ как Россія. Здѣсь рабочій класс еще долго может тѣшить себя самыми дѣтскими мечтами о благодѣтельной власти и народных конституціях. Вот почему самыя отсталыя в политическом отношеніи страны имѣют самыя сильныя соціаль-демократическія партіи. Великая заатлантическая республика Соединенные Штаты Америки—является лучшим образцом того, чѣм является народное самодержавіе при господствѣ крупнаго капитала. Русскіе рабочіе потеряли бы весь свой демократическій пыл, еслибы получили хоть малѣйшее представленіе о политических отношеніях в этой странѣ. Парламент, суд, пресса, университет, даже главари рабочих—на службѣ у крупнаго капитала. При каждом удобном случаѣ буржуазія об'являет военное положеніе и совершенно отмѣняет конституцію“. Революціонеры годами содержатся в тюрьмах за пропаганду революціонных идей. Подкупленные провокаторы устраивают фиктивныя покушенія, чтобы дать правительству предлог к настоящему террору. Крупные капиталисты имѣют свои вооруженныя дружины, которыя попросту избивают, грабят и разоряют стачечников... И все это несмотря на то, что форма правленія республиканская, что существует, всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе, что всѣ должности избираемы, что существует самое широкое самоуправленіе, признаны законом всѣ свободы. Гдѣ же причины этого вопіющаго факта? Причина только одна: кто владѣет экономической силой, непремѣнно будет командовать политически. Если этому господству мѣшают оффиціальные законы, они превратятся в пустую фикцію, рядом с ними создастся не писанный, тайный, но реальный закон. Поэтому демократія держится там, гдѣ широкія массы народа не подпали еще экономической тираніи крупнаго капитала.

Поэтому же демократія была одним только опредѣленным этапом в развитіи политической жизни человѣчества. Она явилась орудіем в борьбѣ мелкой буржуазіи против феодализма. Ея торжество было неизбѣжно, гдѣ строптивость феодалов исключала возможность компромиссов. Но разложеніе мелкой буржуазіи копает могилу демократіи. Кто зовет рабочих к завоеванію демократической республики, превращает, проретаріат в пушечное мясо для борьбы за интересы мелкой буржуазіи.

Но тут нас ожидает серьезное возраженіе. Нам скажут, что каково бы ни было происхожденіе и предназначеніе современной демократіи, ничто не исключает возможности настоящей народной республики в будущем, гдѣ не будет классовой розни и классовой борьбы. Мнѣ напомнят, что соціаль-демократическіе теоретики не раз указывали на крупныя отличія будущей соціальной демократіи от ея буржуазной тезки. Должен признать, что коегдѣ у соціаль-демократов видим дѣйствительно попытки, вызванныя анархической критикой, дать нѣсколько болѣе точное представленіе о будущей демократіи.

Рабочая демократія отличается от буржуазной уже самой сущностью своей: послѣдняя есть политическая организація, цѣль которой поддерживать незыблемыя основы собственности и порядка, т. е. иначе говоря, поддерживать господство буржуазіи, а первая есть экономическая организація для регулированья производства и обмѣна. Это отличіе всегда выставлялось теоретиками соціаль-демократіи. Маркс и Энгельс называли современное государство—комитетом для завѣдыванія дѣлами буржуазіи. Бебель в своем сочиненіи „Женщина и соціализм“ повторяет и распространяет выраженіе Энгельса, что на другой день послѣ соціальной революціи „государство упраздняется“. Кауцкій в своих сочиненіях (напримѣр „Республика и с-д-і-я во Франціи“) нисколько не щадит буржуазной республики. Еще яснѣе эта мысль нашла себѣ выраженіе в брошюрѣ Эмиля Вандервельда („Коллективизм“). В этой брошюрѣ он показывает, что уже в современном государствѣ оказалось необходимым отдѣлить полицейскія функціи от его немногих экономических. Так, для завѣдыванія желѣзными дорогами и другими промышленными предпріятіями создаются автономные комитеты спеціалистов этих областей. Будущее государство, по его мнѣнію, будет совершенно лишено перваго разряда функцій, т. е. полицейско-принудительных. Оно будет исключительно большой „кооперацією“.

Но это крупное отличіе не одинственное.

*) „Аграрный закон“ имѣл цѣлью опредѣлить высшій размѣр земельной собственности для отдѣльнаго гражданина.

Чисто экономическій характер будущаго государства исключает необходимость принудительнаго его характера. Современная полиція и армія нужны не для правильности экономической жизни общества, а для охраненія интересов буржуазіи. В соціалистическом государствѣ, гдѣ нѣт мѣста классовой розни, нѣт больше мѣста и орудіям классового господства, нѣт больше современнаго полицейскаго государства. Поэтому соціаль-демократы нерѣдко утверждают, что вся наша анархическая критика есть только просто недоразумѣніе: мы критикуем современное буржуазное государство и полагаем, что критикуем будущее соціалистическое государство, которое с ним ничего общаго не имѣет. „Послѣ того, говорит Поль Луи, как современное государство с его средствами притѣсненія, с его полицейскими методами, его пріемами захвата, его системой приказов и запрещеній разрушится одновременно с правом частной собственности и послѣ того как правительство отдѣльных личностей в полном смыслѣ этого слова исчезнет в развалинах всего существующаго,—общество должно будет заботиться только о чисто экономических интересах государства *). Эти поправки мы охотно принимаем, но позволяем себѣ сдѣлать нашим противникам нѣсколько серьезных замѣчаній.

Вы увѣряете, что ваше государство промышленная, а не политическая организація. Вы должны сдѣлать неизбѣжный вывод об уничтоженіи всѣх органов полицейскаго принужденія, об уничтоженіи всѣх форм полиціи, арміи, суда, об уничтоженіи всего того аппарата, который вырос исключительно для защиты классовых привиллегій и который называется государством. Вы увѣряете что ваше государство экономическая организація производства и обмѣна, кооперація. Вы обязаны принять и наш вывод, что организація производства в обществѣ без классов есть собственно организація производителей т. е. организація работников. Вы должны согласиться также с нами, что единственная цѣлесообразная форма организаціи производителей—работников, при современной техникѣ, есть организація по профессіям, т. е профессіональные союзы, об'единенные между собою. Иначе говоря, ваше „государство“ превращается в профессіональный союз работников, владѣющій средствами труда, организующій работу и обмѣн. Спор у нас еще может возникнуть относительно одного важнаго пункта. Вы всякій союз представляете себѣ не иначе, как в видѣ безгласной и безпомощной массы, увѣнчанной бюрократическим центральным органом, всевѣдущим и всемогущим. Мы стоим за свободное об'единеніе равных людей в союзы и сліяніе всѣх союзов в одну федерацію. Словом, вы стоите за принудительное механическое об'единеніе сверху вниз, мы боремся за свободное и естественное об'единеніе снизу вверх. Вы вѣрите в спасительность начальства, декретов, уставов, циркуляров,—мы строим всѣ свои надежды на солидарности интересов и глубоких соціальных инстинктах человѣка. Пока рѣчь идет о современном обществѣ, вы еще кое как защищаете свой бюрократическій централизм ссылкой на исключительность современных условій. Вы увѣряете нас, что современныя профессіональныя организаціи, как военныя организаціи, должны быть организованы по военному: с дисциплиной, генеральным штабом, исключеніями, штрафами и прочими прелестями из военнаго кодекса. Мы отвѣчаем вам, что ваши сердечныя симпатіи к централизму отчасти глубоко внудрены в ваши души казарменным воспитаніем, отчасти имѣют цѣлью дать возможность господства ничтожной кучкѣ „вождей“ над одураченной толпой“ наивных и довѣрчивых рабочих.

Но оставим на время наш спор о типѣ современных рабочих организацій. Какова должна быть форма организаціи будущаго великаго союза работников? Вспомните великій Интернаціонал Маркса и Энгельса и скажите: неужели вы считаете возможным и полезным, чтобы какой-то центр из Петербурга указывал рабочим Самарканда, Томска, Батума, Одессы, как и когда производить им необходимые продукты? Неужели вы не видите, что 9/10 продуктов каждая маленькая область может производить сама и потому совешенно не нуждается ни в каком опекающем начальствѣ? Что касается обмѣна тѣх продуктов, которых областныя автономныя федераціи не могут произвозить сами, кто мѣшает им регулировать свой обмѣн на основаніи договоров на періодических с'ѣздах делегатов? Извращенным прототипом этих с'ѣздов могут служить теперешніе конгрессы капиталистов. Эти конгрессы не могут имѣть должнаго благодѣтельнаго вліянія на общество, потому что оно раскалывается на враждующіе классы. Но в грядущем мірѣ, когда работники будут сами организаторами своего труда, такіе с'ѣзды стали бы по необходимости прекрасным органом для устраненія хаоса в производствѣ и для регулированія обмѣна.

Выходит, стало быть, что так называемое „соціалистическое государство“ во-первых, лишено полицейских принудительных функцій; во-вторыхъ, представляет не что иное, как Рабочую Ассоціацію; в третьих, оно организовано снизу вверх, как свободная федерація. Проще говоря, оно не имѣет ни одного из признаков государства и является только свободной федераціей Рабочих Ассоціацій.

Какой странный вывод! Не правда ли? Нѣт ли тут какого-нибудь недоразумѣнія в наших разсужденіях? Да, к сожалѣнію, таковое имѣется: мы приняли на вѣру тѣ фразы, которыми дипломат соціаль-демократ желает успокоить свободолюбиваго и пытливаго пролетарія, разбуженнаго страстной критикой анархистов. А эти фразы не глубокое убѣжденіе „научных“ соціалистов, а пустая и жалкая демагогія. Этими дрянненькими и жиденькими фразами о „самоупраздненіи государства“, о „завѣдываніи вещами“, а не людьми, хотят удержать пролетаріев от полнаго уничтоженія того вампира, который именуется Государством, и существованіе котораго увѣковѣчивает рабство труда.

*) „Соціализм в современном государствѣ“.

Исторія рабочаго движенія в Испаніи

ЗИГФРИДА НАХТА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Слова и иллюзіи гибнут — факты остаются“.

Д. Писарев.

Мигуэль Анжіолило.

Издавна уже Испанія является классической страной революціи, гдѣ алчность и жестокость, власть и капитал имущих вызывают цѣлый ряд возстаній угнетеннаго народа, сопровождаемых заговорами и тиранноубійством. Дух революціи безсмертен в этой своеобразной странѣ, в которой, по справедливому заявленію автора „Тайных Обществ“, Георга Шустера, „как природа не обнаруживает ничего мелкаго, ничего средняго, так и добродѣтель и преступленіе носят печать великаго и могучаго“. Непримиримая борьба народа со своими вѣковыми угнетеніями, проходит красной нитью через всю исторію, начиная с партизанской войны гверильясов, мятежей „коммунеросов“, послѣдователей мужественнаго Хуана-де-Падильи, вплоть до Картагенской коммуны, бунта в Хересѣ и послѣдних стачек — возстаній, имѣвших мѣсто в провинціях Бискаи и Каталоніи.

Испанскіе рабочіе издавна привыкли бороться посредством action directe, выступая на улицы, сражаясь с оружіем в руках на баррикадах. Движеніе мало по малу из чисто политическаго и стихійнаго превратилось в рѣзко классовое, соціально — революціонное.

Этому значительно благопріятствовало то обстоятельство, что на него еще с середины 60 гг. сильно вліяла пропаганда лѣваго крыла „Международнаго Общества Рабочих“, вдохновляемаго М. Бакуниным и Д. Гильомом.

П. Кропоткин так характеризует это вліяніе: „в Испаніи, гдѣ Интернаціонал был сильно преслѣдуем послѣ провозглашенія коммуны в Алькоѣ и Картагенѣ и послѣ попыток возстанія в Барцелонѣ и Андалузіи, секціи Интеднаціонала по необходимости были тайныя. Но, благодаря усиліям нѣсколькихъ человѣк, а особенно „бакуниста“ Фарга Пелиссера, испанскіе интернаціоналисты соединили свои боевыя секціи с профессіональными союзами в Барцелонѣ и во всей Каталоніи, а также и с крестьянскими союзами в Андалузіи. Благодаря этой тѣсной связи между тайными секціями Интернаціонала и 80 тысячною федераціею ремесл в Барцелонѣ (ея газету всегда вели анархисты из Интернаціонала), этой федераціи удалось, с помощью грозных боевых стачек, уже в 80-х годах, ввести 8-ми часовый рабочій день в большинствѣ производств в Каталоніи; а в настоящее время, благодаря широкой пропагандѣ коммунистическаго анархизма, стачкам, становящимся все болѣе и болѣе всеобщими, рабочее населеніе этой области, быть может, серьезнѣе понимает соціальную революцію, чѣм всякое другое рабочее населеніе в Европѣ“. (Предисловіе П. Кропоткина к книгѣ Оргеіани: „Как и из чего развился революціонный синдикализм?“)

Поэтому рабочее движеніе в Испаніи представляет громадный интерес, и здѣсь есть чему поучиться русским революціонерам. А между тѣм революціонная исторія этой страны явля-

ется terra incognita для русских читателей. На русском языкѣ нѣт ни спеціальных трудов, ни обстоятельных журнальных статей, дающих ясное представленіе об этой интересной революціонной жизни, полной глубокаго драматизма. Даже наша анархистская пресса дает крайне отрывочный матеріал, весь ограничивающійся рядом корреспонденцій, печатавшихся в періодических журналах „Хлѣб и Волѣ“ и „Буревѣстникѣ“*).

В 70-ые годы, правда, была издана, цѣнная книга М. Бакунина „Историческое развитіе Интернаціонала“, дающая представленіе об испанском рабочем движеніи во время Интернаціонала, но эта книга мало извѣстна и давно уже стала библіографической рѣдкостью. Поэтому издаваемая теперь брошюра тов. Зигфрида Нахта (Арнольда Роллера), жившаго в Испаніи и имѣвшаго возможность непосредственно изучить мощное движеніе этой страны, несмотря на свою конспективную форму, является цѣнным вкладом в литературѣ по рабочему вопросу.

Едва ли нужно добавлять, что она вдвойнѣ интересна для нас, анархистов.

Изучать исторію движенія, городских и сельских рабочих в Испаніи, — это значит наблюдать на фактах борьбу с Власть и Капитал имущими, анализировать методы пролетарской революціи, изучая ее во всѣх фазисах развитія. Тактика испанских рабочих союзов, уже на зарѣ соціальнаго пробужденія, характерна примѣненіем экономическаго террора, всеобщими стачками, сопровождаемыми саботажем и массовыми экспропріаціями. Идея анархическаго коммунизма кристализуется в широких слоях рабочаго народа; она развилась и углубилась, не в теоріи, не в кабинетѣ ученаго, а на **практикѣ**, в самом процессѣ борьбы. Таким образом все испанское анархическое движеніе, состоит из сплетенія фактов, говорящих краснорѣчивѣе цѣлаго ряда трактатов по соціальным вопросам. Вот почему знакомство с ними имѣет громадное значеніе для всякаго истиннаго соціалиста и революціонера. Мы можем выразить только одно пожеланіе, чтобы брошюра Зигфрида Нахта нашла как можно больше внимательных и вдумчивых читателей в средѣ рабочей интеллигенціи. Россія, в наши дни, переживает переходное время. Первый этап политической революціи пройден; наши партіи, во главѣ с соціал-демократической, переживают глубокій кризис. Многіе старые лозунги потеряли для масс былое агитаціонное значеніе. Революціонная Россія на распутьи. Есть два пути в исторіи рабочаго движенія деспотических стран. По одному из них, начиная с времен „Интернаціонала“ идет Испанія. Это путь рѣшительной борьбы с государством и капиталом, путь неуклонно ведущій к тріумфу Соціальной Революціи.

Другой путь, на который вступила Германія, с ея тремя милліонами „соціалистических“ избирателей, многочисленными депутатами — соціаль-демократами, парламентаризмом и стремленіем „рабочей партіи“ добиться захвата политической власти. По какому из них идешь — дѣло вкуса. Мы рекомендуем рабочим и крестьянам идти по пути испанскаго пролетаріата, и стараться развить в своей средѣ автономное профессіональное движеніе, революціонизируемое и обслуживаемое **активными** анархическими группами.

* * *

Издаваемая нами брошюра посвящена автором помяти погибшаго на эшафотѣ анархиста-коммуниста, Мигуэля Анжіолило, фотографію которую мы и помѣщаем на первой страницѣ. Борец за Анархію, Анжіолило, умирая, вѣрил, что близок уже час расплаты, что скоро наступит пробужденіе трудового народа и тогда

„Из наших погибших костей
Вырастет мститель суровый,
И будет он нас посильнѣй!“

Эта надежда Анжіолило не осталась пустой мечтой умирающаго. Дух возмущенія и мятежа все больше и больше охватывает широкія массы. Час великой битвы всѣх обездоленных, час возстанія угнетенных прорвав строя грабежа и насилія, приближается. Паллас, Сальвадор, Мигуэль Анжіолило, Матео Мараль — это только застрѣльщики, первые вѣстники революціоннаго Жерминаля.

Они пали — завѣщая народу
стать свободным или умереть в борьбѣ.

Н. Рогдаев.

——o——

I.

До Интернаціонала.

Быть может ни в одной странѣ Европы пролетріат не выносит такого страшнаго мучительства и не подвергается таким ужасным преслѣдованіям, как в Испаніи.

В самой Россіи жажда преслѣдованія не принимала таких демонически-ужасных форм, как в странѣ инквизиціи.

Если в Россіи угнетеніе варварское, грубое и дикое, — преслѣдованія в Испаніи дьявольски утончены и жестоки.

*) В № 12 „Буревѣстника“ было помѣщено также изложеніе издаваемой теперь брошюры Зигфрида Нахта.

Исторія испанскаго пролетаріата интересна и весьма поучительна. Однако ограниченный об'ем этой брошюры позволяет мнѣ изложить эту исторію лишь в ея главных пунктах с телеграфной краткостью.

Уже в 1848 году в Испаніи были различныя соціалистическія теченія, проникнутыя частью духом французских фурьеристов и Кабе, а позднѣе преимущественно находившіяся под вліяніем идей Прудона и Фернанда Каррида, одного из замѣчательнѣйших писателей и извѣстнаго апостола соціализма в Испаніи за третью четверть прошлаго столѣтія.

Каррида была основана соціалистическая газета в Мадридѣ, которая конечно через короткое время была закрыта*).

Уже с 1848 г. мы видим профессіональное движеніе в промышленных областях страны. Через нѣсколько лѣт союзы были запрещены и об'явлены незаконными; были введены суровые исключительные законы против рабочаго движенія; несмотря на это союзы продолжали существовать тайно. Когда же преслѣдованія становились все невыносимѣе, вспыхнула 2-го іюля 1855 г. первая всеобщая стачка в Испаніи, об'явленная тайными рабочими организаціями.

Рабочіе Барцелоны и множества маленьких городов Каталоніи с цѣлью завоевать право организаціи вышли одновременно в 9 ч. утра из фабрик со знаменами и с криками: „Об'единеніе или смерть!“ Дѣло дошло до схваток и баррикад, причем рабочими был убит уполномоченный, призывавшій к миру.

Через девять дней, когда свобода об'единеній и законность союзов были признаны, стачка прекратилась.

Результатом законности союзов было то, что теперь власти при всѣх волненіях хорошо знают с кѣм имѣют дѣло и могут жестоко преслѣдовать всѣх извѣстных вожаков.

В ноябрѣ того же года произошли на экономической почвѣ волненія в Сарагоссѣ. Бунтовщики завладѣли хлѣбными складами и товарами с судов, стоявших на рѣкѣ Эбро. Милиція, сильно проникнутая соціалистическим духом, была за одно с народом.

То же самое послѣдовало и в Валенціи, а лѣтом 1856 г. произошли такія же нападенія на фабрики, на хлѣбные магазины и на булочныя во всѣх городах Кастиліи, гдѣ участники движенія явились извѣстные революціонеры. Свои акты они называли „экспропріаціями“.

*) Еще в 1849 году недолгое время выходила коммунистическая газета в Барцелонѣ.

Идеи коммунизма нашли уже тогда сильное распространеніе среди сельско-хозяйственных рабочих Андалузіи. Теоретическим выраженіем их цѣли была „Коммунистическая Республика“.

Из рядов этих коммунистических республиканцев вышел Фермин Сальвочеа, о котором рѣчь впереди.

Приверженцы этих идей сгруппировались в южной Андалузіи в тайную революціонную организацію, которая в іюнѣ 1863 г. под предводительством Переца-де-Аламо начала вооруженное возстаніе. Движеніе насчитывало вначалѣ всего 1000 человѣк; это число быстро выросло до 30.000. К бунтовщикам примыкали с кличем „да здравствует коммуна“. Вначалѣ жандармскіе и солдатскіе отряды были побѣждены, но когда правительству удалось стянуть достаточно войска против бунтовщиков, послѣдніе были разбиты в нѣскольких продолжительных кровавых битвах.

Из задержанных двадцать были по приговору военнаго суда разстрѣляны, и 400 сосланы в каторжныя колоніи на Кубу и Филиппины. Кромѣ корпоративнаго профессіональнаго движенія видим мы в это время также зарожденіе удивительно-сильнаго кооперативнаго движенія; попытки рабочих улучшить свое положеніе путем основанія товариществ. Этому движенію несомнѣнно сильно благопріятствовали распространившіяся уже тогда мутуалистическія идеи Прудона.

Рядом с этим чисто-пролетарским классовым движеніем глубоко проникла во всѣ классы населенія и другая революціонная идея: идея свободной федералистической республики. Крупнѣйшим пропагандистом ея был Фр. Пи-и-Маргаль, который находился под сильным вліяніем экономических и федералистических идей Прудона.

Как во всѣх революціонных ученіях, так и в этом движеніи в пользу республики, которое разросталось в Испаніи одновременно с возстаніем против цезаризма во Франціи, испанскій пролетаріат принял выдающееся участіе. Пропаганда федерализма, вызвавшая среди рабочих чрезвычайный интерес и пустившая глубокіе корни, была причиной того, что испанскій пролетарій уже давно признал федерализм свободнѣйшей формой всякой организаціи. С тѣх пор идея централизма в политикѣ или в какой либо организаціи никогда не привлекала рабочих.

Пи-и-Маргаль, один из важнѣйших ученых и всесторонне-образованных людей прошлаго столѣтія, имѣл громадное вліяніе на умственное

развитіе своих современников. Повсюду в его сочиненіях разбросаны доказательства того, что анархическій принцип является логическим слѣдствіем федерализма. Он, ставшій впослѣдствіи президентом испанской республики, писал: „И республика есть насиліе и тиранія; человѣком нельзя управлять“. „Всякое государство есть абсурд“. Между тѣм в Лондонѣ был основан „Интернаціонал“. Бакунистское крыло под именем „Союз соціалистической демократіи“ придерживалось федералистическаго принципа.

Исторія Великой Французской Революціи

П. КРОПОКИНА.

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

(1789 — 1793.)

(Два главных теченія Революціи.)

Два главных теченія и совершили революцію. Одно из них, наплыв новых понятій относительно политическаго переустройства государства, исходило из буржуазіи. Другое, элемент дѣйствія, исходило из народных масс: крестьянства и городского пролетаріата, стремившихся к непосредственному и осязательному улучшенію своего экономическаго положенія. И когда эти два теченія встрѣтились и об'единились в виду одной, вначалѣ общей им цѣли, и на нѣкоторое время оказали друг другу взаимную поддержку, тогда наступила Революція.

Философы восемнадцатаго вѣка давно уже подрывали основы современных им культурных государств, в которых, как политическая власть так и громадная доля богатств принадлежали аристократіи и духовенству, народная же масса оставалась вьючным животным для сильных міра. Провозглашая верховное владычество разума, выступая с проповѣдью вѣры в человѣческую природу, — в то, что природа человѣка, испорченная разнаго рода учрежденіями, поработившими ее в теченіе исторической жизни, проявит всѣ свои хорошія стороны, как толь ко ей будет возвращена свобода, — философы открыли перед человѣчеством широкіе, новые горизонты. Равенство всѣх людей, без различія рода и племени, обязанность всякаго гражданина, будь он король или крестьянин, повиноваться закону, установленному представителями народа и считающемуся выраженіем общей воли; наконец, свобода договоров между свободными людьми и уничтоженіе феодальной, крѣпостной зависимости — эти требованія философов, связанныя в одно цѣлое, благодаря духу системы и методичности, свойственным французскому мышленію, несомнѣнно подготовили в умах паденіе стараго строя.

Но этого одно было бы недостаточно, чтобы вызвать революцію. От теоріи предстояло перейти к дѣйствію, от созданнаго в воображеніи идеала — к его осуществленію на практикѣ; а потому обстоятельства, которыя в извѣстный момент дали французскому народу возможность сдѣлать этот шаг, — приступить к осуществленію намѣченнаго идеала, — пріобрѣтают особенную важность для исторіи.

С другой стороны, задолго еще до 1789 года, Франція вступила в період небольших народных возстаній. Восшествіе на перстол Людовика XVI-го, в 1774-м году, послужило сигналом к цѣлому ряду голодных бунтов. Они продолжались до 1783-го года, послѣ чего наступило относительное затишье. Но затѣм, начиная с 1786-го, а особенно с 1788-го года, крестьянскія возстанія возобновились с новой силой. Если в первом рядѣ бунтов главным двигателем был голод, то теперь, хотя недостаток в хлѣбѣ все еще оставался одною из существенных причин, главною чертою бунтов являлся отказ от платежа феодальных (крѣпостных) повинностей. Число бунтов все росло, вплоть до 1789-го года; и наконец, в 1789 году, они охватили весь восток, сѣверо и юго-восток Франціи.

Строй общества, таким образом, расшатывался. Однако, сами по себѣ крестьянскія возстанія еще не составляют революціи, даже если они принимают такія грозныя формы, как пугачевскій бунт, происходившій у нас в 1773 году. Революція есть нѣчто неизмѣримо большее, чѣм ряд возстаній в деревнях и городах; большее чѣм простая борьба партій, как бы кровопролитна она ни была; большее чѣм уличная война и гораздо большее чѣм простая перемѣна правительства, подобная тѣм, какія происходили во Франціи в 1830-м и 1848м годах. Революція, это — быстрое уничтоженіе, на протяженіи немногих лѣт, учрежденій, устанавливавших вѣками и казавшихся такими незыблемыми, что даже самые пылкіе реформаторы едва осмѣливались нападать на них. Это — распаденіе, разложеніе в нѣсколько лѣт всего того, что составляло до того времени сущность общественной, религіозной, политической и экономической жизни націи; это — полный переворот в установленных понятіях и в ходячих мнѣніях, по отношенію ко всѣм сложным отношеніям между отдѣльными единицами человѣческаго стада.

Это, наконец зарожденіе новых понятій о равенствѣ в отношеніях между гражданами, которыя скоро становятся дѣйствительностью, и тогда начинают распространяться на сосѣднія націи, перевертывают весь мір и дают слѣдующему вѣку его лозунг, его задачи, его науку,— все направленіе его экономическаго, политическаго и нравственнаго развитія.

Чтобы достигнуть таких крупных результатов, чтобы движеніе приняло размѣр революціи, как это было в 1648—1688 годах в Англіи и в 1789—1793 во Франціи, — еще недостаточно было того, чтобы среди образованных классов проявилось извѣстное идейное теченіе, как-бы это теченіе ни было глубоко; недостаточно было и одних народных бунтов, как-бы они ни были многочисленны и как бы широко они ни распространялись. Нужно было, чтобы **революціонное дѣйствіе,** исходящее из народа, совпало с **движеніем революціонной мысли,** шедшим обыкновенно, до тѣх пор, от образованных классов. Нужно было, чтобы они, хотя на время, подали друг другу руки.

Вот почему Французская революція, как и Англійская, произошла в тот момент, когда буржуазія, обильно черпавшая свои мысли из философіи своего времени, дошла до сознанія своих прав, создала новый план политическаго устройства и, сильная своими знаніями, готовая к упорной работѣ, почувствовала себя способной взять в свои руки управленіе, вырвав его из рук дворцовой аристократіи, которая своей неспособностью, легкомыслієм и расточительностью вела государство к полному раззоренію. Но буржуазія и интеллигентные классы сами по себѣ ничего бы не сдѣлали, если бы, благодаря различным условіям, не всколыхнулась крестьянская масса и не дала бы, цѣлым рядом возстаній длившихся четыре года, возможность недовольным элементам средних классов бороться с королем, двором и бюрократіею, низвергнуть старыя учрежденія и совершенно измѣнить политическій строй государства.

Исторія этого двойнаго движенія еще не разсказана. Исторія Великой Французской Революціи была написана много раз, с точки зрѣнія самых различных партій; но до сих пор историки занимались главным образом политическою исторіею, исторіею побѣд, одержанных буржуазіею над придворною партіею и над защитниками старых монархических учрежденій. Вслѣдствіе этого, мы очень хорошо знакомы с умственным пробужденіем, предшествовавшим Революціи. Мы знаем принципы, господствовавшіе в Революціи и нашедшіе себѣ выраженіе в ея законнодательствѣ: мы восхищаемся великими идеями, которыя она бросила в мір, и проведеніе которых в жизнь заняло затѣм весь девятнадцатый вѣк. Одним словом, **парламентская исторія** Революціи, ея войны и ея политика изучены и разсказаны во всѣх подробностях. Но **народная** исторія Революціи еще не написана. Роль **народа** — деревень и городов — в этом движеніи никогда еще не была полностью изучена и разсказана. Из двух теченій, совершивших Революцію, теченіе **умственное** извѣстно; но другое теченіе— **народное дѣйствіе** — еще очень мало затронуто.

Наше дѣло — дѣло потомков тѣх, кого современники называли „анархистами“, изучить это народное движеніе, или, по крайней мѣрѣ, указать его главныя черты.

II.

Идейное теченіе.

Чтобы понять идеи, вдохновляющія буржуазію 1789 года, нужно обратиться к их результатам, т. е. к современным государствам.

Та форма культурных государств, которую мы наблюдаем в настоящее время в Европѣ, еще только намѣчалась в концѣ восемнадцатаго вѣка. Централизація власти еще не достигла тогда, ни такого совершенства, ни такого единообразія, какія мы видим теперь. Грозная машина, благодаря которой все мужское населеніе страны, готовое к войнѣ, приводится теперь в движеніе по приказанію из столицы и несет раззореніе в деревни и горе в семьи, тогда еще не существовала. Этих стран, покрытых сложною административною сѣтью, гдѣ личности администраторов совершенно стушевываются в бюрократическом рабствѣ и машинальном подчиненіи перед приказаніями, исходящими от центральной воли; этого пассивнаго повиновенія граждан закону и этого поклоненія закону, Парламенту, судебной власти и ея аген-

там, развившимся с тѣх пор; этой іерархіи дисциплинированных чиновников; этой сѣти школ, содержимых или руководимых государством, гдѣ преподается повиновеніе власти и ея обожаніе; этой промышленности, давящей рабочаго, цѣликом отданнаго государством в руки хозяев; торговли, скопляющей неслыханныя состоянія в руках тѣх, кто захватил землю, каменно угольныя копи, пути сообщенія и другія естественныя богатства, и доставляющей громадныя средства государству; наконец, нашей науки, которая, освободив мысль, увеличила в сотни раз производительныя силы человѣчества, но вмѣстѣ с тѣм стремится подчинить эти силы праву сильнаго и государству, — ничего этого до Революціи не существовало.

Однако задолго до того времени, когда раздались первые раскаты Революціи, французская буржуазія — Третье Сословіе — уже составила себѣ понятіе о том политическом организмѣ, который должен был развиться, по ея мнѣнію, на развалинах феодальной монархіи. Весьма возможно, что англійская революція помогла французской буржуазіи понять, какую именно роль ей суждено было играть в управленіи обществом. Несомнѣнно и то, что энергіи революціонеров во Франціи был дан толчок американскою революціею. Но уже сначала восемнадцатаго вѣка изученіе государственных вопросов и того политическаго строя, который мог бы возникнуть на почвѣ представительной системы (конституціи), сдѣлалось — благодаря Юму, Гоббсу, Монтескьё, Руссо, Вольтеру, Мабли, д'Аржансону и др. — любимым предметом изслѣдованій, причем, благодаря Тюрго и Смиту, к нему присоединилось изученіе экономических вопросов и роли собственности в политическом устройствѣ государств.

Вот почему, задолго до того времени, когда вспыхнула Революція, идеал централизованнаго, благоустроеннаго государства, под управленіем классов обладающих земельною и промышленною собственностью, или же занимающихся свободными профессіями, намѣчается и излагается во множествѣ книг и брошюр, откуда дѣятели Революціи черпали впослѣдствіи свое вдохновеніе и свою обдуманную энергію.

И вот почему, французская буржуазія, вступая в 1789 году в революціонный період, уже отлично знала, чего хочет. Правда, она тогда еще не стояла за республику (стоит-ли она за нее теперь?); но она не хотѣла королевскаго произвола, не признавала правленія принцев и двора, и отрицала привилегіи дворянства, которое захватывало главныя правительственныя должности, но умѣло только раззорять государство, — точно также, как оно раззоряло свои собственныя помѣстья. Чувства у передовой буржуазіи были республиканскія в том смыслѣ, что она стремилась к республиканской простотѣ нравов, по примѣру молодых американских республик; но она желала также, и прежде всего, перехода управленія в руки имущих классов.

По своим религіозным убѣжденіям, буржуазія того времени не доходила до атеизма; она скорѣе была „свободомыслящей", но вмѣстѣ с тѣм она не питала вражды и к католицизму. Она ненавидѣла только Церковь, с ея іерархіей, с ея епископами, державшимися за одно с принцами, и с ея священниками, — послушными орудіями в руках дворянства.

Буржуазія 1789 года понимала, что во Франціи наступил момент (как он наступил сорока годами раньше в Англіи), когда Третье Сословіе должно стать наслѣдником власти, выпадающей из рук монархіи; и она уже обдумала заранѣе, как ей распорядиться с этой властью.

Идеалом буржуазіи было дать Франціи конституцію, на манер англійской. Роль короля должна была быть сведена к роли инстанціи, регистрирующей волю Парламента, иногда впрочем — властью, удерживающею равновѣсіе между партіями; но главным образом король должен был служить символом національнаго единства. Настоящая же власть должна была быть выборною, и находиться в руках парламента, в котором образованная буржуазія, представляющая дѣятельную и думающую часть націи, господствовала бы над всѣми остальными сословіями.

Вмѣстѣ с тѣм в планы буржуазіи входило упраздненіе всѣх мѣстных или частных властей, представлявших независимыя (автономныя) единицы в государствѣ. Сосредоточеніе всѣх правительственных сил в руках центральной исполнительной власти, находящейся под строгим контролем парламента, было ея идеалом. Этой власти, все должно повиноваться в государствѣ. Она должна будет держать в своих руках всѣ отрасли управленія: взиманіе налогов, суд, военныя силы, школы, полицейскій надзор и наконец общее руководство торговлей и промышленностью, — все! Но рядом с этим, говорила буржуазія, слѣдует провозгласить полную свободу торговых сдѣлок; промышленным предпринимателям слѣдует предоставить полную возможность эксплуатировать всѣ естественныя богатства страны, а вмѣстѣ с тѣм и рабочих, — цѣликом отдавая их на произвол тѣх, кому угодно будет дать им работу.

Все это — под контролем государства, которое должно способствовать обогащенію частных лиц и накопленію больших состояній; этому условію, буржуазія того времени неизбѣжно придавала большое значеніе, так как и самый созыв Генеральных Штатов был вызван необходимостью бороться с финансовым раззореніем государства.

Не менѣе ясны были экономическія понятія людей Третьяго Сословія. Французская буржуазія читала и изучала труды отцов политической экономіи, Тюрго и Адама Смита. Она знала, что их теоріи уже прилагаются в Англіи и смотрѣла на экономическую организацію своих сосѣдей, англійских буржуа, с такою же завистью, как и на их политическое могущество. Она мечтала о переходѣ земель в руки буржуазіи, крупной и мелкой, и об эксплуатаціи естественных богатств страны, оставшихся до сих пор непроизводительными в руках дворянства и духовенства. И в этом, ея союзницею являлась мелкая деревенская буржуазія, которой численность была уже значительна, раньше чѣм Революція увеличила этот класс собственниковъ. Наконец, французская буржуазія уже представляла себѣ быстрое развитіе промышленности и крупнаго производства, благодаря машинам, заморской торговлѣ и вывозу промышленных издѣлій; а затѣм ей уже рисовались богатые рынки Востока, крупныя финансовыя предпріятія и быстрый рост огромных состояній.

Она понимала, что для достиженія этого идеала, ей прежде всего требовалось порвать связь крестьянина с деревней. Ей нужно было, чтобы крестьянин мог, и вынужден был, покинуть свое родное гнѣздо и направиться в город, для пріисканія какой нибудь работы; ей нужно было, чтобы он перемѣнил хозяина и начал бы обогащать промышленность, вмѣсто того, чтобы платить помѣщику всякія повинности, хотя и очень тяжелыя для крестьянина, но в сущности мало обогащавшія барина. Нужно было, наконец, чтобы в финансах государства водворилось больше порядка, чтобы налоги было легче платить, и чтобы они, вмѣстѣ с тѣм, приносили больше дохода казнѣ.

Буржуазіи нужно было, одним словом, то, что политико-экономы называли свободой промышленности и торговли, то-есть, с одной стороны, освобожденіе промышленности от мелочнаго и мертвящаго надзора государства, а с другой стороны — полной свободы в эксплуатаціи рабочаго, лишеннаго всяких прав самозащиты. Уничтоженіе государственнаго вмѣшательства, которое только стѣсняло предпринимателя, уничтоженіе внутренних таможен и всякаго рода стѣснительных законов—и вмѣстѣ с тѣм, уничтоженіе всѣх существовавших до того времени ремесленных союзов, гильдіи, цеховой организаціи, которые могли бы ограничивать эксплуатацію наемнаго труда. Полная „свобода" договоров для хозяев—и строгое запрещеніе всяких соглашеній между рабочими. **"Laissez faire"** („Пусть дѣйствуют"), для одних, — и никакой возможности об'единяться для других.

Таков был двойной план, намѣчавшійся в умах. И как только представилась к тому возможность, французская буржуазія, сильная своими знаніями, ясным пониманіем своей цѣли и своим навыком в „дѣлах", взялась, уже не колеблясь ни относительно общей цѣли, ни относительно деталей, над проведеніем своих взглядов в жизнь. Она принялась за дѣло так сознательно, с такой энергіей и послѣдовательностью, какой совершенно не было у народа,— так как народ не выработал, не создал себѣ идеала, который он мог бы противопоставить, в жизни, идеалу господ членов Третьяго Сословія.

Было бы, конечно, несправедливо утверждать, что буржуазія 1789 года руководилась исключительно узко-эгоистическими разсчетами. Если бы так было на дѣлѣ, она бы никогда ничего не добилась. Для больших преобразованій всегда нужна извѣстная доля идеализма. И дѣйствительно, лучшіе представители Третьяго Сословія воспитывались на философіи восемнадцатаго вѣка — этом глубоком источникѣ, носившем в зародышѣ всѣ великія идеи позднѣйшаго времени. Истинно-научный дух этой философіи, ея глубоко-нравственный характер — даже там, гдѣ она осмѣивала условную мораль, — ея вѣра в ум, в силу и величіе освобожденнаго человѣка, раз только он будет жить в обществѣ равных себѣ, ея ненависть к деспотическим учрежденіям, — все это мы находим у революціонеров того времени. Иначе, откуда почерпнули бы они силу своих убѣжденій и преданность им, которую они проявили в великой борьбѣ?

Нужно также признать и то, что среди людей, больше всего работавших над осуществленіем программы буржуазіи, нѣкоторые искренно вѣрили, что обогащеніе отдѣльных лиц — лучшій путь к обогащенію всего народа. Это писалось тогда, с полным убѣжденіем, лучшими политико-экономистами, начиная с Адама Смита.

Но как бы ни были высоки отвлеченныя идеи свободы, равенства и свободнаго прогресса, одушевлявшія искренних людей из буржуазіи 1789 — 1793 годов, мы должны судить об этих людях на основаніи их **практической** програм-

мы, на основаніи **приложенія** ихъ теоріи к жизни. Как воплотится данная отвлеченная идея в дѣйствительной жизни? Вот что дает нам мѣрило для ея оцѣнки.

И вот, хотя буржуазія 1789 года несомнѣнно вдохновлялась идеями свободы, равенства перед законом, и политическаго и религіознаго освобожденія, мы видим однако, что как только эти идеи облекались в плоть и кровь, онѣ выражались именно в той двойной программѣ, которую мы только что изложили: свобода пользованія всевозможными богатствами в видах личнаго обогащенія, и свобода эксплуатаціи человѣческаго труда, без всякой защиты для жертв этой эксплуатаціи. При этом — такая организація политической власти, переданной в руки буржуазіи, при которой свобода этой эксплуатаціи была бы вполнѣ обезпечена. И мы скоро увидим, какая страшная борьба разгорѣлась в 1793 году, когда часть революціонеров захотѣла пойти дальше этой программы, для дѣйствительнаго освобожденія народа.

Революціонное правительство

П. КРОПОКИНА.

I.

Современныя правительства должны пасть, чтобъ свобода, равенство и братство перестали быть словами и облеклись въ реальную форму. Всѣ виды правительства, испытанные до сихъ поръ, были лишь различными формами угнетенія и должны быть замѣнены новой формой группировки; на этомъ сходятся всѣ, болѣе или менѣе революціонно настроенные, члены нашего общества. Да и не надо быть новаторомъ, чтобъ придти къ этому заключенію; пороки современныхъ правительствъ и невозможность ихъ преобразовать такъ очевидны, что бросаются в глаза каждому мало-мальски разумному наблюдателю. Мы знаемъ, что въ извѣстныя эпохи низвергнуть правительство почти ничего не стоитъ. Есть моменты, когда правительства, подобно карточнымъ домикамъ, рушатся почти сами собой отъ малѣйшаго натиска возставшаго народа. Мы это видѣли въ 1848 и въ 1870 году; мы это увидимъ въ скоромъ будущемъ.

Низвергнуть правительство — вотъ конечная цѣль для революціонера-буржуа. Для насъ же это только начало Соціальной Революціи. Когда Государственная машина лопнетъ, когда іерархія чиновниковъ будетъ дезорганизована, и солдаты потеряютъ довѣріе къ своимъ начальникамъ, словомъ, когда армія защитниковъ Капитала будетъ побѣждена, — передъ нами предстанетъ великое дѣло разрушенія институтовъ, стремящихся увѣковѣчить экономическое и политическое рабство. Положимъ, свобода дѣйствій пріобрѣтена, — что же будутъ дѣлать революціонеры?

На этотъ вопросъ только анархисты отвѣчаютъ: „Долой правительство, да здравствуетъ анархія!“ Всѣ же остальные провозглашаютъ „революціонное правительство“. Разногласіе между ними происходитъ лишь относительно формы, которую нужно будетъ дать правительству, изобранному путемъ всеобщей подачи голосовъ, въ Государствѣ или въ Коммунѣ. Нѣкоторые же высказываются за революціонную диктатуру.

„Революціонное правительство!“ Какъ странно звучатъ эти два слова для тѣхъ, которые понимаютъ чѣмъ должна быть Соціальная Революція и что такое правительство. Эти два слова противорѣчатъ другъ другу, взаимно уничтожаются. Мы знаемъ, что изъ себя представляетъ деспотическое правительство;—стоять за реакцію противъ революціи, стремиться къ деспотизму — вотъ сущность всякаго правительства; но никто никогда не видѣлъ революціоннаго правительства. Революція — это синонимъ „безпорядка“, низверженія въ нѣсколько часовъ вѣковыхъ институтовъ, насильственнаго разрушенія установившихся формъ собственности, уничтоженія кастъ, внезапнаго перерожденія взглядовъ на нравственность, вѣрнѣе на заступающее ея мѣсто лицемѣріе, синонимъ личной свободы и свободы дѣйствій, — словомъ отрицаніе правительства, этого синонима „порядка“, консерватизма, сохраненія существующихъ институтовъ, отрицанія частной иниціативы и свободы дѣйствій. И, тѣмъ не менѣе, намъ безпрестанно говорятъ объ этомъ „бѣломъ дроздѣ“, какъ будто бы „революціонное правительство“ — самая обыденная вещь на свѣтѣ, столь же знакомая всѣмъ и каждому, какъ королевство, имперія или папство.

Революціонеры изъ буржуазіи должны проповѣдывать эту идею; оно вполнѣ понятно. Мы знаемъ, что они называютъ революціей. Это подштукатуриваніе буржуазной республики;

это захватъ, такъ называемыми, республиканцами, доходныхъ должностей, сосредоточенныхъ сейчасъ въ рукахъ бонапартистовъ и роялистовъ; это разрывъ брака между Церковью и Государствомъ, замѣненный ихъ конкубинатомъ; это секвестрація церковныхъ имуществъ въ пользу Государства, вѣрнѣе, въ пользу управляющихъ этими имуществами; быть можетъ, это референдумъ, или что-либо въ этомъ родѣ.... Но что революціонеры соціалисты стали апостолами этой идеи — абсолютно непонятно, если не допустить слѣдующихъ двухъ предположеній. Или ея защитники так заражены буржуазными предразсудками, которые они почерпнули, можетъ быть, даже безсознательно, въ литературѣ и, главнымъ образомъ, въ исторіи, сфабрикованной спеціально для буржуазіи самими буржуа, такъ проникнуты духомъ рабства, этимъ плодомъ долгихъ вѣковъ крѣпостничества, что они не способны даже представить себѣ, что могутъ быть свободными. Или же приверженцы этой идеи вовсе не хотятъ той Революціи, о которой они безпрестанно говорятъ: они удовлетворятся нѣкоторымъ преобразованіемъ существующихъ институтовъ, лишь бы это обезпечило имъ власть. Они борются съ правительствомъ исключительно для того, чтобъ какъ можно скорѣе занять его мѣсто. Съ ними мы и не станемъ разсуждать. Поговоримъ съ тѣми, которые искренно заблуждаются.

Разберемъ первую изъ двухъ провозглашенныхъ формъ „революціоннаго правительства“ — правительство выборное.

Королевская власть низвергнута, армія защитниковъ Капитала побѣждена, вездѣ броженіе, жажда работать для общаго дѣла, стремленіе впередъ. Возникаютъ новыя идеи, сознается необходимость коренныхъ перемѣнъ, — надо дѣйствовать, надо приняться за безпощадную работу разрушенія, чтобъ очистить путь для новой жизни. Что же предлагаютъ намъ дѣлать? — Созвать народъ для выборовъ, провозгласить правительство и передать ему ту работу, которую каждый изъ насъ долженъ дѣлать самъ, руководствуясь своей собственной иниціативой.

Такъ и сдѣлалъ Парижъ послѣ 18 марта 1871 года. — „Я никогда не забуду,—говорилъ мнѣ одинъ пріятель, — этихъ чудныхъ моментов освобожденія. Я спустился из своей маленькой комнаты въ латинскомъ кварталѣ, чтобъ войти въ этотъ огромный клубъ подъ открытымъ небомъ, чтобъ смѣшаться съ толпой, наводнявшей улицы Парижа. Всѣ обсуждали общее дѣло; всякая личная забота была на время отложена: дѣло шло не о куплѣ и продажѣ, всѣ были готовы душой и тѣломъ ринуться въ неизвѣстное будущее. Даже буржуа, захваченные общимъ порывомъ, съ ликованіемъ смотрѣли, какъ открывался новый міръ. „Если нужна соціальная революція, — произведемъ ее: пусть все станетъ общимъ достояніемъ; мы готовы!“ Элементы революціи были на лицо: надо было употребить ихъ въ дѣло. Придя вечеромъ домой, я подумалъ: „Какъ человѣчество прекрасно! Его не знают и всегда клевещут на него!“ Потомъ наступили выборы,члены Коммуны были назначены, — и понемногу потухла сила самоотверженія и усердіе къ дѣлу. Каждый принялся за свою обычную работу, говоря: „Теперь у насъ есть честное правительство; предоставимъ ему поступать какъ оно хочетъ“ ... Мы знаемъ, каковы были послѣдствія.

Народъ, вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать самостоятельно, идти впереди, смѣло ринуться навстрѣчу новому порядку вещей, передалъ своимъ правителямъ право иниціативы. Вотъ первое послѣдствіе — неизбѣжный результатъ выборовъ. Что же будутъ дѣлать эти правители, облеченные всеобщимъ довѣріемъ?

Никогда выборы не были такъ свободны, какъ въ мартѣ 1871 года. Даже враги Коммуны признали это. Никогда избиратели не были такъ проникнуты желаніемъ поставить у кормила правленія лучшихъ людей, людей будущаго, революціонеровъ. Такъ они и сдѣлали. Всѣ извѣстные революціонеры были избраны подавляющимъ большинствомъ; якобинцы, бланкисты, интернаціоналисты, всѣ три революціонныхъ фракціи имѣли своихъ представителей въ Совѣтѣ Коммуны. Выборы не могли дать лучшаго правительства.

Мы знаемъ, каковы были результаты. Запертые въ Городской Думѣ, обязанные дѣйствовать, придерживаясь формъ установленныхъ предшествующими правительствами, эти ярые революціонеры, эти реформаторы потеряли способность что-либо создать. Не смотря на ихъ страстное желаніе, на ихъ храбрость, они не сумѣли организовать даже защиту Парижа. Теперь въ этомъ обвиняютъ отдѣльныхъ личностей; но причина неудачи не въ нихъ, а въ самой системѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, собраніе, избранное при всеобщей подачѣ голосовъ, будетъ въ лучшемъ случаѣ состоять изъ представителей средняго уровня понятій, распространенныхъ въ данное время въ массахъ; но въ началѣ революціи эти представители не понимаютъ даже, что предстоитъ совершить и абсолютно не знаютъ, какъ

взяться за дѣло. Ахъ, если бы большая часть націи или Коммуны могла до начала движенія сговориться и опредѣлить, что дѣлать, какъ только правительство будетъ низвергнуто! Если бы эта мечта кабинетныхъ утопистовъ могла бы быть осуществлена, у нас никогда бы не было кровавыхъ революцій: когда желаніе большинства націи было бы опредѣленно высказанно, меньшинство добровольно подчинялось ему. Но на дѣлѣ выходитъ иначе. Революція разражается задолго до того, какъ можетъ быть установлено общее соглашеніе, и тѣ, которые понимаютъ, что надо дѣлать на другой день послѣ взрыва, составляютъ въ этотъ моментъ лишь незначительное меньшинство. Большая часть народа лишь въ общихъ чертахъ представляетъ себѣ ту цѣль, къ осуществленію которой она стремится, и не знаетъ, какіе пути ведутъ къ ея достиженію. Практическое рѣшеніе выяснится лишь въ тотъ моментъ, когда начнутся преобразованія: оно будетъ продуктомъ самой революціи, продуктомъ работы народа, или же оно будетъ — ничѣмъ, выдумкой отдѣльныхъ лицъ, абсолютно неспособныхъ найти то рѣшеніе, которое должно быть рождено жизнью самаго народа.

Это положеніе вещей неизбѣжно отражается на собраніи, избранном путем всеобщей подачи голосов, даже если оно не заражено пороками, присущими вообще всѣм представительным правительствам. Представители революціонной идеи данной эпохи слишком малочисленны и теряются среди представителей революціонных школ прошлаго и защитников существующаго порядка вещей. Эти люди в дни революціи должны быть среди народа, чтоб широко распространять свои идеи, привести массы в движеніе и уничтожить институты прошлаго; а между тѣм они сидят тут, прикованные к залѣ Собраній, и ведут безконечные споры, стремясь вырвать уступки у умѣренных и переубѣдить своих противников, которых только осуществленіе новой идеи может обратить в ея сторонников. Правительство превращается в парламент со всѣми недостатками буржуазных парламентов. Это „революціонное“ правительство становится непреодолимым препятствіем для революціи и народ, если он хочет перестать топтаться на мѣстѣ, должен оставить тѣх, которых еще вчера он привѣтствовал, как своих избранных. Но это уже не так легко. Новое правительство успѣло организовать цѣлую іерархію администраторов для расширенія своей власти и подчиненія себѣ народа, теперь оно уже добровольно не уступит своего мѣста. Стремясь удержать власть в своих рукаx, оно цѣпляется за нее со всей энергіей молодого правительства, котораго еще не успѣло коснуться старческое разложеніе. Оно готово противопоставить силу силѣ и, чтоб его свергнуть, надо снова взяться за оружіе, произвести новую революцію.—И все это для того, чтоб освободиться от тѣх, на кого было возложено столько надежд!

И вот, революція распалась! Потеряв столько времени на ожиданіе, она теперь будет тратить свои силы на распри между приверженцами новаго правительства и тѣми, которые сознали необходимость освободиться от него! И все это потому, что никто не хочет понять слѣдующей простой истины: новая жизнь требует новых форм, нельзя произвести революцію, цѣпляясь за старыя формы, революція и правительство несовмѣстимы, одно,—под каким бы видом оно ни было представлено,—всегда уничтожает другое; внѣ анархіи—нѣт революціи!

То же самое можно сказать о другой формѣ „революціоннаго правительства“ — революціонной диктатурѣ.

II.

Опасность, которой подвергается Революція, когда над ней господствует выборное правительство, так очевидна, что цѣлая школа революціонеров совершенно отказалась от этой идеи. Они понимают, что возставшій народ не может путем выборов провозгласить правительство, которое не являлось бы представителем прошлаго и не мѣшало народу совершить тот грандіозный, экономическій, политическій и нравственный переворот, который мы называем Соціальной Революціей. Они окончательно отказываются от мысли о „легальном“ правительствѣ, по крайней мѣрѣ на період возстанія против легальности, и провозглашают „революціонную диктатуру“.

Та партія,—говорят они,—которая свергнет правительство, захочет сама занять его мѣсто. Она захватит власть в свои руки и будет дѣйствовать революціонным путем. Она примет всѣ необходимыя мѣры, чтоб обезпечить успѣх возстанію, разрушит старые институты и организует защиту территоріи. Всѣм, кто не захочет признать ея власти, — гильотина; всѣм, будь они из народа или буржуазіи, которые откажутся подчиниться ея приказам, изданным с цѣлью регулировать ход революціи, — тоже гильотина!“ Вот как разсуждают будущіе Робеспьеры, которые из великой эпопеи прошлаго вѣка запомнили лишь період упадка и рѣчи прокуроров республики.

——o——

Мы, анархисты, произнесли окончательный приговор над диктатурой, как одного лица, так

и одной какой нибудь партіи, — в сущности говоря, это одно и то же. Мы знаем, что одно лицо или одна группа не могут дать должнаго направленія соціальной революціи. Мы знаем, что революція и правительство несовмѣстимы; что одно должно убить другое, какова бы ни была форма правленія: диктатура, королевство или парламент. Мы знаем, что сила нашей партіи заключается в слѣдующей основной формулѣ: — „Только свободная иниціатива народа может создать что либо цѣнное и прочное, а всякая власть стремится убить эту иниціативу“. Вот почему, если бы наши идеи не должны были пройти через горнило народа, чтоб быть осуществленными, если бы мы стали хозяевами того замысловатаго хитро-сплетенія, — правительства, — которое позволяет каждому дѣйствовать сообразно своей фантазіи, то лучшіе из нас через недѣлю стали бы достойны смертной казни. Мы знаем, что всякая диктатура, как бы честны ни были ея намѣренія, ведет к смерти революціи. Мы знаем, наконец, что идея диктатуры есть не что иное, как зловредный продукт правительственнаго фетишизма, который вмѣстѣ с религіозным фетишизмом всегда стремился увѣковѣчить рабство.

Но теперь мы обращаемся не к анархистам. Мы хотим поговорить с тѣми революціонерами, приверженцами правительства, которые заражены предразсудками, внушенными им воспитаніем, которые искренно заблуждаются и охотно выслушают наши доводы. Мы станем на их точку зрѣнія, и так будем говорить с ними.

——o——

Защитники диктатуры не замѣчают сами, что, поддерживая этот предразсудок, они подготовляют почву для торжества своих противников. Я бы посовѣтовал поклонникам Робеспьера твердо помнить слѣдующія его слова. Он в принципѣ признавал диктатуру. Но... — „Остерегайся больше всего диктатуры“ — рѣзко оборвал он Мандара, когда этот попробовал заговорить о ней. „Диктатором был бы Бриссо!“ Да, Бриссо, этот хитрый жирондист, ожесточенный противник народа к равенству, ярый защитник собственности (которую он сам когда-то называл воровством), Бриссо, который преспокойно заключил бы в тюрьму Марата и всѣх умѣренных якобинцев!

Но эти слова относятся к 1792 году! В эту эпоху Франція уже три года была об'ята революціей! Фактически королевской власти уже не существовало: оставалось только нанести ей послѣдній удар; феодальный режим был уже уничтожен. И не смотря на это, даже в ту эпоху, когда революція свободно и смѣло несла свои волны, все же контр-революціонер Бриссо имѣл всѣ шансы быть провозглашенным диктатором! А что было бы раньше, в 1789 году? Мирабо был бы призван стать во главѣ правительства! Мирабо, этот человѣк, который торговал своим краснорѣчіем, продавал его королю, — вот в чьи руки в ту эпоху перешла бы власть, если бы возставшій народ, опираясь на штыки, не провозгласил своего могущества и не воспользовался побѣдами Жакеріи, чтоб сдѣлать призрачной всякую власть, утвержденную в Парижѣ или в департаментах.

Но, правительственный предразсудок так ослѣпляет тѣх, которые думают о диктатурѣ, что они предпочитают подготовить диктатуру какого-нибудь новаго Бриссо или Наполеона, чѣм отказаться от мысли навязать новаго повелителя человѣчеству, разрывающему свои цѣпи.

——o——

Тайныя общества времен реставраціи и Людовика-Филиппа в значительной степени способствовали развитію принципа диктатуры и поддерживали этот предразсудок. Буржуа республиканцы той эпохи, опираясь на трудящіяся массы, составили цѣлый ряд заговоров, чтоб свергнуть королевскую власть и провозгласить республику. Не отдавая себѣ отчета в том, какое глубокое перерожденіе должно произойти во Франціи, даже для того, чтоб установился буржуазный республиканскій режим, они воображали, что путем одной только конспираціи они сумѣют свергнуть короля, захватить власть и провозгласить республику. В теченіе тридцати лѣт, эти тайныя общества работали с безграничным самоотверженіем, поразительной настойчивостью и геройством. Если республика была естественным слѣдствіем возстанія февраля 1848 года, то этим она обязана тайным обществам и их усердной пропагандѣ дѣйствіем в теченіе тридцати лѣт. Не будь их самоотверженной работы республика была бы не мыслима и до сих пор.

Они думали захватить власть и утвердиться, как республиканская диктатура. Но, как и слѣдовало ожидать, это им не удалось. Как всегда, в силу самой необходимости вещей, королевская власть была свергнута не путем заговоров. Конспираторы только подготовили ея паденіе. Они широко распространили в массах идею республики, и, благодаря их героям и мученикам, она стала идеалом народа. Но послѣдній натиск, рѣшительный удар, который положил конец власти короля буржуазіи, был

слишком силен, чтоб быть дѣлом тайных обществ: это был натиск всего народа.

Мы знаем, каковы были результаты. Партія, которая подготовила паденіе королевской власти — она не была допущена даже на порог Городской Думы. Люди, слишком осторожные, чтоб подвергаться опасностям конспираціи, но болѣе извѣстные, болѣе умѣренные, выжидающіе удобнаго момента для захвата власти, заняли тѣ мѣста, которыя конспираторы завоевали под гром пушек. Публицисты, адвокаты, краснобаи, которые работали надъ созданіем себѣ имени, в то время, как настоящіе республиканцы ковали оружіе или томились в каторгѣ, захватили власть. Одни из них, самые извѣстные, были призваны к власти разными бездѣльниками; другіе навязывались сами, и были приняты только потому, что их имя ничего не говорило толпѣ, или, вѣрнѣе, давало программу, приспособленную ко всѣм вкусам.

Пусть не говорят нам, что это были промахи, недостаток практическаго ума со стороны дѣйствующей партіи; что другія сдѣлают лучше. Нѣт, тысячу раз нѣт! Дѣйствующая партія остается за бортом, а интриганы и краснобаи захватывают в свои руки власть — это такой же непреложный закон, как законы движенія свѣтил. Эти говоруны болѣе популярны в той массѣ, которая произвела послѣдній натиск. Они получат наибольшее число голосов; их будут привѣтствовать всѣ, а главным образом, враги революціи, которым выгодно выдвинуть ничтожностей; в правители попадут противники движенія или же люди вполнѣ безразличные.

Человѣк, который был самим воплощеніем конспиративной системы, человѣк, который всю жизнь провел в тюрьмѣ из за преданности этой системѣ, наканунѣ смерти бросил міру слѣдующія слова, представляющія собой цѣлую программу: ни Бога, ни Учителя!

III.

Главная ошибка всѣх революціонных организацій, народившихся в нѣдрах республиканской буржуазіи с 1820 года, состоит в слѣдующем: онѣ думают что правительство может быть низвергнуто тайными обществами и что эти общества могут занять его мѣсто. Всѣ послѣдующіе факты способствовали выясненію этой ошибки. Какое самоотверженіе, сколько настойчивости, сколько самоотреченія проявляли тайныя республиканскія общества молодой Италіи, какая гигантская работа, сколько жертв, жертв перед которыми блѣднѣют подвиги русской революціонной молодежи, сколько борцов похороненных в казематах австрійских крѣпостей, погибших от ножа и пуль палачей!—И все это досталось в наслѣдіе разным пролазам из буржуазіи и приближенным короля.

То же самое в Россіи. Вряд ли найдется в исторіи тайная организація, которая, располагая столь незначительными средствами, достигла бы таких громадных результатов, как Исполнительный Комитет, проявившій столько энергіи и силы. И все же, было бы наивно думать, что Исполнительный Комитет станет когда-нибудь во главѣ правленія.

Люди осторожные, создававшіе себѣ имя в то время, как революціонеры изнемогали в рудниках и погибали в Сибири,—интриганы, краснобаи, адвокаты и литераторы, которые проливали слезы над свѣжей могилой героев и об'являли себя друзьями народа,—вот кто займет вакантное мѣсто правительства и грубо крикнет: Назад! тѣм „незнакомцам“, которые подготовили революцію.

Это неизбѣжно, это не может быть иначе. Не тайныя общества и даже не революціонныя организаціи наносят правительствам рѣшительный удар. Их функція, их историческая миссія состоит в том, чтоб подготовить умы к революціи. Когда же их идеи достаточно распространены, — внѣшнія обстоятельства помогают, — послѣдній натиск производится не группой инициаторов, а массами, находящимися внѣ всякой организаціи. 31 августа Париж был глух ко всѣм призывам Бланки. Четыре дня спустя, он провозгласил паденіе правительства; но уже не Бланкисты были инициаторами этого движенія, а сам народ. Правительство пало, и толпа привѣтствовала крикунов, имена которых непрерывно жужжали в ея ушах в теченіе двух послѣдних лѣт. Когда революція готова разразиться и в воздухѣ чувствуется напряженіе, когда успѣх почти обезпечен, тысячи новых людей, на которых тайныя организаціи не имѣли непосредственнаго вліянія, присоединяются к движенію, присасываются к нему подобно воронам, слетѣвшимся на поле брани дѣлить добычу. Они наносят послѣдній удар и сейчас же начинают искать себѣ новых правителей не среди конспираторов, честных и непримиримых, а среди людей без убѣжденій, среди флюгеров. О том, что можно обойтись без правителей, они и не думают.

Конспираторы, поддерживая предразсудки о диктатурѣ, безсознательно работают над тѣм, чтоб власть перешла в руки их противников.

Но, если все что мы говорили, справедливо по отношенію к революціям, или вѣрнѣе возстаніям политическим,—то это тѣм болѣе справедливо для революціи, о которой мы мечтаем, —Революціи Соціальной. Позволить утвердиться какому бы то ни было правительству, власти сильной и способной заставить подчиняться себѣ—преградить путь революціи с самых ея первых шагов. Польза, приносимая этим правительством, сводится к нулю, вред же его—неизмѣрим.

На самом дѣлѣ, что понимаем мы под этой Революціей?—Это уже не перемѣна правителей. Это захват народом всѣх общественных богатств. Это уничтоженіе всякой власти,—власти, которая непрерывно препятствовала развитію человѣчества. Но может ли эта грандіозная экономическая революція быть совершена декретами, исходящими от правительства? Мы знаем, что польскій революціонный диктатор, Костюшко, еще в прошлом вѣкѣ декретировал уничтоженіе личнаго рабства,—рабство существовало послѣ того еще восемьдесят лѣт. Мы знаем, что Конвент, всемогущій Конвент, грозный Конвент, как говорили его поклонники,—декретировал поголовный раздѣл всѣх общественных земель, отобранных у сеньоров. Этот декрет, подобно многим другим, остался мертвой буквой, так как для приведенія его в исполненіе деревенскій пролетаріат должен был бы произвести новую революцію — революціи не производятся декретами. Чтоб народ завладѣл всѣми общественными богатствами, он должен себя чувствовать вполнѣ свободным, должен свергнуть рабство, к которому он уж слишком привык, должен дѣйствовать по своей собственной инициативѣ и смѣло итти вперед, не дожидаясь никаких приказаній. Всему этому будет препятствовать диктатура, как бы честны ни были ея намѣренія; сама же она не способна двинуть ни на шаг дѣло революціи.

Но если правительство,—будь оно даже идеалом революціоннаго правительства,—не способно создать новой силы, не способно содѣйствовать работѣ разрушенія, то тѣм болѣе мы не должны разсчитывать на него при работѣ созиданія. Экономическій переворот—этот результат Соціальной Революціи—будет так велик и глубок, и так измѣнит всѣ взаимоотношенія, основанныя теперь на собственности и обмѣнѣ,—что одному или нѣскольким индивидуумам будет невозможно выработать тѣ соціальныя формы, которыя должны народиться в обществѣ будущаго. Только коллективный труд всего народа может выработать эти новыя соціальныя формы, только гибкость коллективной мысли цѣлой страны может удовлетворить безконечному разнообразію условій и потребностей, которыя народятся в день паденія частной собственности. Всякая внѣшняя власть будет лишь препятствіем, помѣхой органической работѣ; она явится источником вражды и раздора.

Но давно пора распроститься с мыслью о революціонном правительствѣ, пора покинуть эту мечту, неоднократно обманувшую нас. Пора понять политическую аксіому, что правительство не может быть революціонным. Нам говорят о Конвентѣ; но не надо забывать, что тѣ мѣры, принятыя Конвентом, которыя носили хоть сколько-нибудь революціонный характер, были только санкціей фактов, уже совершенных народом, не считавшимся в то время ни с каким правительством. Конвент, подобно всѣм предшествующим и послѣдующим правительствам, был исключительно препятствіем для созидательной работы народа.

Факты, которые дает нам исторія, так убѣдительны; безмысленность революціоннаго правительства, безполезность всего того, что называют этим именем, так очевидны, что, казалось бы, невозможно об'яснить, почему извѣстная школа, именующая себя соціалистической, с такой яростью защищает идею революціоннаго правительства. Но, в сущности говоря, это вполнѣ понятно. Дѣло в том, что послѣдователи этой школы, сколько бы они ни называли себя соціалистами, совершенно иначе смотрят на будущую революцію. Для них,—как для всѣх радикалов буржуа,—Соціальная Революція дѣло далекаго будущаго, и об ея осуществленіи сейчас не может быть и рѣчи. Они мечтают, не смѣя впрочем признаться в этом, об установленіи правительства, подобнаго правительствам Швейцаріи или Соединенным Штатам, которыя стремятся присвоить Государству все то, что они называют „поблик сойрвисес“. **Это нѣчто среднее между идеалом Бисмарка и идеалом портного, который мечтает получить мѣсто президента в Соединенных Штатах.** Это компромисс между соціалистическими стремленіями масс и аппетитами буржуазіи. Эти „соціалисты“ хотѣли бы, конечно, полной экспропріаціи, но они не смѣют приступить к ней, откладывают ее на будущій вѣк и задолго до начала битвы вступают в переговоры с врагами.

Для нас же ясно, что момент нанести смертельный удар буржуазіи настал, что недалеко то время, когда народ завладѣет всѣми общественными богатствами и доведет до полнаго безсилія класс эксплуататоров. И потому, мы без колебаній **ринемся** в Соціальную Революцію и, так как всякое правительство, каким бы именем оно себя ни называло, будет служить нам помѣхой, мы сметем с нашего пути всѣх честолюбцев, которые вздумают распоряжаться судьбой народа.

Двѣ диктатуры

НОВОМІРСКАГО

Соціальдемократія считает необходимым условіем соціальной ревлюціи захват власти. Но как захватить власть в современном обществѣ? В этом отношеніи соціаль-демократія пережила серьезную эволюцію. В началѣ в пору своей юности, когда ея вожаки еще не были „государственными мужами“, она видѣла только одно средство—вооруженное возстаніе. „Манифест Коммунистической Партіи“ прямо говорит о необходимости „насильственнаго ниспроверженія всего существующаго строя“. В 60-х и 70-х годах даже в средѣ германской соціаль-демократіи презрѣніе к мирному парламентаризму было широко распространено. Теоретическим выразителем тогдашняго антипарламентаризма был сам „солдат революціи“ Вильгельм Либкнехт. Его брошюра*) до сих пор является прекрасным оружіем в руках врагов троицы—парламентаризма, легализма и оппортюнизма. Во Франціи враждебное отношеніе к парламенту было очень сильно еще в 90-х годах. В это время французскіе ортодоксы, гедисты, далеки были от теперешней вѣры в „революцію посредством избирательнаго листка“ и проповѣдывали всеобщую стачку и возстаніе.

Каковы бы ни были причины, заставившія измѣнить взгляд на парламент, несомнѣнно только одно: теперь международная соціаль-демократія стала партіей парламентарной и, стало быть, легальной и оппортюнистической по необходимости. Теперь, как мы видѣли выше из многих цитат, орудіем соціальной революціи считается парламент, совершить соціальную революцію значит овладѣть большинством в парламентѣ. Но кто хочет совершить революцію посредством законов, должен уважать существующіе законы. Отсюда, ясно, что признаніе парламентскаго захвата власти необходимо ведет к признанію существующаго строя законным, пока законная власть не перейдет законным образом в руки соціальдемократіи. Это есть отказ от революціи, который превратил соціал-демократію фактически в партію, стоящую на почвѣ буржуазнаго міра, в партію буржуазную, как бы часто соціаль-демократы ни склоняли слово „революція“. Вожди соціаль демократіи это прекрасно понимают и часто достаточно честны, чтобы это откровенно выставить. Бебель никогда почти не упускает случая живо протестовать против тяжкаго обвиненія в „революціонности“. В своей Ганноверской рѣчи против Бернштейна он говорит с обычным самодовольством: „Если сторонники буржуазнаго общества так глупы, что думают, будто мы желали бы произвести насильственную революцію и пробить своими черепами стѣну, то мы, право, неотвѣтственны за их глупость“*). В другом мѣстѣ он говорит: „Нелѣпо думать, что соціаль-демократы желают силой измѣнить современное положеніе вещей; они желают понятно, насколько это от них зависит, лишь мирнаго развитія. Экономическія отношенія невозможно измѣнить насильственно“ **).

Кауцкій с своей стороны, не жалѣет крѣпких слов по адресу тѣх, кто полагает, что буржуазія не откажется добровольно от своих привиллегій, и потому насильственную революцію считают необходимой. Странна при этом терминологія его. Насильственную революцію он называет „революцію в полицейском смыслѣ слова“, а „революцію“ посредством законнаго овладѣнія парламентским большинством он называет „революцієй в настоящем научном смыслѣ“***). Почему насильственная революція попала в немилость у политиканов, заигрывающих с высшими „сферами“ и соперничающих с г. Бюловым в пониманіи „истинно государственных интересов“ и „истиннаго патріотизма“—вполнѣ понятно. Не понятно только, по чему революція с разрѣшенія полиціи не называется ея настоящим именем—полицейской, а титулуется почему-то „научной“. Неужели научно только то, что разрѣшено полиціей? Неужели наука и полиція синонимы? Преклоненіе пред законностью и мирностью было еще характерной чертой Лассаля. Потом Энгельс пришел к выводу, что на „законности“ соціал-демократы „нагуливают себѣ красные щеки“. В резолюціи против анархистов, вынесенной на съѣздѣ германской соціаіль-демократіи в Сен-Галенѣ в 1887 году, мы читаем: „Тактика единоличнаго примѣненія насилія не ведет к цѣли и, ослабляя в массах чувство законности*), является положительно вредной, а потому и предосудительной“. С тѣх пор воспѣвать законность вошло в обыкновеніе. В настоящее время соціал-демократія понимает захват власти в смыслѣ законнаго захвата парламентскаго большинства, под диктатурой пролетаріата она понимает парламентскую диктатуру.

Мы отвергли теорію захвата власти вообще. Тѣм болѣе понятно наше отрицательное отношеніе к мирному, легальному захвату парламента. Если теорія революціоннаго захвата власти нам кажется утопической, потому что ставит себѣ утопическую задачу—произвести переворот во всѣх общественных отношеніях при помощи декретов и полиціи, то проповѣдь легадности и „воспитаніе чувства законности“ нам представляется уже открытой измѣной рабочему классу. У нас нѣт достаточно сильных слов, чтобы заклеймить этот постыдный подмѣн революціоннаго возстанія народа безобидно - мѣщанской подачей избирательнаго билетика. Да, мы давно об’явили себя неутомимыми врагами парламентской диктатуры главарей одураченнаго пролетаріата. Значит ли это, что мы против „диктатуры пролетаріата“ вообще?

Раньше, чѣм отвѣтить на этот вопрос, нам нужно об’яснится. Почему мы против соціаль-демократической „диктатуры“? Потому-ли, что мы против насильственнаго давленія пролетаріата на реакціонные классы? Это идеологія поповскаго „непротивленія злу“, а не идеи революціоннаго анархизма. Революціонные анархисты тѣм и отличаются от соціаль-демократических миротворцев и соглашателей, что всегда без обиняков твердили рабочему народу, что нечего надѣяться на миролюбіе или „здравый смысл“ буржуазіи при рѣшеніи рабочаго вопроса, что нужно будет неизбѣжно прибѣгнуть к вершителю всѣх судеб, к послѣднему дѣйствительному судьѣ в гражданской войнѣ—к насилію. Мы, стало быть, против парламентской диктатуры не потому, что она предполагает насиліе, а потому, что она безполезна, ибо невозможно произвести соціальную революцію посредством декретов; вредна, ибо лишает рабочих инціативы. Если всякую теорію насильственнаго переворота в общественных отношеніях называть диктатурой, то мы самые страстные защитники диктатуры, но не кучки депутатов, а широких масс пролетаріата, и не в парламентах, а на улицѣ. Мы единственные, послѣдовательные защитники дѣйствительной, а не фиктивной диктатуры.

Как же представляется нам дѣло? Первым необходимым условіем „диктатуры“ пролетаріата является всеобщая стачка. Соціаль-демократы сдѣлали все мыслимое, чтобы затуманить этот поразительно-ясный вопрос и нам волей-неволей приходится остановиться на нем. На международном соціалистическом конгрессѣ в Цюрихѣ в 1893 году была вынесена резолюція, которая до послѣдняго времени выражала общепринятое мнѣніе в соціаль-демократических кругах. Вот что гласит эта резолюція. „Полагая, что успѣшное веденіе стачек возможно только при особых обстоятельствах и с особой цѣлью, которыя не могут быть опредѣлены заранѣе; что всемірная стачка неудобоисполнима по причинѣ весьма различной степени экономическаго развитія разных стран, но лишь только она станет возможной, как исчезнет в ней надобность; полагая сверх того, что всеобщая стачка даже в предѣлах одной страны может дать благотворные результаты лишь в том случаѣ, если она ведется мирно, потому что первыми страдать от голода будут стачечники, а это должно их принудить к сдачѣ, и потому, что стачка, сопровождаемая насиліями будет безжалостно раздавлена за это правящими классами.

Конгресс об’являет:

При современных политических и общественных условіях всеобщая стачка может быть проведена с успѣхом самое большее в отдѣльной отрасли промышленности; массовыя стачки, правда, при извѣстных условіях, могут оказаться очень сильным орудіем не только в экономической борьбѣ, но и в борьбѣ политической. Впрочем, для цѣлесообразности пользованія этим орудіем требуется могучая синдикальная и политическая организація рабочаго класса. Поэтому конгресс рекомендует соціалистическим партіям всѣх стран энергично работать над созданіем такой организаціи и от вопроса о всемірных стачках переходит к порядку дня“. Эта резолюція является в своем родѣ классической,—ибо сконцентрировала в себѣ рѣшительно всѣ доводы против всеобщей стачки, так что слѣдующіе конгрессы только ссылались на нее. Мы должны поэтому удѣлить ей нѣсколько наше вниманіе. Будем разсматривать ее по порядку, с самаго начала

...„Успѣшное веденіе стачек возможно только при особых обстоятельствах и с особой цѣлью“. Несомнѣнная, святая истина! Мы охотно принимаем это положеніе без всяких возраженій. Но я понять только не могу, ка-

*) „Тактика соціаль-демократіи, как политической партіи“.

*)Изданіе „Буревѣстник“. 1905. стр. 49.

**) Бебель „Грѣхи центра“. Изд. Козмана, 1905. стр. 8.

***) „Нѣт больше соціаль-демократіи“.

*)Ослабляет чувство законности! Da liegt der Hund begraben.

кое отношеніе имѣет эта мысль к отрицанію всеобщей стачки? Не только успѣшныя стачки, но и вообще всякое успѣшное человѣческое дѣйствіе мыслимо „только при особых обстоятельствах и с особой цѣлью“. Я скажу еще больше: не только успѣшныя дѣйствія, но и всякія дѣйствія вообще возможны не иначе, как при опредѣленных условіях. Что же такое эта мудрая фраза, как не переливаніе из пустого в порожнее?

„Всемірная“ стачка неудобоисполнима по причинѣ весьма различной степени экономическаго развитія разных стран“. Раньше всего, нужно отмѣтить, что анархисты никогда не думали втянуть в стачку, эскимосов, индійцев, самоѣдов, чукчей и прочіе народы той же ступени развитія. Даже азіатскіе и африканскіе народы не входят в наши разсчеты. Мы думаем посредством всеобщей стачки приступить к уничтоженію буржуазнаго господства и уж по этой простой причинѣ мы не можем мечтать о всемірной стачкѣ, потому что не вездѣ имѣются необходимые элементы—буржуазія и пролетаріат. Наша всеобщая стачка относится только к странам капиталистическим. А в этих странах, как показал опыт, который выше доктринерских фраз политиканов, „весьма различная степень экономическаго развитія“ не является препятствіем всеобщей стачкѣ. Испанія, Италія, Франція, Бельгія, Голландія, Швеція, Швейцарія, Россія—страны, сильно отличающіяся в промышленном развитіи, а всѣ были ареной болѣе или менѣе грандіозных всеобщих стачек. В нѣкоторых странах эти стачки были бы еще грандіознѣй, если бы трусливые „вожди“ пролетаріата не вступили в постыдный союз с бужуазіей и не били бы отбоя как раз в тот момент, когда стачка грозила принять революціонный характер, как напримѣр, в Бельгіи и Голландіи *). Возможность всеобщей стачки опредѣляется не количеством крупных фабрик и заводов, а революціонным настроеніем работников. Этим об'ясняется что страны, менѣе развитыя в промышленном отношеніи, могут быть болѣе подготовлены ко всеобщим стачкам, чѣм болѣе передовыя промышленныя страны, если пролетаріат не успѣл еще проникнуться развращающей любовью к законности и холопской вѣрой в благодѣтельность солдатской дисциплины и гдѣ он вѣрит еще в свои собственныя силы. Зависимость всеобщей стачки именно от революціонности рабочих видно, между прочим, из того, что всеобщія стачки особенно распространились в тѣх странах, гдѣ укрѣпился анархизм—в Испаніи, Италіи, Франціи и Голландіи. Знаменитая всеобщая стачка в 1886 году в Чикаго велась под непосредственным руководством анархистов. Именно потому, что анархисты практиковали и проповѣдывали всеобщую стачку, соціальдемократы долго отказывались пользоваться даже в своих интересах этим драгоцѣнным оружіем. Боязнь уступить анархистам, а не различіе в экономическом развитіи различных стран, является дѣйствительным мотивом „неудобоисполнимости“ всеобщих стачек *).

...„Лишь только она станет возможной, как исчезнет в ней надобность“. Это самый милый довод, поистинѣ, достойный діалектов. В основѣ его, очевидно лежит слѣдующее разсужденіе. Всеобщая стачка возможна только тогда, когда рабочіе станут сознательными. Зачѣм же им тогда пытаться „пробить своими черепами стѣну“, как выразился Бебель? Не лучше-ли, вмѣсто того, чтобы во время стачки рисковать головами, послать в парламент соціаль-демократическое большинство голосов, которое быстрѣе и лучше, а главное безопаснѣе рѣшит все дѣло? Критиковать этот вздор послѣ того что уже было сказано раньше, совершенно излишне. Думать что избирательная бумажка может сдѣлать „излишней“ всеобщую стачку значит потерять всякое реальное представленіе о борьбѣ классов и в войнѣ, в гражданской войнѣ Труда с Капиталом вооружать рабочих картонными мечами.

„Всеобщая стачка даже в предѣлах одной страны может дать благотворные результаты лишь в том случаѣ если она ведется мирно, потому что стачка, сопровождаемая насиліями, будет безжалостно раздавлена за это правящими классами“. Русская революція дала блестящее опроверженіе этого убѣжденія миротворцев. Ноябрьская стачка, которая сопровождалась насиліями, дала блестящіе результаты, а декабрьская стачка провалилась именно потому, что она во многих мѣстах прошла слишком мирно. Всеобщая стачка есть открытая гражданская война, а во всякой войнѣ побѣждает не болѣе мирный и болѣе корректный, а болѣе воинственный, болѣе дерзкій. Нападающій всегда имѣет преимущество перед обороняющимся, хотя бы уже тѣм, что от него зависит время и мѣсто битвы,—условія громадной важности в войнѣ. Мы с увѣренностью говорим, что всеобщія стачки тѣм болѣе успѣшными будут, чѣм менѣе онѣ будут мирными манифестаціями. Всеобщія стачки никоим образом не должны заставить стачечников „первыми страдать от голода“ и „принудить их к сдачѣ“. Экспропріація продуктов должна непремѣнно сопровождать их. Нѣт той силы на землѣ, которая могла бы помѣшать это сдѣлать бастующему городу. Полиція помѣшает экспропріаціи в одном мѣстѣ, послѣдняя состоится в другом, в тысячѣ других мѣст. Каждое удачное нападеніе на собственность подымет увѣренность и дерзость стачечников и весь бастующій класс вступит в генеральное сраженіе с государственной властью. Это сраженіе может быть проиграно, но оно непремѣнно будет выиграно, когда рабочіе поймут, что единственная надежда их только в полной, рѣшительной побѣдѣ над врагом в открытой, вооруженной борьбѣ. Конца резолюціи я не стану критиковать, так как самый наивный читатель видит, в каком вопіющем противорѣчіи она находится с началом и логикой. Глупость и ничтожество доводов против возможности всеобщей стачки доказали особенно русскія событія послѣдних лѣт. Россія показала, что всеобщія стачки могут принять грандіозные размѣры и без фантастически могучей синдикальной и политической организаціи рабочаго класса. Нужно только поменьше постепеновщины и „чувства законности“ и побольше здраваго революціоннаго смысла, который сильно развит в русских рабочих долгой революціонной борьбой с правительством и капиталом.

Но достаточно ли всеобщей стачки для соціальной революціи? Нѣт! Мы сказали уже выше, что всеобщая остановка есть только предварительное условіе „диктатуры“ пролетаріата. Всеобщая стачка сильно ослабляет правительственный механизм и подымает революціонный дух рабочих. Это два очень важных условія, которыя подготовляют неизбѣжное нападеніе на государственную власть и уничтоженіе ея. С этого момента и начинается диктатура пролетаріата. Вооруженные отряды повстанцев истребляют возможно полнѣе всѣх врагов рабочаго класса, огнем и мечем уничтожают всѣ реакціонные элементы; они дают возможность самим рабочим организаціям приступить к организаціи производства и обмѣна на новых началах—равенства и братства. Эти же военные отряды не только терроризуют и истребляют реакціонные и хулиганскіе элементы, но стараются расширить революцію до крайних возможных предѣлов. С этой цѣлью они идут в другіе города и деревни, чтобы помочь народу вездѣ стряхнуть вѣковое иго Капитала, Государства и Церкви.

Так понимаем мы „диктатуру“. Она существенно отличается от соціаль-демократической диктатуры. Во-первых, носителем нашей „диктатуры“ является не жалкая группа болтунов, облеченных законодательной властью, а сам передовой слой революціоннаго пролетаріата. Этим мы избегнем великой ошибки Парижской Коммуны 71 года, которая погибла не столько от пуль версальских разбойников, сколько утонула в своей собственной бездонной и безполезной болтовнѣ. Во-вторых, наша диктатура носит ярко разрушительный характер; ея задача—возможно скорѣе и полнѣе уничтожить всѣ остатки рабства и открыть рабочему классу возможность постепенно построить свою общественную жизнь согласно принципам братства и справедливости. В-третьих, наша диктатура представляет собою дѣйствительную силу, стало быть, не фиктивную, а реальную диктатуру, которая посмѣет и сможет наложить свою руку на всѣ святыни стараго міра. Мы не только не должны будем почтительно отступить перед частной собственностью, как это сдѣлали парижскіе коммунары, но и не постѣснимся уничтожить тюрьмы, участки, казармы наравнѣ с церквами: бог такой же заклятый враг свободы и радостей жизни, как жандарм или капиталист.

Такова наша „диктатура“ в общих чертах, о частностях тут говорить неумѣстно.

*) С каким безстыдством ведет себя Германская соціаль-демократія по отношенію ко всеобщей стачкѣ, показывает знаменитый инцидент с тайным совѣщаніем по этому поводу в февралѣ 1906 г. вскорѣ послѣ Іенскаго партейтага. Хоть нѣкоторое представленіе об этом позорном инцидентѣ, в котором обнаруживается вся лицемѣрная лживость политиканов, можно получить из брошюры, изданной книгоиздательством „Интернаціонал“ под заглавіем „Мангеймскій партейтаг Германской соціаль-демократіи. Доклады и пренія о массовой стачкѣ. Предисловіе П. Орловскаго“. С.-Петербург 1907 г.

*) Даже перенимая у нас это тактическое оружіе эти господа никогда не упускают случая отмѣтить, что их (?) всеобщая стачка ничего общаго не имѣет с анархической. Джентльмены! Кому вы замазываете глаза этими словами? Мы и так хорошо знаем, что цѣль ваших всеобщих стачек совсѣм иная: на то вы и мелкобуржуазные демократы, чтобы все свести к избирательной урнѣ. Но развѣ сама всеобщая стачка перестает от этого быть всеобщим прекращеніем работ? А вѣдь именно это вы до послѣдняго времени считали не только невозможным, но и гибельным для пролетаріата.

Идеалы и дѣйствительность в русской литературѣ

П. КРОПОТКИНА.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНІЕ: РУССКІЙ ЯЗЫК.

Одним из послѣдних завѣтов, с которым умирающій Тургенев обратился к русским писателям, была его просьба, — хранить чистоту нашего драгоцѣннаго наслѣдія — русскаго языка. Тургенев, знавшій в совершенствѣ большинство западно-европейских языков, имѣл самое высокое мнѣніе о русском языкѣ, как орудіи для выраженія всевозможных оттѣнков мысли и чувства, и в своих произведеніях он показал, какой глубины и силы выраженія, и какой мелодичности прозы, можно достигнуть, владѣя русским языком. В его высокой оцѣнкѣ русскаго языка, Тургенев, как читатели увидят из настоящих страниц, был совершенно прав. Словесное богатство русскаго языка поразительно: тогда как в языках Западной Европы часто имѣется одно только слово для выраженія извѣстнаго понятія, — в русском языкѣ имѣются два, три или четыре слова для выраженія различных оттѣнков того же понятія. Русскій язык особенно богат в выраженіи различных оттѣнков чувств — нѣжности и любви, скорби и веселья, а также различных степеней того же самаго дѣйствія. Его гибкость особенно сказывается в переводах, и ни одна литература не может похвалиться таким количеством превосходных, точных и истинно-поэтических переводов иностранных авторов, каким обладает наша литература. Поэты самых разнообразных характеров, — Гейне и Беранже, Шелли и Гете, не говоря уже о любимицѣ русских переводчиков, Шекспирѣ, одинаково хорошо переведены на русскій язык. Сарказм Вольтера, заразительный юмор Диккенса и добродушный смѣх Сервантеса — с одинаковой легкостью находят себѣ выраженіе в русском языкѣ. Болѣе того, вслѣдствіе своего музыкальнаго характера, русскій зяык чрезвычайно удобен в поэзіи, для передачи мельчайших метрических особенностей оригинала. „Гайавата“ Лонгфелло (в двух различных, превосходных, переводах), капризная лирика Гейне, баллады Шиллера, мелодическія народныя пѣсни различных національностей и игривыя шансонетки Беранже — переведены на русскій язык, с точнѣйшим соблюденіем ритма оригиналов. Головоломная смутность германской метафизики передается по-русски с такой же легкостью, как и точный изящный стиль философов XVIII-го столѣтія; краткія, конкретныя, выразительныя и вмѣстѣ с тѣм изящныя выраженія лучших англійских питателей — не представляют никакого затрудненія для русскаго переводчика.

Вмѣстѣ с чешским и польским, сербским и болгарским, а также нѣсколькими другими нарѣчіями, русскій язык принадлежит к великой славянской семьѣ языков, которая, в свою очередь,—вмѣстѣ с скандинаво-саксонской и латинской семьями, а также с языками литовским, персидским, армянским и грузинским,—принадлежит к великой Индо-Европейской или Арійской вѣтви. С теченіем времени,—мы надѣемся вскорѣ, и чѣм скорѣе, тѣм лучше,—сокровища народной поэзіи южных славян и новыя литературы поляков и чехов сдѣлаются доступными для западно-европейских читателей. Но в настоящем трудѣ я коснусь литературы одной лишь вѣтви великой славянской семьи, а именно, русской, или восточной вѣтви; и даже при этом ограниченіи я принужден буду умолчать о южно-русской или украинской литературѣ, и о бѣлорусской или западно-русской народной литературѣ и пѣснях. Я буду говорить лишь о литературѣ великороссов или, проще, о русской литературѣ. Из всѣх славянских языков, великорусскій пользуется наиболѣе широким распространеніем. Это — язык Пушкина и Лермонтова, Тургенева и Толстого.

Подобно всѣм другим языкам, русскій воспринял в себя много иностранных слов: скандинавских, турецких, монгольских, а позднѣе—греческих и латинских. Но, несмотря на ассимиляцію многих племен урало-алтайскаго или туранскаго корня, которая была удѣлом русскаго народа в продолженіе многих вѣков, его язык сохранился в замѣчательной чистотѣ. Приходится только удивляться, что перевод Библіи, сдѣланный в IX ст., на язык, которым тогда говорили в Болгаріи и Македоніи, до сих пор в общем понятен даже русскому простолюдину. Грамматическія формы и конструкція фраз этого перевода совершенно различны от теперешних; но корни слов и даже значительное количество слов — тѣ же, которые были в употребленіи тысячу лѣт тому назад.

Должно, впрочем, сказать, что даже в этот ранній період язык русских славян достиг уже высокой степени совершенства. Очень немногія слова евангельскаго текста сохранены по-гречески, при чем это обыкновенно названія предметов, неизвѣстных южным славянам; но в то же время ни одно из отвлеченных понятій и ни один из поэтических образов оригинала не подвергались искаженію, и переводчики нашли для них надлежащія выраженія. Многія выраженія перевода отличаются поразительной красотой и сохранили эту красоту до настоящаго времени. Каждому памятны, напримѣр, затрудненія, которыя испытывал ученый доктор Фауст, в безсмертной трагедіи Гете, при переводѣ фразы: „В началѣ бѣ слово“. „Слово“—Дас Ворт—в современном германском языкѣ показалось доктору Фаусту черезчур низменным для выраженія идеи: „Бог был Слово“. Но „Слово“, в старо-славянском переводѣ, помимо своего коренного значенія, заключало гораздо болѣе глубокій смысл, чѣм нѣмецкое „Дас Ворт“. Оно отчасти сохранило его и до настоящаго времени; в старо-славянском же языкѣ, в понятіе „Слово“ включалось также понятіе о „Разумѣ“,—нѣмецкій „Вернунфт“, и вслѣдствіе этого оно давало читателю идею достаточно глубокую, чтобы во второй части евангельскаго стиха не чувствовалось противорѣчія.

Я глубоко сожалѣю, что не могу дать англійским читателям понятія о красотѣ и строеніи русскаго языка, который был в употребленіи в началѣ одиннадцатаго вѣка на сѣверѣ Россіи, и образчик котораго сохранился в проповѣди новгородскаго епископа (1035 г.) Короткія предложенія этой проповѣди, расчитанныя на пониманіе их новообращенною паствою поистинѣ прекрасны; в то же время христіанское міровоззрѣніе епископа, вполнѣ свободное от византійскаго гностицизма, очень характерно, как образчик того, как понималось христіанство, и до сих пор понимается, массой русскаго народа.

В настоящее время русскій язык (великорусскій) в замѣчательной степени свободен от провинціальных поднарѣчій (патойс). Малорусскій или украинскій, являющійся языком почти пятнадцати-милліоннаго народа и обладающій собственной литературой (как народной, так и литературой в собственном смыслѣ этого слова), несомнѣнно представляет отдѣльный язык, в той же степени, как норвежскій или датскій отдѣльны от шведскаго, или португальскій и каталонскій отдѣльны от кастильскаго или испанскаго. Бѣлорусскій, которым говорят в нѣкоторых губерніях Западной Россіи, также необходимо разсматривать, как отдѣльную вѣтвь русскаго языка, а не как мѣстное нарѣчіе. Что же касается великорусскаго, или русскаго, то им говорит компактная масса почти 80.000.000 населенія в сѣверной, центральной, восточной и южной Россіи, а также на Сѣверном Кавказѣ и в Сибири. Произношеніе слегка разнится в различных частях этой огромной территоріи; но все же литературный язык Пушкина, Гоголя, Тургенева и Толстого понятен всей этой огромной массѣ народа. Русскіе классики расходятся по деревням в милліоннах экземплярах и когда, нѣсколько лѣт тому назад, истекли права издателей на сочиненія Пушкина (50 лѣт спустя послѣ его смерти), полныя изданія его сочиненій—нѣкоторыя из них в 10 томах—были распроданы в сотнях тысяч экземпляров по невѣроятно низким цѣнам; в то же время отдѣльныя изданія его поэм, сказок и т. д. продаются теперь сотнями тысяч, по копейкѣ и по 3 копейки за экземпляр, разносимыя по деревням коробейниками. Даже полныя изданія сочиненія Гоголя, Тургенева и Гончарова в 12-ти томных изданіях, иногда расходились, в видѣ приложенія к „Нивѣ“, в количествѣ 200.000 экземпляров в теченіе одного года. Преимущества подобнаго интеллектуальнаго единства націи вполнѣ очевидны.

Ранняя народная литература: Сказки.—Пѣсни. Былины.

Ранняя народная русская литература, которая лишь от части хранится в памяти крестьянскаго населенія, отличается поразительным богатством и полна глубокаго интереса. Ни одна западно-европейская нація не обладает таким поразительным богатством народнаго творчества, в формѣ преданій, сказок и лирических народных пѣсен,—при чем нѣкоторыя из них отличаются необыкновенной красотой—и таким богатым циклом эпическсих пѣсен, относящихся к сѣдой древности. Конечно, всѣ европейскія націи когда-то обладали такими же богатствами народной литературы; но значительная часть их богатства была утрачена ранѣе, чѣм научные изслѣдователи поняли их цѣнность и начали собирать их. В Россіи эта драгоцѣнность осталась сохраненной в отдаленных, незатронутых еще цивилизаціей, деревушках, особенно в области, расположенной вокруг Онежскаго озера; и когда фольклористы, в концѣ 18-го и в 19-ом вѣкѣ обратили на нее вниманіе, они застали еще в сѣверной Россіи и в Малороссіи сказителей и пѣвцов, ходивших по деревням со своими первобытными струнными

инструментами, распѣвая былины, происхожденіе которых терялось в глубокой древности. Кромѣ того значительное количество очень старых пѣсен поется до сих пор в русских деревнях. Каждый крупный годовой праздник,—Рождество, Пасха, день на Ивана Купала,—имѣет свой собственный круг пѣсен, которых слова и напѣвы относятся еще ко временам язычества. При свадьбах, сопровождаемых очень сложным обиходом, и при похоронах, женщины-крестьянки поют также весьма древнія пѣсни. Многія из этих пѣсен, конечно, подверглись с теченіем вѣков значительным искаженіям; от нѣкоторых уцѣлѣли лишь отрывки; но, памятуя народную пословицу, что „из пѣсни слова не выкинешь“, женщины во многих мѣстностях Россіи продолжают пѣть эти древнія пѣсни, хотя смысл многих слов уже недоступен их пониманію.

Помимо пѣсен имѣются также сказки. Многія из них обще-арійскаго происхожденія; параллельныя сказки можно найти в собраніях сказок братьев Гриммов; но нѣкоторыя имѣют монгольское и тюркское происхожденіе *); нѣкоторыя же, по основѣ своей — чисто русскія. Вслѣд затѣм идут пѣсни, распѣваемыя странствующими пѣвцами, каликами-перехожими; пѣсни эти также очень древняго происхожденія. Они почти цѣликом заимствованы с востока, и героями и героинями их являются представители других народностей, как, напримѣр, „Акиб ассирійскій царь“, „Прекрасная Елена“, „Александр Великій“, „Рустем Персидскій“ и т. п. Понятно, какой интерес представляют эти русскія версіи восточных легенд для всякаго изслѣдователя в области фольклора и сравнительной миѳологіи.

Наконец, крупное мѣсто в русской народной словесности занимают эпическія пѣсни, былины, которыя соотвѣтствуют исландским сагам. Даже и в настоящее время их можно иногда услышать в деревнях сѣверной Россіи, гдѣ их поют так-называемые „сказители“, аккомпанируя себѣ на спеціальном инструментѣ, также имѣющем очень древнее происхожденіе. Старик-сказитель произносит речитативом одну или двѣ фразы, аккомпанируя себѣ на инструментѣ; вслѣд за этим слѣдует мелодія, в которую каждый пѣвец влагает собственныя модуляціи, и затѣм снова начинается спокойный речитатив эпическаго разсказа. К сожалѣнію, эти старые барды быстро вымирают; но около 35 лѣт тому назад нѣкоторые из них были еще живы в Олонецкой губерніи, и мнѣ удалось услышать одоного из них, привезеннаго в Петербург А. Гольфердингом; старый пѣвец пѣл свои удивительные былины в Собраніи Русскаго Географическаго Общества. Собираніе эпических пѣсен, к счастію, было начато заблаговременно,—еще в 18-ом вѣкѣ этому дѣлу посвятило себя нѣсколько спеціалистов,—и в настоящее время Россія обладает едва-ли ни самым богатым собраніем подобнаго рода пѣсен (около четырех сот), спасенных от забвенія.

Героями русских эпических пѣсен являются богатыри, которых народное преданіе об’единяет вокруг стола кіевскаго князя, Владимира Краснаго-Солнышка. Одаренные сверх естественной физической силой, эти богатыри — Илья Муромец, Добрыня Никитич, Микула Селянинович, Алеша Попович и т. д., изображаются путешествующими по Россіи, очищая страну от великанов, или от монголов и турок. Или же они отправляются в отдаленныя страны, для добыванія невѣсты своему князю, Владимиру, или самим себѣ; на пути они встрѣчаются, конечно, со всякаго рода приключеніями, в которых волшебство играет немалую роль. Каждый из героев этих былин носит индивидуальный характер. Так, напримѣр, Илья, крестьянскій сын, не гонится за золотом и богатствами; он сражается лишь с цѣлью очистить родную землю от великанов и иноземцев. Микула Селянинович является олицетвореніем силы, которой одарен крестьянин, обрабатывающій землю: никто не может выдернуть из земли его тяжелаго плуга, в то время как он сам поднимает его одной рукой и бросает за облака. Добрыня имѣет тѣ же черты борца с драконами, которыя присущи святому Георгію. Садко олицетворяет богатаго купца, а Чурило Пленкович—изысканнаго красиваго горожанина, в котораго влюбляются женщины.

В то же время, в каждом из этих героев есть черты несомнѣнно миѳологическаго характера. Вслѣдствіе этого, ранніе русскіе изслѣдователи былиннаго эпоса, находившіеся под вліяніем Гримма, пытались разсматривать былины, как отрывочныя отраженія старой славянской миѳологіи, в которой силы природы олицетворялись героями. В Ильѣ они видѣли черты бога громоносца. Добрыня олицетворял, по их мнѣнію, солнце в его пассивном состояніи,—активныя боевыя качества солнца оставлялись Ильѣ. Садко был олицетвореніем мореходства и морской бог, с которым он имѣет дѣло, был своего рода Нептун. Чурило разсматривался, как представитель демоническаго элемента и т. д.

*) Наш „Кощей“ оказался египетским царем Коучеем; текст, почти параллельный русской сказкѣ, оказался в папирусах. **(Примѣчаніе переводчика..**

Так, по крайней мѣрѣ, пытались об’яснить былины ранніе изслѣдователи.

В. В. Стасов, в своем трудѣ о происхожденіи русских былин, совершенно разрушил эту теорію. Путем очень богатой аргументаціи он доказал, что русскія эпическія пѣсни вовсе не были отраженіями славянской миѳологіи, но представляют заимствованія из восточных сказаній. Таким образом оказаывалось, что Илья был Рустемом иранских легенд, помѣщенный в русскую обстановку; Добрыня являлся Кришной индійскаго фольклора; Садко — купец восточных и норманских сказаній. Всѣ русскіе эпическіе герои имѣли восточное происхожденіе. Другіе изслѣдователи пошли даже дальше Стасова. Они увидѣли в героях русской эпики малозначительных мѣстных дѣятелей, живших в 14-ом и 15-ом вѣкѣ (Илья Муромец, дѣйствительно, упоминается, как историческое лицо, в одной из скандинавских хроник), которым были приписаны подвиги восточных героев, заимствованные из легенд востока. Согласно этой теоріи, герои былин не имѣют ничего общаго с эпохой князя Владимира, и еще менѣе с древней славянской миѳологіей.

Постепенная эволюція и переход миѳов из одной страны в другую, при чем эти миѳы с успѣхом сливались, по мѣрѣ того, как они проникали в новыя страны, с преданіями о мѣстных героях, могут послужить нѣкоторым об’ясненіем этих противорѣчій. Нельзя отрицать миѳологических черт в героях русской эпики; но дѣло в том, что эта миѳологія носит не спеціально-славянскій, а обще-арійскій характер. Из этих миѳологических олицетвореній сил природы постепенно выросли на Востокѣ их человѣческія олицетворенія в формѣ героев.

В болѣе позднюю эпоху, когда эти восточныя легенды начали проникать в Россію, дѣянія их героев были приписаны русским богатырям, и восточным героям была дана русская обстановка. Русскій фольклор ассимилировал их; но, сохраняя их наиболѣе глубокія, полумиѳологическія черты и основныя особенности их характеров, русскій народ, в то же самое время, придал иранскому Рустему, индійскому побѣдителю драконов, восточному купцу и т. д., новыя, чисто-русскія черты. Он, так сказать, обнажил их от тѣх одѣяній, которыя были наброшены на Востокѣ на их мистическую сущность, когда они впервые были очеловѣчены иранцами и индійцами, и надѣл на них русскую одежду,—совершенно также как в сказках об Александрѣ Великом, которыя мнѣ пришлось слышать в Забайкальѣ, греческому герою были приписаны бурятскія черты, а мѣстом дѣйствія оказывалась такая-то „сопка“ из забайкальских гор. Но все же русскій фольклор не ограничился простым переодѣваньем персидскаго принца Рустема в русскаго крестьянина Илью. Русскія былины, по их стилю, поэтическим образам и отчасти по характеристикѣ героев, являются самостоятельными созданіями народнаго творчества. Их герои носят отличительныя черты русскаго характера. Так, напримѣр, они не прибѣгают к кровавой мести, как это бывает в скандинавских сагах; их дѣйствія, особенно у „старших богатырей“, не являются результатом преслѣдованія личных цѣлей, но проникнуты общинным духом, представляющим характерную особенность русской народной жизни. Словом, они—настолько же русскіе, насколько Рустем, был персом. Относительно времени возникновенія этих былин предполагается, что онѣ получили начало между десятым и двѣнадцатым вѣком и приняли ту форму, в которой они дошли до нас, в 14-ом столѣтіи. С того времени онѣ подверглись лишь незначительным измѣненіям.

В этих былинах Россія обладает драгоцѣнным національным наслѣдіем рѣдкой поэтической красоты, которое нашло достодолжную оцѣнку в Англіи со стороны Рольстона и во Франціи со стороны извѣстнаго историка Равбо.

„Слово о полку Игоревѣ“.

Несмотря на богатство своего эпоса, Россія не имѣет собственной Иліады. Не нашлось в тѣ времена поэта, который вдохновился бы героическими дѣяніями Ильи, Добрыни, Садко, Чурилы и т. д., и создал бы из них эпическую поэму, подобную поэмѣ Гомера или „Калевалѣ“ финнов. Это было сдѣлано лишь по отношенію к одному только циклу преданій,—в поэмѣ „Слово о полку Игоревѣ“.

Созданіе поэмы относится к концу 12-го вѣка или началу 13-го (рукопись ея, погибшая во время московскаго пожара в 1812 году, носила слѣды 14-го или 15-го столѣтія). Поэма, несомнѣнно, является единоличным трудом одного автора, и, по красотѣ и поэтичности, может быть поставлена на ряду с „Пѣсней о Нибелунгах“ или с „Пѣсней о Роландѣ“. В ней излагается дѣйствительное событіе, случившееся в 1185 году. Игорь, князь кіевскій, выступает с своей дружиной против половцев, которые занимали степи юго-Западной Россіи, и постянно нападали на русскія поселенія. На пути через степи, князя встрѣчают мрачныя предвѣщанія; солнце омрачается и бросает

тѣнь на княжескую дружину; звѣри предостерегают его, но Игорь не обращает на это вниманія,—поход продолжается. Наконец его дружина встрѣчает половцев, и начинается великая битва.

Описаніе битвы, в которой вся природа принимает участіе—орлы, и волки, и лисицы, которыя лают на красные щиты русских воинов—поистинѣ замѣчательно. Войско Игоря разбито.

„С утра до вечера с вечера до свѣта, летят стрѣлы каленыя, звучат сабли о шеломы, трещат копья булатныя, в полѣ незнаемом, среди земли половецкой. Черная земля под копытами костьми была посѣяна, а кровію полита: возрасла на ней бѣда для земли русской. Что мнѣ шумит, что мнѣ звенит рано перед зарею? Игорь полки поворачивает: жаль бо ему милаго брата Всеволода. Билися день, билися другой: на третій день к полудню пали знамены Игоревы. Тут разлучилися братья на берегѣ быстрой Каялы. Не достало тут вина кроваваго; тут и кончили пир храбрые Русичи: сватов попоили, да и сами легли за землю русскую. Поникла трава от жалости, и дерево к землѣ преклонилось от печали". (Перевод Бѣлинскаго. Сочиненія, изданіе Венгерова, том 6-й).

Вслѣд затѣм идет один из лучших образчиков древней русской поэзіи—плач Ярославны, жены Игоря, которая ожидает его возвращенія в Путивлѣ. (Передаю его в том же переводѣ Бѣлинскаго).

„Ярославнин голос раздается рано по-утру.

„Полечу я по Дунаю зегзицею, омочу бобровый рукав в Каялѣ-рѣкѣ, отру князю кровавыя раны на жестоком тѣлѣ его!

„Ярославна рано плачет в Путивлѣ на городской стѣнѣ:

„О вѣтер, о вѣтер! — Зачѣм, господине, так сильно вѣешь? Зачѣм на своих легких крыльях мчишь ханскія стрѣлы на воинов моей лады? Или мало для тебя гор, чтобы вѣять под облаками, лелѣючи корабли на синем морѣ? Зачѣм, господине, развѣял ты мое веселіе по ковыль-травѣ?

„Ярославна рано плачет в Путивлѣ на городской стѣнѣ:

„О Днѣпр пресловутый! ты пробил каменныя горы сквозь землю половецку, ты лелѣял на себѣ ладьи Святославовы до стану кобякова: взлелѣй же, господине, мою ладу ко мнѣ, чтобы не слала я к нему по-утрам слез моих на море.

„Ярославна рано плачет в Путивлѣ на городской стѣнѣ:

„Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! всѣм и красно и тепло ты: зачѣм, господине, простер горячій луч свой на воинов моей лады, в безводном полѣ жаждою луки им сопряг, печалію им колчаны затянул?"

Этот небольшой отрывок может дать нѣкоторое понятіе об общем характерѣ и поэтических красотах „Слова о полку Игоревѣ".*).

Несомнѣнно, эта поэма не была единственной, и, помимо нея, в тѣ времена, вѣроятно, составлялись и распѣвались многія подобныя же поэмы героическаго характера. В введеніи к поэмѣ дѣйствительно упоминается о бардах, особенно об одном из них, Баянѣ, пѣсни котораго сравниваются с вѣтром, несущимся по вершинам деревьев. Много таких Баянов, вѣроятно, ходили по русской землѣ и пѣли подобныя „Слова" во время пиров князей и их дружин. К несчастію, лишь одна из этих поэм дошла до нас. Русская церковь безжалостно запрещала — особенно в 15-ом, 16-ом и 17-ом столѣтіях, — пѣніе эпических пѣсен, имѣвших распространеніе в народных массах; она считала их „языческими" и налагала суровыя наказанія на бардов и вообще всѣх, поющих старыя пѣсни. Вслѣдствіе этого до нас дошли лишь небольшіе отрывки этой ранней народной поэзіи.

Но даже эти немногіе остатки прошлаго оказали сильное вліяніе на русскую литературу, с тѣх пор, как она получила возможность заниматься другими сюжетами, кромѣ чисторелигіозных. Если русская версификація приняла ритмическую форму, вмѣсто силлабической, это об'ясняется тѣм, что на русских поэтов оказала вліяніе ритмическая форма народных пѣсен. Кромѣ того, вплоть до недавняго времени, народныя пѣсни являлись такой важной чертой русской деревенской жизни,—как в домах помѣщиков, так и в избах крестьян,—что онѣ неизбѣжно должны были оказать глубокое вліяніе на русских поэтов; и первый великій поэт Россіи, Пушкин, начал свою карьеру пересказом в стихах сказок своей старой няни, которыя он любил слушать в долгіе зимніе вечера. Благодаря нашему почти невѣроятному богатству чрезвычайно музыкальных народных пѣсен, возможно было также появленіе в Россіи, уже в 1835 году, оперы „Аскольдова Могила", Верстовскаго, чисто-русскія мелодіи которой запоминаются даже наименѣе музыкальными из русских слушателей; благодаря тѣм-же причинам, оперы Даргомыжскаго и наших молодых композиторов имѣют теперь такой успѣх в русской деревнѣ, при чем хоры в них выполняются мѣстными пѣвцами из крестьян.

Таким образом народная поэзія и народныя пѣсни оказали Россіи громадную услугу. Онѣ сохранили извѣстное единство между языком литературы и языком народных масс, между музыкой Глинки, Чайковскаго, Римскаго-Корсакова, Бородина и т. д., и музыкой крестьянских хоров, — сдѣлав таким образом поэта и композитора доступными крестьянину.

*) Англійскіе читатели найдут полный перевод этой поэмы в работѣ профессора Л. Винера "Anthology of Russian Literature from the Earliest Period to the Present Time," изданной в 2-х томах в 1902 году фирмой Putuam & Sons в Нью Іоркѣ. Профессор Винер превосходно знаком с русской литературой и сдѣлал очень удачную выборку наиболѣе характерных мѣст из произведеній русских писателей, начиная с древнѣйшаго періода (911 г.) и кончая нашими современниками, — Горьким и Мережковским.

Словарь иностранных слов

Иностранныя слова, встрѣчающіяся в этом номерѣ.

Абсолютизм — самодержавіе, неограниченная, единодержавная власть.
Абсурд — безсмыслица, нелѣпость.
Абстрактный — отвлеченный.
Авторитет — почет и уваженіе, которыми пользуется то или другое лицо или учрежденіе.
Азот — химическій элемент, газ, без цвѣта, вкуса и запаха; составляет часть воздуха, многих растительных и животных веществ.
Аксіома — очевидная истина не требующая доказательств.
Активный — дѣятельный.
Анализ — разбор, разложеніе.
Аналогія — сходство, подобіе.
Антагонизм — противодѣйствіе.
Атеизм — безбожіе, отрицаніе Бога, как личности, стоящей внѣ міра и управляющей им.
Атом — мельчайшая частица матеріи (вещества), недѣлимая никакими искусственными и естественными средствами, конечный элемент матеріи.
База — основаніе, фундамент.
Баллада — эпическое стихотвореніе с фантастическим, сказочным оттѣнком.
Библіографія — перечень книг, отдѣл текущей журналистики, гдѣ кратко разбираются вновь выходящія книги.
Біографія — описаніе жизни какого либо лица.
Біологія — наука, занимающаяся опредѣленіем общих законов органической жизни, т. е. жизни растеній и животных.
Бонапартисты — французская политическая партія, защищающая права фамиліи Бонапартов на французскій престол.
Бюрократизм — означает чисто формальное, канцелярское производство дѣл, подчиненіе истины и дѣла формѣ; безполезное умноженіе дѣл и письмоводства и злоупотребленіе власти начальником.
Версификація — стихосложеніе, — наука, разсматривающая состав, законы составленія и роды стихов.
Вульгарный — грубый, непристойный.
Гальванизм или **динамическое электричество** — образуется при прикосновеніи двух однородных тѣл, если оба, хорошіе проводники электричества.
Гверильясы — испанскіе ополченцы 1812 г., возставшіе против Наполеона и освободившіе свое отечество от французскаго ига.
Гильотина — машина для обезглавленія; состоит из отточеннаго тяжелаго ножа, движущагося в пазах между двумя столбами, расположенными по обѣим сторонам плахи. Изобрѣтена врачем Гильотеном во время 1-ой французской Революціи (1792 г.).
Гипотеза — предположеніе болѣе или менѣе вѣроятное.
Гностицизм — стремленіе философским путем примирить христіанство с языческой мудростью.
Гуманность — человѣчность, человѣколюбіе.
Дедукція — умозрительный вывод из основаній, принимаемых за непреложныя.
Деизм — ученіе противоположное атеизму (отрицанію Бога), допускающее откровеніе.
Деморализація — развращеніе нравов, пониженіе нравственнаго уровня.
Детали — подробности.
Динамика — часть механики, изучающая законы движенія тѣл.
Діалектика — искусство убѣждать, умѣнье вести спор так, чтобы его вѣсы постоянно склонялись на нашу сторону.
Доктринерство — упорное слѣдованіе кабинетным теоріям.
Доктрина — ученіе о каком-либо политическом или философском предметѣ.
Дуализм — философская система, признающая в мірѣ два начала; напримѣр, идею и матерію, добро и зло.
Жакеріи — кровавыя возстанія французских крестьян в 14-м столѣтіи против притѣсненій дворянства.
Жесты — тѣлодвиженія, оживляющія человѣческую рѣчь.
Идея — мысль; понятіе или представленіе о каком-либо предметѣ.
Изолированный — уединенный, отдѣленный от окружающих предметов.
Импонировать — внушать невольное уваженіе, производить внушающее впечатлѣніе.
Индивидуализація — развитіе особенностей выдѣляющих личность из окружающей массы.
Инертный — мертвенный, неподвижный, коснѣющій, бездѣйственный.
Инквизиція — духовное судилище, учрежденное папами в XII вѣкѣ для преслѣдованія еретиков. Орудіе іезуитов.
Инстанція — послѣдовательныя ступени власти, по которым в извѣстном порядкѣ должны проходить просьбы, жалобы и сношенія между собой присутственных мѣст и лиц.
Инстинктивный — безотчетный, необ'яснимый, машинальный.
Интеграція — соединеніе в одно цѣлое.
Интеллектуальный — умственный.
Іерархія—священноначаліе, организація церковных чинов.
Классификація — распредѣленіе предметов или явленій по извѣстным групам и отдѣлам.
Классическій — образцовый, превосходный.
Коллективный — собирательный; состоящій из многих лиц одного и того же характера.

Компактный — сжатый, убористый.
Комплекс — совокупность однородных элементов, составляющих опредѣленное цѣлое.
Композитор — автор музыкальной пьесы, сочинитель музыки.
Конвент — законодательное собраніе народных депутатов во время французской революціи, с 21 сентября 1792 г., послѣ отреченія короля от престола.
Конкубинат — постоянная половая связь внѣ законнаго брака.
Конспект — подробное перечисленіе содержанія какого-либо сочиненія или научнаго предмета.
Конспирація — заговор.
Контакт — соприкосновеніе.
Контрадиція — противорѣчіе.
Контрапункт — искусство сочетанія голосов для образованія мелодіи.
Контраст — противоположность.
Конфликт — столкновеніе.
Концентрація — сосредоточеніе, сгущеніе.
Координація — цѣлесообразное сочетаніе и соподчиненіе извѣстных дѣйствій.
Космогенія — ученіе о происхожденіи міра.
Космополит — человѣк, подчиняющій національные интересы интересам всего человѣчества и считающій себя гражданином не только своего отечества, но и всего міра.
Культура — образованіе, просвѣщеніе.
Легальный — согласный с законами, законный.
Лейденская банка — физическій прибор, имѣющій цѣлью усиленіе напряженности электричества.
Лирическій — чувствительный, прочувствованный, сердечный.
Логика — наука о законах мышленія.
Магнетизм — свойство нѣкоторых тѣл притягивать к себѣ другія тѣла.
Максимальный — наибольшій.
Матеріализм — система философіи, отрицающая в природѣ все духовное, признающая в мірѣ только одну сущность (субстанцію)—матерію.
Мелодія — послѣдовательность звуков с таким сочетаніем тонов, которое своим благозвучіем пріятно дѣйствует на слух.
Метаморфоза — наука о сверхчувственном или недоступном нашему чувству и опыту.
Метеориты — (аэролиты) минеральныя массы, падающія на землю с неба.
Мистика — склонность к таинственному.
Миѳологія — наука о миѳах, т. е. о преданіях, содержаніе которых составляет быт богов.
Модуляція — переход из тона в тон.
Молекула — мельчайшая частица тѣла, представляющая соединеніе нѣскольких атомов, могущих быть отдѣленными друг от друга только путем химическаго измѣненія состава тѣла.
Моногамія — единобрачіе.
Монотеизм — религія, признающая одного Бога, в противоположность политеизму или многобожію.
Монотонный — однообразный.
Новаторство — введеніе новых, коренных реформ.
Ортодоксальный — правовѣрный.
Пантеизм — ученіе о тождественности міра с Божеством.
Парадокс—утвержденіе, противное общепринятому мнѣнію.
Пассивный — бездѣятельный.
Перманентный — постоянный, непрерывный.
Полигамія — многоженство.
Поэзія — (творчество) искусство изображать в словѣ прекрасное.
Психологія — наука о душевных явленіях.
Раціональный — согласный с разумом, привильный, соотвѣтствующій указаніям науки.
Риторика — теорія краснорѣчія, наука об основаніях и правилах искуснаго ораторскаго изложенія.
Реплика — возраженіе, опроверженіе, отвѣт.
Санкція — подтвержденіе, утвержденіе.
Сарказм — ѣдкая насмѣшка.
Секвестр — арест имущества и отдача его другому лицу, впредь до рѣшенія суда.
Синтез — восхожденіе от простого к сложному.
Софистика — искусство доказывать при помощи софизмов всякое положеніе, истинное и ложное.
Соціологія — наука о законах, по которым совершается жизнь и развитіе общества во всей его совокупности.
Субстанція — неизмѣнная и постоянная сущность, лежащая в основѣ вещей и противополагаемая всему преходящему и случайному.
Схоластика — средневѣковая философія, представлявшая соединеніе греческой философіи с теологіей. Начало схоластики относится к IX вѣку, а упадок к XIV и XV вѣкам.
Сюжет — содержаніе литературнаго, художественнаго или музыкальнаго произведенія.
Теологія — богословіе.
Теорія — познаніе, построенное на отвлеченных началах и вытекающее из них с логической послѣдовательностью.
Тезис — положеніе, которое требуется подкрѣпить доказательствами.
Трансцендентный — превышающій сферу всего ограниченнаго и не подлежащій такому знанію, как явленія окружающей нас природы.
Узурпатор — лицо, захватившее в свои руки верховную власть путем насилія или интриг.
Фантасмагорія — изображеніе воспроизведенное помощью оптических средств.
Фатализм — глубокая вѣра в предопредѣленіе судьбы.
Фетишизм — поклоненіе дикарей земным предметам.
Физіологія — наука о различных процессах, происходящих в живых тѣлах или организмах.
Философія — наука об основных принципах познанія и бытія, стремится указать общую связь всего сущаго и об'яснить явленія из их естественных причин.
Фольклор — совокупность народных повѣрій, легенд, сказок, пословиц и пр.; также спеціальная наука, изучающая народныя преданья; основана Яковом Гримом в Германіи.
Фурьеристы — послѣдователи Фурье.
Цикл — (греч. „круг“) группа извѣстных наук, сочиненій и пр.; в хронологіи період, по окончаніи котораго одни и тѣ же явленія повторяются в том же порядкѣ.
Шансонетка — пѣсенька легкаго содержанія.
Эволюція — постепенное развитіе.
Эгоист — себялюбец, человѣк, думающій только о себѣ, своих удобствах и выгодах.
Эпоха—період времени, характеризующійся каким-нибудь одним выдающимся историческим событіем.
Эстетика — отдѣл философіи, трактующій о красотѣ, о проявленіях ея в видимом чувственном мірѣ и в искусствѣ и об отношеніи ея к дѣйствительности.
Этика — ученіе о нравственности.
Эѳир — невѣсомая жидкость, которая наполняет весь мір и колебаніями которой вызывается свѣтовыя, тепловыя, магнитныя и электрическія явленія.

Книги, имьющіяся для продажи на складѣ „Хльб и Воля“

Ж. Грав. Будущее общество (в переплетѣ) $1.00
Ж. Грав. Будущее общество (без переплета) ..... .75
А. Карелин Земельная программа ..... .10
С. Фор Преступленіе Бога ..... .10
М. Бакунин Бог и Государство ..... .30
Ж. Герциг. Парижская Коммуна ..... .05
І. Мост. Религіозная язва ..... .05
Стенька Заяц. Как мужики остались без начальства ..... .08
Ильин. „Пѣсни Пахаря“ ..... .30
Малатеста. В кафейнѣ ..... .12
К. Ф. Гордѣенко. Религіозные предразсудки ..... .06
А. Карелин. Политическая экономія ..... .50
Его же К вопросу о коммунизмѣ ..... .10
Индустріальная республика в Мексикѣ ..... .03
Лапоть. Сов. Раб. Солд. и Кр. Деп. и наше отношеніе к ним .. .03
Новомірскій. Манифест А. К. ..... .10
Э. Реклю. Рѣчь о Русской Революціи ..... .03
П. Кропоткин. Нравственныя начала анархизма ..... .15
Новомірскій. Что такое Анархія ..... .45
Раевскій. Анархо-Синдикализм и „Критическій“ синдикализм .15
Его же. Современный Соціализм ..... .05
Арнольд. Всеобщая стачка и Соціальная Революція ..... .10
Рѣчь Матрены Присяжнюк ..... .05
Товарищ не измѣняй ..... .02
Кому служит солдат ..... .05
Чикагская драма ..... .05
20 лѣт ..... .10

ПОСТУПИЛИ В ПЕЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

Кропоткин. Взаимопомощь как фактор эволюціи 1.00
Ж. Грав. Умирающее общество и Анархія ..... .60
Кропоткина. Хлѣб и Воля, Рѣчь Бунтовщика, Анархія
Г. Макай. Анархисты

UNIVERSITY OF CHICAGO
095 963 918

ЧИТАЙТЕ

Еженедѣльную Рабочую Газету

Орган Федераціи Союзов Русских Рабочих
Соединенных Штатов и Канады

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

В Соед. Штатах

На 1 год . . . . . 2 долл. 50 сент.
На 6 мѣсяцев . . . . . 1 долл. 50 сент.
На 3 мѣсяца . . . . . 75 сент

В Канаду и за-границу

На 1 год . . . . . 4 долл. 50 сент.
На 6 мѣсяцев . . . . . 2 долл. 50 сент.
На 3 мѣсяца . . . . . 1 долл. 25 сент.

Цѣна отдѣльнаго номера 5 сент.

Пробный Номер Высылается Безплатно.

Адрес Редакціи:

KHLIEB i VOLIA

133 East 15th St., New York, N.Y.